

В. ЛАРИЧЕВ
ТАЙНА КАМЕН=НОЙ ЧЕРЕПА=ХИ

Величеств[illegible] войнами [illegible]ей, разва[illegible] [illegible] в м[illegible] т[illegible] на благода[illegible]и [illegible] П[illegible] [illegible]чые [illegible] [illegible]варски разбитые [illegible]

По крупи[illegible] о[illegible] и [illegible] с[illegible]ния о древних [illegible] [illegible] ор[illegible] ос[illegible] памятн[illegible] [illegible]вали из п[illegible]ения [illegible]ение [illegible]кие [illegible]. Уди[illegible] [illegible]ина встает пе[illegible] [illegible]ами учен[illegible]. Много ве[illegible] на [illegible] край [illegible] населен. Здесь ж[illegible]

В. ЛАРИЧЕВ

Документальная повесть
об одном археологическом поиске

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1966

Для археолога,
самого опытного,
здесь предстоит
немало преткновений...

Палладий Кафаров

Письмо из Уссурийска от 23 августа 1870 г.

НЕМЫЕ КАМНИ

За железной оградой перед входом в Хабаровский краеведческий музей стоит громадное изваяние каменной черепахи с изуродованной грубыми сколами плитой на спине. Торжественно и загадочно это удивительное животное, родившееся, по легенде, от брака небесного существа и земной черепахи. Вот уже семьдесят лет волнует оно воображение людей.

В средние века такие изваяния водружались на могилах выдающихся государственных деятелей. На плите (стеле), покоящейся на спине, обычно высекалась надпись с подробным рассказом о подвигах покойного. Но напрасно искать ее на неровной, потемневшей от времени и покрытой зеленоватыми лишайниками поверхности «хабаровского» камня. Надпись, за исключением двух почти ничего не выражающих знаков, полностью уничтожена.

В честь кого поставили на Дальнем Востоке этот гранитный памятник, символ величия и бессмертия? Кто, когда и зачем уничтожил надпись на стеле? Какие собы-

тия средневековой истории народов русского Дальнего Востока связаны с этим изваянием?

Нет ответа от безгласного чудовища с напряженно поднятой вверх головой и тяжелыми когтистыми лапами, вцепившимися в камень постамента. Оно знает много, но ничего не говорит людям. Черепахе вырвали язык, когда уничтожили надпись на стеле!

Впервые я познакомился с памятником еще студентом Ленинградского университета. Тогда меня поразила таинственная и несомненно трагическая судьба величественного монумента. У вещей, так же как у людей, своя судьба — у одних счастливая, у других печальная. Что может быть трагичнее судьбы разрушенного памятника, главное назначение которого — сообщить далеким потомкам сквозь века и тысячелетия о бурных событиях своего времени!

В голове роились десятки вопросов, один сложнее другого, и ни на один я не находил ответа. Я чувствовал недостаток знаний, чтобы разгадать простейшие из них.

Но стоило ли вообще тратить время на эту черепаху? Ведь она абсолютно нема, и, казалось, ничто, кроме чуда, не может заставить «заговорить» ее. И все же в последующие годы, посещая Хабаровск по делам экспедиций, я никогда не упускал случая зайти за ограду музея и молча посидеть рядом с каменным чудовищем. Мне было грустно от бессилия перед тайной памятника.

Но чудо все же свершилось — черепаха заговорила.

Как произошло это, читатель узнает из книги.

В ней рассказано о том, какими иногда сложными и запутанными ходами приходится пробиваться к разгадке тайн истории, когда успех может принести и планомерность поисков и счастливая случайность или просто везение. Книга посвящена интересному народу древности — чжурчженям. Это они, одни из предков современных «малых народов» советского Дальнего Востока, в то са-

мое время, когда на далеком от них западе крепло могущество Киевской Руси, заложили основы блестящей культуры и государственности на восточной окраине нашей страны. Поразительна и одновременность расцвета двух государств средневековья, территории которых вошли впоследствии в состав России, и трагическая общность их исторических судеб. Киевскую Русь и Золотую империю чжурчженей безжалостно растоптали и залили кровью полчища Чингис-хана и его преемников.

История и культура Золотой империи чжурчженей интересна также с другой точки зрения. Начиная с эпохи раннего средневековья, у северных границ Китая возникает ряд самостоятельных национальных государств, которые играют выдающуюся роль в политической истории Центральной и Восточной Азии. В степях Монголии крепнет могучая сила гуннской кочевой державы, которую сменяет империя «голубых тюрок», а затем «железное» государство киданей, предков монголов. В это же время в Ордосе расцветает могущественное государство тангутов — Си Ся, а на крайнем востоке материка — Корё (Корея). Именно в это же время тунгусо-маньчжурские народы таежных и горных областей Дальнего Востока и Южной Сибири образуют мощное племенное объединение, а позже государство, названное Золотым. Чжурчжени сбрасывают гнет киданей и решительно пресекают все попытки китайских императоров вершить судьбами народов Севера, которых они испокон веков презрительно называли «варварами» и «иноземцами».

Более того, однажды случилось так, что плененные чжурчженями сунский император и его семья были доставлены связанными на простых крестьянских телегах в далекую северную столицу. В храме предков императора публично разжаловали, лишив сана «владыки Поднебесной», а затем «милостиво пожаловали» ему титул князя. Сунский император кончил свои дни где-то в та-

ежном краю современного Прнморья, куда чжурчжени отправили его в ссылку.

В исторически прогрессивной миссии возрождення и укрепления могущества нации, ее самостоятельности и целостности чжурчженьские племена, населявшие в прошлом советское Прнморье, играли очень своеобразную роль. Сначала они попытались возглавить борьбу за объединение чжурчженьских племен, а когда это не удалось сделать, превратили Приморье в одну из главных баз в решающих сражениях с врагами тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока.

Читатель узнает также, сколько сил, изобретательностн и энергии приложили русские археологи, этнографы, востоковеды и просто любители, чтобы спасти для науки памятники старины русского Дальнего Востока. Среди выдающихся открытий периода зарождения и становления русской археологии важное место занимают не только исследования европейской части России, но также обширных азиатских пространств Сибири и Дальнего Востока, в том числе самой отдаленной восточной окраины нашей страны — Приморья.

Русские переселенцы, появившиеся на Дальнем Востоке в начале второй половины прошлого века, с удивлением увидели, что пустынный и дикий, до этого почти полностью незаселенный край имеет многочисленные следы древней жизни. Около новых русских деревень возвышались грозные валы и рвы крепостей, внутри которых находились развалившиеся здания и храмы с рядами каменных оснований колонн. За пределами крепостей были разбросаны могильные курганы с аллеями гранитных изваяний. Под курганами лежали те, кто строил крепости, мостил дороги, сооружал колодцы и оборонительные валы. Но никто не мог ответить, что за народ создал здесь высокую культуру и почему внезапно опустел некогда богатый и густо заселенный край. Толь-

ко груды каменных ядер внутри крепостей молчаливо свидетельствовали об ожесточенной борьбе, в которой погибли города Приморья. Край на многие столетия превратился в страну мертвых городов, скрытых дикой непроходимой тайгой.

Когда я мысленно восстанавливаю ход поисков, направленных к разгадке тайны хабаровской черепахи, то вижу, как труден и тернист был путь к истине.

Мне хочется провести читателя по запутанным лабиринтам ходов, которые привели в конце концов к разгадке тайны черепахи. Если его увлекут поиски, а волнения археолога заставят сильнее забиться сердце, я буду считать свою задачу выполненной.

Раскрытие тайны хабаровской черепахи никогда не являлось для меня самоцелью, как может показаться с первого взгляда. Исследования направлялись прежде всего желанием прочитать неизвестные страницы истории приморских и приамурских народов. Обе эти задачи, как и следовало ожидать, оказались взаимосвязанными.

Воссоздание забытой истории приморских племен потребовало, естественно, напряженной работы. Она заняла много времени. Вряд ли поиски ключа к тайне завершились успехом, если бы мне не помогли друзья. Пользуясь случаем, я приношу свою искреннюю благодарность и глубокую признательность прежде всего кандидатам исторических наук Е. И. Кычанову и Э. В. Шавкунову, моим друзьям со студенческих лет. Первый из них оказывал мне в Ленинграде постоянную помощь в работе над средневековыми историческими источниками, прекрасным знатоком которых он является, а второй незамедлительно откликался на все вопросы, которые можно было решить, находясь во Владивостоке.

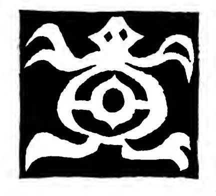
Автор признателен также за помощь и консультации В. С. Старикову, А. Г. Малявкину, Л. Л. Викторовой,

Л. Н. Меньшикову, В. Н. Горегляду, М. В. Воробьеву, Л. Н. Иваньеву, работникам архивов АН СССР, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Географического общества СССР, директору и заведующему фондами Владивостокского краевого музея, ученому секретарю Приморского отделения Географического общества В. Г. Приходько, директору Хабаровского музея В. П. Сысоеву.

Для меня незабываемы также месяцы первой в жизни археологической поездки по Дальнему Востоку под руководством моего учителя А. П. Окладникова. Именно тогда произошла первая встреча с каменной черепахой, которая стала теперь главным героем этой книги.

Автор

Глава I
„ТАК БЫЛО ОТ НАЧАЛА ВЕКОВ“

Тревожные предзнаменования. Заговор коварного Дигуная и убийство императора Хэла. Кровавый террор. „Повелел памятники на могилах князей уничтожить“. Пржевальский у древних развалин Уссурийска. Черепаха путешествует в Хабаровск. Арсеньев и легенда о жестоком правителе с реки Сучана. „Это было очень, очень давно...“ Кто ты, принц из Двуградия?

Шел 1148 год. В одну из холодных декабрьских ночей, когда на дворе установилась кромешная тьма, в помещении дворцовой стражи чжурчженьского императора Хэ-

ла, расположенном неподалеку от главного входа в покои, произошла обычная смена караула. Начальник стражи ворот, разместив в положенных местах вооруженных пиками воинов охранной гвардии, грустно смотрел вслед тающей в темноте толпе императорских телохранителей. Они во главе с «десятниками» Пусихуту и Алигухо[1] направились внутрь дворцового помещения. Сильный, пронизывающий до костей ветер, завывая, бестолково метался в проемах между строениями. Он раскачивал невидимые в темноте колокольчики, подвешенные по углам причудливо загнутой черепичной крыши соседнего с воротами храма Неба. Тревожно и жалобно позванивали они, навевая тоску и страх. Ветер трепал и хлопал полами длинных халатов воинов. Огонь единственного факела, который держал в руках Пусихуту, сыпал разлетающимися по ветру искрами, готовый погаснуть. Отсветы мечущегося языка пламени поблескивали на лезвиях стальных алебард. Вот огонек мигнул, исчез, снова появился и, наконец, растаял в темноте.

Зашли в покои,— подумал начальник стражи и, вздохнув, нехотя поплелся к караульному помещению.

Что-то будет, что-то должно случиться,— с тревогой размышлял он, прислушиваясь к свистящему между балками крыши ветру. Он поднял глаза к небу — ни одной звездочки, все заволокло тучами.

Как, однако, беснуется и завывает ветер! Не собираются ли вновь драться небесные чудовища, как это произошло осенью? Такого урагана не помнили самые древние старики. Ветер тогда играючи ломал стены домов и зданий присутственных мест, с корнем вырывал деревья,

---

[1] Звучаиие чжурчжеиьских имеи передаио приближеиио при записи их в древних источииках китайскими иероглифами, которые чжурчжеии (как и корейцы, япоицы и другие народы) использовали вплоть до изобретеиия собствеиного письма.

на многие километры, как пушинки, уносил крыши, людей и животных. Говорят, только в столице несколько сот человек лишилось жизни.

Начальник стражи отпер дверь помещения, с помощью углей, тлеющих в металлической жаровне на длинных кривых ножках, зажег глиняный светильник и устало опустился на низкую скамью. Шум ветра едва доносился из-за плотно прикрытой двери.

Лишь бы прошла благополучно эта ночь дежурства, когда жизнь императора вверена ему.

Неблагоприятные предзнаменования участились за последнее время,— продолжали неторопливо бежать мысли начальника стражи. Он следил за язычком пламени, дрожащим от малейшего перемещения воздуха.

Чего стоит последняя гроза, когда громовой удар разразился прямо над дворцом, где располагалась спальня императора. Молния зажгла ее. Огонь затем проник во внутренние комнаты, начал пожирать занавески и деревянные перегородки. Государю пришлось перейти в другие покои. А потом землетрясение...

Не к добру это! А все потому, что государь нарушает установления Неба. Не проходит месяца, чтобы не казнили кого-нибудь из близких ему людей. Беспричинно разгневавшись, он умертвил недавно сына. Возомнив, что один генерал осмелился обсуждать вопрос о его преемнике на престоле, он приказал умереть ему и его сыну, «младшему министру», и двум другим полководцам. А ведь потом выяснилось — казнил невинных. Что стоит теперь посмертное возвращение достоинств и званий умершим?

После грозы и удара грома в спальню он, перепуганный небесным знамением, заставил ученого сочинить от своего имени покаянный указ «по причине необыкновенных явлений в природе». В нем император сознавался в прегрешениях и глубоко винил себя. В указе ученый

употребил обычные в таких сочинениях нелестные эпитеты в адрес кающегося перед Небом государя: «лишенный добродетелей, слепец, ребенок, помраченный умом...»

Что ж, угодное Небу дело! Но кто мог думать, чем обернется для ученого составление «покаянного указа». Новый хитрый и злой фаворит императрицы злостно нашептал государю, что эти слова написаны специально по наущению его врагов, чтобы вызвать возмущение народа.

Император разгневался необыкновенно и заставил жестоко бить ученого палками! Когда тот после нескольких сот ударов все же не умер, слуги государя вонзили ему нож в уста, а тело изрезали на мелкие куски.

Стоило ли писать покаянный указ Небу? Таких жестокостей и тиранства еще не знала страна.

Добро от этого страшного дела только одно: кто-то сказал государю, что ученого подговорил намеренно написать не понравившиеся ему слова князь Дигунай, и он услал его в наказание на границы страны.

Тщеславен, коварен, осторожен и хитер Дигунай. В умении плести интриги нет ему равных при дворе!

Но не долго радовались члены государственного совета. Не прошло и месяца, как Дигунай вновь оказался в столице — император, опасаясь, приказал ему вернуться. Лучше держать Дигуная поближе к себе и постараться использовать его в своих целях.

Но снова зашептались во дворцах о готовящихся заговорах. Поговаривали, что теперь сам Дигунай метит занять престол. Государь совсем потерял голову — к удивлению всех он сделал его своим ближайшим помощником! Недавно по совету Дигуная император после жестоких пыток казнил нескольких видных князей, а среди них двух тех, кто мог бы по закону занять престол. Не выдержав пыток, они признали себя виновными в делах, к которым не имели отношения.

Клеветой и потоками крови расчищает Дигунай путь к престолу. Государь же все более возвышает интригана в должности и не понимает обманов. Совсем недавно, видно по наущению своего советчика, он дошел до того, что умертвил императрицу и нескольких княгинь, а к себе в спальню ввел жену одного из казненных! Все вельможи находятся в страхе и ждут, чем все это кончится...

Сначала я не мог понять, почему именно эти, одни из самых трагических страниц в истории Золотой империи чжурчженей пришли мне на ум, когда в полутемном хранилище фондов Хабаровского музея я просматривал находки А. З. Федорова. Он обнаружил и собрал во время раскопок средневековых городищ в окрестностях Уссурийска, самых величественных на территории Приморья, множество интереснейших предметов.

Фая Абрамовна, хранительница сокровищ древности и бесценных этнографических коллекций музея, приносила на мой стол лоток за лотком, на которых были аккуратно разложены обломки кровельных черепиц, кирпичей и сосудов, какие-то железные предметы, части фигурных украшений парадных зданий и храмов... Я смотрел на витиеватые узоры концевых дисков крыши, изготовленных из характерной темно-серой звонкой глины, но мысли мои были заняты черепахой, которую я снова осматривал полчаса назад. Как все же выглядят поверхности разломов плиты, которая укреплена на ее спине? Раскололи ее недавно или в древности? Наконец, не выдерживаю и, выбравшись из-за стола, выскакиваю во двор.

— Куда же вы? — кричит мне вслед Фая Абрамовна.

На секунду приостанавливаюсь, а затем выбегаю за ворота в палисадничек перед фасадом музея. Я обошел черепаху кругом, затем, к удивлению прохожих, взобрал-

ся на широкую спину изваяния и стал придирчиво осматривать поверхности раскола стелы. Сомнений нет! Судя по характеру разломов, плиту раскололи не сто и не двести лет назад, а гораздо раньше. Верхняя часть стелы разбита двумя сильными ударами. Так же варварски обколота одна из боковых граней плиты. Поверхность разлома имела темно-коричневую окраску типа старого скального загара. Местами она имела какой-то грязновато-серый цвет. Кое-где прослеживалась корка светлого известкового налета и золотисто-ржавые пятна каменных лишайников. Поверхность камня, где когда-то были письмена, была также изуродована. Это не сразу заметишь, поскольку кто-то из руководителей музея велел покрыть поверхность стелы слоем цемента, чтобы сгладить неровности.

Ясно, что стелу уничтожили, а надпись скололи вскоре после того, как установили на могиле изваяние черепахи. Я всматривался в панцирь черепахи и не видел на нем обычных на такого рода изваяниях вырезанных в камне ромбических фигур. Такие вписанные друг в друга фигуры изображали щитки панциря. Их вырезали так давно, что они почти полностью выветрились и сгладились. И только по краю в задней части панциря при благоприятном освещении выделялись отдельные ячейки.

Боковые части панциря также некогда были украшены орнаментом из полукругов, вписанных друг в друга. Их тоже можно видеть лишь при благоприятном освещении. Камень не устоял под натиском времени!

Теперь, еще раз убедившись, что надпись уничтожили много веков назад, я понял, наконец, почему мне вспомнилась кровавая драма периода правления чжурчжэньского императора Хэла. Я присел на траву рядом с черепахой и, внимательно осматривая детали изваяния (не могут ли они дать что-нибудь неожиданное!), стал припоминать конец этой истории, записанной в летописи...

Внезапно в дверь караульиого помещеиия кто-то громко застучал. Начальиик стражи испугаиио вскочил и торопливо бросился к выходу.

— Что случилось? — старался перекричать ои шум ветра, увидев перед входом одного из стражников.

— Господии! У ворот личий телохраиитель государя и киязья. Они просят открыть ворота и пропустить их во дворец,— ответил запыхавшийся солдат, прикрывая ладоиью лицо от ледяиого ветра.

— В такой поздний час? — удивился начальиик.— Есть ли у иих разрешеиие иа допуск в покои? — с досадой добавил ои, думая, что все же придется вновь идти к воротам.

— Да, иам показали императорскую печать, взятую по приказу самого государя! Киязья говорят, что им иазначена встреча.

Через несколько минут начальник стражи стоял у ворот. Сомнеиий не было — в руках у личного телохранителя действительио иаходилась императорская печать. Заскрипели ворота, пропуская киязей виутрь двора. Мимо строя стражников быстро прошли зять императора и иесколько высших вельмож. Шествие завершал... Дигунай и его зять!

Недоброе затеяли киязья — кто входит в покои государя после смеиы первой ночной стражи? — думал иачальник стражи, иаправляясь с группой солдат вслед за растворившимися в темиоте вельможами. Когда же ночиые гости направились во внутрениие покои императора, начальник стражи и его воины, а также часть телохранителей императора, догадавшись об их иамерениях, схватились за мечи. Но поздно! В дверях показались десятники Пусихуто и Алигухо. Заговорщики извлекли мечи, «готовые начать убийства, и иикто не осмеливался сопротивляться им». Начальник стражи с ужасом иаблюдал, как затем распахнулись двери спальни. Император,

разбуженный шумом и звоном оружия, вскочил с ложа, отыскивая на постели меч, который он всегда клал с собой. Но его не оказалось на месте!

Как выяснилось позже, личный телохранитель, тайно выкравший императорскую печать, спрятал также и оружие государя.

Подступившие к ложу десятники Пусихуто и Алигухо хладнокровно закололи безоружного императора Хэла. К умирающему подскочил Дигунай, извлек спрятанный под халатом меч и начал в ярости и исступлении рубить тело своего недавнего господина. «Кровь лилась струями на лицо и одежду Дигуная»,— запишет в летописи потрясенный очевидец. Даже видавшие виды и прожженные в дворцовых интригах князья в страхе содрогнулись и закрыли лицо руками.

Но кто же мог предполагать, что это только начало кровавой, не виданной в истории оргии, когда струйка растекающейся по полу крови Хэла превратится в целую реку крови потомков правящего рода.

Утром в столице долго никто не догадывался о случившемся. «Ложно от имени убитого государя» на совет по поводу выбора императрицы во дворец приглашаются его ближайшие сановники. Их, ошеломленных и ничего не подозревающих, хватают и казнят на месте.

Так же поступают с потомками первого императора Агуды. «Зная знаменитость и силу и внутренне боясь их», Дигунай подговаривает одного из князей созвать очередные жертвы на «игру в мяч». Приехавших князей тут же уничтожают.

Заговорщики возводят Дигуная на престол. Новый император ставит их на главные должности в правительстве, щедро одаривает серебром, тканями, лошадьми, рогатым скотом, повышает в чинах, а затем в храме Агуды принимает от них «клятву верности». В соседние государства Дигунай посылает послов с объяснениями

причин свержения Хэла и своего вступления на престол.

Одновременно Дигунай, боясь за свою жизнь, начинает невиданное по масштабам в истории чжурчженьского государства тотальное уничтожение старой родовой знати, связанной родственными узами с царствующим прежде домом. Под предлогом участия в мнимых заговорах против него, он казнит 70 потомков Агуды, 50 князей из «царского поколения», 30 потомков одного видного полководца времени организации чжурчженьского государства. Полностью вырезаются роды еще четырех видных полководцев.

Все это делается на «законных» основаниях: после раскрытия очередного «заговора» князей допрашивают. При этом применяют настолько зловещие пытки, что «заговорщики», не выдерживая их, «ложно на себя доносят». В старой летописи сохранились слова одной из жертв Дигуная, сказанные после пытки на раскаленных углях: «Мы знаем — нам не будет помилования. Пусть уж скорее умертвят. Зачем попусту заставлять себя тиранить? Скорбим только, неужели наша невиновность останется и за гробом?». «Многие умирали, так и не сознавшись виновными»,— записывает летописец.

Кровавый террор, перед которым самые страшные преступления Хэла кажутся невинными развлечениями, продолжается более десяти лет.

«Думайте о недостатках других...— наказывает император чиновникам.— Не опасайтесь их важности и силы». Какой простор открывали эти слова для интриг и беззакония! Занимать крупный пост в такой ситуации — почти равносильно смерти или, в лучшем случае, немилости.

Особо изощряются приближенные Дигуная в расправе с участниками народных восстаний. Их распиливают, сжигают, разрезают живьем на части, колесуют. Император не щадит даже собственную мать. Недовольный ее возмущением казнями и жестокостями, он сжигает дво-

рец, убивает ее, а труп приказывает бросить в реку. Дигунай убивает также потомков императорских семей соседних государств, разгромленных чжурчжэнями.

Уничтожая живых, Дигунай не оставляет в покое мертвых. Он задумал стереть в памяти живущих и потомков воспоминания о делах и заслугах умерших ранее князей, близких правящему дому. В 1156 г. он лишает княжеских достоинств выдающихся деятелей страны. Они были пожалованы прежними императорами. Дигунай теперь «отбирает данные на них грамоты». Всех живых князей первой и второй степени он понижает в звании, а «из умерших понижает первостепенных»!

Но и это не все. Император, «назначив срок, повелел во всех бумагах, казенных и частных, вымарать значащиеся степени княжеские и уничтожить все памятники, находившиеся на могилах» заслуженных людей государства...

Все эти картины дикой жестокости, происходившие семьсот лет назад, быстро промелькнули в моем воображении. «Назначив срок, повелел... уничтожить все памятники, находившиеся на могилах». Я смотрел на варварски обломанную плиту на спине черепахи, которая навеяла на меня воспоминания о Дигунае. Уничтоженный текст, разломанная плита...

Прошло уже несколько лет после моей первой встречи с черепахой. На новое свидание с ней я пришел после тщательной подготовки. Это было время поисков новых фактов из древней истории Приморья и Приамурья, чтения книг по истории религий Востока, где имелись сведения о средневековых памятниках и погребальных обычаях, просмотра археологических работ по русскому Дальнему Востоку.

Находки, иногда в самых неожиданных изданиях, пока немногочисленны, но интересны. Так, в первой газете Хабаровска «Приамурские ведомости», которая выходила в прошлом веке, мне посчастливилось найти заметку, которая разъяснила историю появления в Хабаровске каменной черепахи. Из заметки следовало, что она стояла некогда рядом с паровой мельницей О. В. Линдгольма около древней крепости, расположенной рядом с современным Уссурийском (до революции село Никольское, а затем Никольск-Уссурийский). В 1895 г. черепаху перевезли на станцию Никольск, а оттуда по железной дороге доставили до реки Иман. Далее железнодорожный путь кончался, и черепаху в конце августа 1896 г. переправили по реке Уссури до Хабаровска на пароходе «Казак Уссурийский». Она простояла на пристани до начала зимы, и лишь в конце года, перед открытием здания Хабаровского краеведческого музея, ее перевезли и установили там, где она находится и в настоящее время. Хроникер поразил жителей Хабаровска, сообщив, что «памятник весит около 400 пудов»!

Правильность сведений газеты подтверждают издания Общества изучения Амурского края во Владивостоке и Приамурского отдела Русского географического общества в Хабаровске.

Из них я также узнал, что в Уссурийске около второй старинной крепости находилась еще одна черепаха, которая так и осталась в городе. Этой, уссурийской, черепахе, по сведениям, принадлежал обломок камня с надписью из фондов краеведческого музея Владивостока, текст которой был опубликован в начале нашего века Ф. Ф. Буссе и Л. А. Кропоткиным.

Но все эти сведения касались последнего периода истории хабаровской черепахи и не давали ответа на главные вопросы: кому и когда поставлен памятник? И вот теперь внезапно меня поразили грубые сколы на

верхней части плиты, на которые я раньше не обращал особого внимания, думая, что они сделаны недавно.

Но не только древность разломов на стеле навела меня на мысль о возможной связи судьбы памятника с бесчинствами Дигуная, осквернившего святая святых — могилы умерших предков. Из литературы, посвященной погребальным памятникам, мне стало известно, что уже само по себе наличие на могиле изваяния черепахи со стелой свидетельствовало о захоронении в гробнице рядом с ней важного лица, имеющего титул первого ранга. В его погребальный комплекс, согласно точно разработанным правилам, должны входить храм для жертвоприношений, аллея каменных изваяний людей, лошадей, тигров, овец, а также колонны, торжественные ворота с четырьмя проходами, стена, сложенная из камня или земли, окружавшая прямоугольником гробницу, и ров, наполненный водой.

Значит, под хабаровской черепахой похоронено лицо, имеющее титул первого ранга? Но ведь именно памятники им приказал уничтожить в знаменитом указе узурпатор Дигунай!

Пусть эти доказательства внезапно возникшей гипотезы еще слишком слабы, но, может быть, это и есть начало тропы, которая приведет к разгадке тайны? Если мои предположения верны, то памятник установили около Уссурийска очень давно, примерно семьсот лет назад...

А через пять веков по этим же местам шагал молодой русский офицер Н. М. Пржевальский. Уссурийский край, куда он совершил первое самостоятельное путешествие, потряс его. Каждый район преподносил какой-нибудь сюрприз. Страна пустынна и безлюдна, но нигде еще Пржевальский не видел столько памятников древней жизни, как в Приморье. На десятки километров по кру-

тым горам и широким долинам тянулись мощные оборонительные валы. Вершины сопок окружали стены мертвых крепостей и городов. Край во многих направлениях пересекали мощеные камнем шоссейные дороги с дренажными канавами по сторонам, заросшие теперь вековыми деревьями. Но то, что он увидел в окрестностях русского села Никольского, превзошло все ожидания.

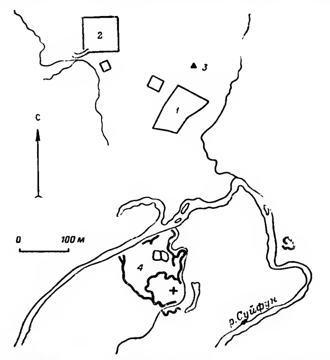
К югу от села располагался огромный город, укрепленный земляными валами высотой почти в десять метров. В отличие от увиденных ранее крепостей его валы через равные промежутки имели обширные круглые выступы-площадки. Это остатки башен, которые делали крепостную стену почти неприступной. Здесь же на полукруглых, укрепленных невысоким земляным барьером площадках располагались гнезда для стрелков, которые держали под перекрестным огнем незащищенные башнями участки стены. Перед крепостью залегал ров глубиной около двух метров. Каким же он был в древности, когда вода из стремительного Суйфуна заполняла его?

Внутри крепости располагались какие-то холмы, развалины построек из синих кирпичей, фундаменты зданий, каменные колонны и плиты с отверстиями — подставки для мощных камнеметных машин. Здесь же валялись тяжелые ядра, вытесанные из базальта. Этот город на берегу Суйфуна назывался в древности Фурдань, что означало «Крепость, запирающая горный проход».

В двух километрах на северо-запад от Фурдани Пржевальский, к своему удивлению, обнаружил еще один город-крепость. Несмотря на то, что валы, защищающие его, не имели башен, они выглядели грозными и неприступными. Высотой и шириной они не уступали стене первого города. В плане город представлял идеальный прямоугольник. В середине каждой стороны некогда находились ворота. В отличие от Фурдани они не защи-

щались дополнительными валами. Эту крепость видный русский востоковед П. Кафаров назвал «Станом чжурчженей».

Но и он оказался не последней достопримечательностью окрестностей села Никольского. Невдалеке от двух крепостей, на противоположной стороне Суйфуна

План расположения древних укреплений и гробниц в окрестностях Уссурийска. Такими увидел их в 1868 г. Пржевальский.
(1 — крепость, ближайшая к деревне; 2 — дальняя крепость; 3 — памятник с черепахой; 4 — городище на правом берегу Суйфуна.)

находилась третья, самая грозная из крепостей, не только Уссурийска, но и всего Приморья. Земляные валы ее в некоторых наиболее опасных для штурма местах, насыпанные в два и даже три ряда и укрепленные таким же количеством рвов, тянутся на десяток километров! Они опоясывают всю Красноярскую сопку. Внутри города лежали груды каменных ядер, которые почему-то так и не пустили в дело. Прослеживались также остатки жилищ типа землянок, какие-то загадочные террасированные площадки, цитадель, «караульные» помещения, остатки колодцев...

Почему такое обилие городов и крепостей на небольшом участке в долине Суйфуна рядом с Никольском? — думал Пржевальский. Приближаясь к деревне, путешественник неожиданно увидел древний памятник, который окончательно убедил его в том, что он находится около какого-то важного политического центра древнего народа, оставившего в крае многочисленные крепости. На невысоком, оплывшем от времени холме возвышалась каменная черепаха с резко выделяющимися на спине ромбами панциря. Рядом с черепахой валялась стела и ее навершие. На том и на другом камне знаки почему-то отсутствовали.

Позже, в Петербурге, он с увлечением рассказывал о древних сооружениях около Уссурийска: «Кому принадлежат все эти обделанные камни и укрепления? Позднейшие археологические изыскания, вероятно, прольют свет на этот предмет и разъяснят нам темную историю этой страны... Но давно, очень давно совершалось все это, так что между нынешним скудным населением не осталось даже никаких положительных преданий о тех временах... В глубоком раздумье бродил я по валам укреплений, поросшим кустарником и густою травой... Невольно тогда пришла мне на память известная арабская сказка, как некий человек посещал через каждые пять-

сот лет одно и то же место, где встречал попеременно то город, то море, то леса и горы, и всякий раз на свой вопрос получал один и тот же ответ, что так было от начала веков».

Я теперь знал, что Пржевальский осматривал не хабаровскую, а другую черепаху, которая стояла недалеко от Фурдани, ту, что открыл за несколько лет до Н. М. Пржевальского не менее знаменитый русский путешественник по Дальнему Востоку и Сибири, известный геолог и натуралист И. А. Лопатин. Но ни тот, ни другой не упоминали о хабаровской черепахе. Они ее, очевидно, не видели, потому что сведения о ней в местной печати появляются значительно позже.

Таким образом, при втором «свидании» с хабаровской черепахой я мог кое-что рассказать о ней. Однако попрежнему оставался туманным главный вопрос — кому поставлен памятник. Просмотр в Ленинграде книг и статей по Приморью показал, что его средневековая история остается темной. В них не содержалось почти ни одного рассказа о каком-либо важном событии и не упоминался ни один сколько-нибудь выделяющийся подвигами деятель местных племен. Исследователи, которые делали попытки восстановить все это, в конце концов отступили, решив, что история средних веков Приморья растворена в событиях соседних территорий.

Темную историю страны, конечно, можно в какой-то степени раскрыть с помощью археологических раскопок. Но они позволят в лучшем случае проследить материальную культуру населения, но никогда, если только не откроешь эпиграфические памятники, не расскажут, кто из конкретных лиц жил в Приморье.

Приехав после экспедиции в Ленинград, я занялся поисками народных легенд и преданий, записанных на Дальнем Востоке. Что, если в них найдутся отзвуки бурных событий истории Приморья? Сразу же выяснилось,

что, к счастью, Пржевальский ошибался, когда писал, будто они забыты. Упоминание о легендах я впервые встретил в письмах Палладия Кафарова, который в 1870—1872 гг. по заданию Географического общества совершил первую археолого-этнографическую поездку по Дальнему Востоку. Однако Кафаров, судя по тому, что не опубликовал записей преданий, не придавал особого значения легендам. Он подчеркивал их «баснословный характер».

Впервые легенды, известные местному населению, записали русские офицеры Горский и Пельгорский, которые вели географические исследования правых притоков Уссури. В одной из них рассказывалось о печальной истории царя и битвах, которые происходили пятьсот лет назад не где-нибудь, а на Суйфуне и горной реке Сучане!

Еще более полные записи преданий сделал В. К. Арсеньев. Он впервые попытался осмыслить широко распространенные в Приморье легенды как своеобразный исторический источник, а также увязать события, о которых подробно рассказывалось в них, с древними памятниками края. Человек исключительно разносторонних интересов, с одинаковым увлечением и страстью отдававший себя изучению природы Приморья, его людей, древней истории края и памятников культуры прошлого, Арсеньев сразу оценил, какие необыкновенные возможности открываются для исследователя, который попытается связать воедино, сопоставить и творчески осмыслить легенды, летописные известия, археологию и топонимику. Во время путешествий в район Сихотэ-Алиня Арсеньев собрал новый интересный материал, относящийся к легенде о царе с Сучана и археологическим памятникам эпохи средневековья. Легенду о царе с Сучана Арсеньеву рассказал очень старый житель реки Тадушу. Старик слышал ее от деда, который увлекался чтением древних

Владимир Клавдиевич Арсеньев — известный исследователь Дальнего Востока.

книг. Легенду о царе знал также его отец, который вспоминал о ней, показывая сыну остатки городищ в районе бухты Сидими.

Я любил перечитывать легенду, которую Арсеньев полностью записал через год у другого старика, жившего на реке Бикин.

Вот о чем рассказал старик[1].

---

[1] Легенда дается в записи В. К. Арсеньева с некоторыми изменениями и сокращениями.

«Это было очень, очень давно... Время совсем старое! Мой отец и дед не помнят этого, не видели, а только слышали об этой истории от других людей, когда сами были маленькие.

Много веков назад жил могущественный и славный царь. У него имелось множество войска, и весь народ любил его. У царя была жена, молва о красоте, славе и уме которой распространилась далеко. Все ее знали, все о ней говорили, все ею восторгались... Царь очень любил ее.

Там, где теперь Никольск-Уссурийский, в то время располагались две крепости, отчего эта местность стала называться Двуградием. Здесь жил племянник царя, принц ваньяньский, у которого жена тоже отличалась умом и красотой.

На реке Сучане жил другой правитель, не менее могущественный, чем первый,— жестокий и властолюбивый старик, большой развратник. Он много слышал о жене «славного царя» и страстно хотел иметь ее своей наложницей.

В том месте, где Сучан впадает в море, около самого устья реки есть две одинаковые скалы, стоящие рядом: та, что ближе к морю, называлась тогда Большая грудь-гора, а та, что стоит на берегу реки,— Вторая грудь-гора. У подножия последней стояла большая каменная кумирня в честь бога небесных стихий. Боги этой кумирни славились тем, что никогда не отказывали просящему их человеку и обладали чудодейственной силою исцелять все недуги.

Случилось как-то раз, что царь заболел глазами. Никакие врачи не могли ему помочь: болезнь все усиливалась и грозила царю слепотою. Узнав об этой болезни царя, правитель с Сучана задумал адский план: он решил заманить к себе властителя, пленить его, а затем послать к его жене ложное письмо, якобы от имени само-

го царя, с приглашением приехать навестить его, больного, на Сучан. Он послал к царю своего посла и советника с выражением дружбы и соболезнования, приглашая его на Сучан для совершения обряда поклонения в кумирне.

Благородный, доверчивый царь поверил, но он не хотел оставлять свою жену одну и потому решился ехать с ней. Жена долго не соглашалась на это путешествие, но наконец уступила настойчивым просьбам, заявив, что поедет только в том случае, если царь непременно соблюдет следующие условия: чтобы никто не знал, что и она находится в отряде; чтобы оба они оделись в совершенно одинаковые одежды, а сучанскому правителю дать знать, что будто бы вместе с царем едет его молодой брат; чтобы ехать не в колесницах, а верхом на конях; чтобы коней не расседлывать и все время держать их около царской ставки; взять с собой охранный отряд из 2000 стрелков и копейщиков; не останавливаться во дворце на Сучане, а ночевать в палатках под своей охраной и ни одного лишнего дня не задерживаться на реке Сучане.

Царь никогда своей жене не противоречил. Он выбрал двух лучших лошадей: белую для себя и рыжую для своей супруги.

Но обмануть правителя с Сучана не удалось, как ни держался отъезд жены царя в секрете. Посланец, привезший письмо с Сучана, скоро узнал об этом и по возвращении рассказал обо всем своему повелителю. Тот страшно обрадовался. Царь шел сам с немногочисленным отрядом и вел свою жену!

Весной, когда спали снега и появилась зелень, царь и его супруга в одинаковых одеждах, верхом на конях и с небольшим отрядом отправились в путешествие. Путь их лежал через Двуградие. Здесь царь остановился у племянника и провел у него несколько суток. Узнав о цели поездки своего дяди, племянник одобрил меры предо-

сторожности, принятые им, дал ему еще тысячу солдат. Царь отправился дальше и скоро дошел до реки Сучана. Здесь он остановился лагерем на правом берегу реки. Тотчас совершил обряд поклонения богам и тотчас же получил исцеление от болезни.

На другой день к ставке царя прибыл посланный с письмом. В нем сучанский властитель в резких выражениях высказывал неудовольствие по адресу гостя, требовал, чтобы пришедший отряд положил оружие, а сам царь вместе с братом явился бы к нему. Царь, однако, ответил таким же резким письмом и отказался идти под предлогом своей болезни.

Ночь прошла спокойно, а на рассвете царь увидел себя со всех сторон окруженным войсками. Оставалось или положить оружие и сдаться на милость победителя, или же пробиваться к дороге в надежде на помощь из Двуградия.

Жена царя первой села на лошадь. Это послужило сигналом. Сам царь подал клич. Отряд его бросился на врагов, прорвал окружавшее кольцо и в ужасной сече проложил себе дорогу. Но успех оказался временным. Взбешенный правитель с Сучана, лично предводительствуя войсками, бросился на малочисленный отряд пришельцев, а они, прикрывая отступление своего повелителя, мужественно выдерживали натиск вдесятеро сильнейшего неприятеля, а сами понемногу отступали на старую дорогу.

Но враг был сильнее, и ряды оборонявшихся все более и более редели. Тогда царь вместе с женой решили спасаться бегством. Они погнали своих лошадей по дороге. Заметив их бегство, правитель с Сучана с несколькими отборными всадниками бросился за ними в погоню.

Вдруг царь с ужасом заметил, что рыжая лошадь, на которой мчалась жена, начала уставать. Расстояние между беглецами и погоней стало сокращаться.

Видя, что жена может попасть в руки врагов, царь решился на хитрость. В сторону вела маленькая тропинка. Заехав в небольшой лесок, они быстро поменялись конями и также быстро разъехались в разные стороны. Обман удался. Враги с большей частью своих людей бросились преследовать рыжую лошадь и только двух латников послали в погоню за другим всадником.

Белый могучий конь, казалось, понял всю опасность, которой подвергалась его госпожа. Он напряг все силы, как стрела полетел по дороге и вынес ее из опасности, далеко оставив за собой погоню. Преследовавшие его два латника скоро потеряли следы и потому ни с чем возвратились обратно. Тем временем царь старался всячески оттянуть время, чтобы дать возможность жене уйти подальше. Но рыжий конь заметно слабел. Погоня приближалась с каждой минутой. Вдруг царь заметил в стороне от дороги старика-угольщика в рваной, грязной одежде. Он копошился около ямы, складывая дрова и разбирая мусор. Царь соскочил с лошади, сбросил с себя дорогую одежду, отдал все свое золото бедному угольщику, а сам быстро накинул на себя грязное платье и вымазал потное лицо сажей. Угольщика он спрятал в земляной яме, прикрыв его сверху углем и дровами. Затем взял нож и ударил им в бок лошадь. Бедное животное взвилось на дыбы от боли и, как вихрь, понеслось по дороге.

Через минуту прискакала погоня. Увидев грязного угольщика, солдаты спросили его, куда направился беглец с рыжей лошадью. Царь притворился немым. Знаками дал понять, что говорить не может, и указал тропинку, но не ту, куда убежала лошадь, а другую, ей противоположную. Все бросились в указанном направлении. Когда криков погони не стало слышно, царь бежал лесом в горы и таким образом спасся от плена.

В это время жена его пробиралась тропинкой по опушке леса. Она заблудилась и не знала, куда ее выведет дорожка. Но вот перед ней снова развернулась широкая долина Сучана. Вдруг до ее слуха долетели крики. Посмотрев в сторону, откуда слышался шум, она неожиданно увидела свои войска, которые все еще дрались с превосходящим противником и отступали по правому берегу реки.

Она поскакала к ним. Радостный крик огласил долину. Как ураган бросились ее войска на неприятеля и принудили его к отступлению за реку. Этим замешательством врага воспользовалась жена царя и заняла на горе небольшую крепость. Ничего не зная о судьбе своего повелителя, она все же думала, что ему удалось избежать опасности.

Сучанский правитель, потеряв след всадника на рыжем коне, возвратился обратно и в припадке гнева приказал отрубить головы тем воинам, которых послал в погоню за белой лошадью. Узнав, что небольшой отряд пришельцев еще не пленен и заперся в крепости, он решился на другой день сам руководить сражением и взять укрепление во что бы то ни стало.

Произошла битва. Жена царя умело оборонялась. Ее стрелки ловко пускали стрелы, так что множество вражеских трупов валялось по долине. Храбрая женщина видела, что далее держаться она не может: половина ее солдат перебита, а из остальных большая часть ранены или больны. Она решилась на последнее средство. Прокусив себе палец и оторвав кусок материи от одежды, она кровью написала на нем коротенькую записку. В ней указывалось местонахождение крепости и содержалась просьба о помощи.

Ночью разразилась сильная гроза с ливнем. Воины тихонько вывели белую лошадь из крепости, вплели ей записку в гриву, приласкали и пустили на волю. Умное

животное поняло, какое поручение на него возлагается, и во весь карьер пустилось по дороге к царю.

Между тем царь в грязной одежде угольщика двое суток пробирался горами, боясь, что его увидят преследователи. Он страшно тосковал по жене и беспокоился о ее судьбе. Одна надежда, что крепкие ноги белой лошади спасут супругу. На третий день он встретил племянника, который шел из Двуградия к Сучану. Увидев царя, в одежде угольщика, племянник сразу понял, что случилось что-то очень худое.

Печален был рассказ царя...

Как раз в эту ночь прибежал посланец от жены — белая лошадь. Царь стал плакать, начал ласкать лошадь и гладить рукой по ее шее. Вдруг ему попалась под руку записка!

Узнав, что жена еще жива и даже не в плену, что она заперлась в крепости, обороняется, терпит большую нужду и просит помощи, все пришли в страшное возбуждение. Солдаты рвались в бой, и, несмотря на ночное время, весь отряд спешно стал собираться в дорогу.

Через несколько минут царь с воинами двинулись в поход. Шли без отдыха, шли ночью, ели на ходу, торопились: все думали о том, как бы не опоздать и как бы отомстить правителю Сучана за его вероломный поступок. Наконец они дошли до Сучана и как раз вовремя...

Царь с отрядом ударил с тыла. Жена и ее воины сразу же вышли из укрепления и бросились на врага с фронта. Прибытие подкрепления во главе с царем до того поразило сучанских солдат, что, обезумев от страха, они побросали оружие и обратились в бегство.

Дальше следует ряд сражений. Сучанский правитель разбит, отступает вверх по реке и под давлением превосходящих сил царя переходит через горный хребет. К той и другой стороне подходят большие подкрепления.

Во время этой борьбы жену царя ранили и она умер-

ла. Желая скрыть ее могилу, царь приказал отвести реку в сторону и похоронил супругу под большим водопадом. Когда гроб замуровали в камне, река снова хлынула в свое прежнее русло. Царь поклялся жестоко отомстить врагу. Характер его резко изменился. Из доброго, ласкового и отзывчивого он стал угрюмым и жестоким.

В это же время правитель Сучана стянул войска из самых отдаленных округов. К царю тоже пришли подкрепления по реке Уссури, с запада. Начались страшные битвы. Крепости переходили из рук в руки, люди гибли тысячами в ужаснейших сечах, отчего и река стала называться «Река больших сражений». Пожар войны охватил всю страну, от Уссури и до моря. Сражения происходят не только на главных путях, но и в стороне, всюду, где только находились люди, принадлежавшие к тому или другому лагерю.

Наконец правитель Сучана разбит наголову. Он отступает дальше в горы и, перейдя через водораздел, выходит к морю. На перевале он строит большое укрепление и думает здесь обороняться, но затем неожиданно изменяет решение и уходит в прибрежные районы.

Дальше идти некуда. Он укрепляется на горе под названием «Пик колесницы». Здесь снова происходят кровопролитные сражения. Осажденные терпят ужаснейший голод, едят трупы убитых товарищей. Узнав, что северные отряды уничтожены войсками царя, видя, что далее обороняться невозможно и что пощады ждать нечего, правитель Сучана решается на последнее средство — бегство. Его солдаты делают большой плот и ночью уходят на нем в море. Судьба их неизвестна.

На Сучане и в Ното жили еще кое-где люди, но с уходом правителя они утратили свою самостоятельность и находились в зависимости от соседей из Двуградия.

Вслед за войной в крае появляется какая-то неведомая страшная болезнь, люди умирают во множестве.

Это не оспа, а что-то другое, более ужасное. В одной долине реки Сучана в течение двух ночей и одного дня умерло более 600 человек — взрослых, детей и женщин. Испуганные люди бегут в горы, тщетно пытаясь уйти от смерти. Зараженный воздух следует за ними по пятам и распространяет болезнь с ужасающей быстротой. Она находила беглецов всюду, и они гибли так, что никого не оставалось для совершения обряда погребения. В живых остались только случайные счастливцы: где — старик, где — одинокий ребенок или одна женщина...

В крае наступает полное запустение. На местах прежних поселений вырастают дремучие леса и во множестве появляются дикие звери...»

В течение следующих трех лет, в 1908—1910 гг., Арсеньев с присущими ему энергией, страстным увлечением и интересом ведет кропотливую работу по обобщению собранных сведений. Легенду он сопоставляет с наблюдениями по расположению средневековых укреплений и городищ Приморья. Его привлекает также топонимика края и особенно сведения из летописей. Одновременно он пытается найти в Хабаровске, Уссурийске и Владивостоке книгу, на которую ссылался рассказчик.

Однако усилия его не увенчались успехом — книгу о царях найти не удалось. Тем не менее знающие люди, по словам Арсеньева, утверждали, что царь с Сучана — реальное лицо. Этот царь, уверяли они, «жил раньше около Владивостока»! В конце концов и сам Арсеньев пришел к глубокому убеждению, что легенды о царях «при сопоставлении... их с названиями рек, городов и урочищ, существующих в Уссурийском крае... опираясь на археологические находки... утрачивают легендарный оттенок и принимают облик исторического события».

Арсеньев теперь почти фанатически уверен, что большинство эпизодов легенд должно найти подтверждение в археологии Приморья. Поэтому он, комментируя со-

держание легенды, пытается наиболее яркие эпизоды ее связать с древними городами, укреплениями и дорогами Приморья, примечательными участками местности — перевалами через хребты, долинами рек, скалами на побережье моря.

В результате получилась поразительная картина — легенда как бы пережила второе рождение. По легенде племянник царя жил в Двуградии. Арсеньев видит в этом первое подтверждение достоверности событий. «Действительно,— пишет он,— за городом и в настоящее время есть две большие старинные крепости» (Фурдань и «Стан чжурчженей»).

В легенде рассказывается о том, что царь путешествовал по Приморью дорогой на Двуградие и далее на Сучан. Арсеньев отмечает, что в крае имеется «старинный путь», который используется до настоящего времени. Он связывает его с упоминаемой в «старинных книгах» большой дорогой, которая пересекала Дальний Восток и направлялась в сторону «Больших восточных гор», т. е. к Сихотэ-Алиню и на Сучан.

В легенде упоминаются две скалы, расположенные в устье Сучана. Действительно, такие скалы имеются в настоящее время около устья реки. Русские называют их «Брат и сестра». На Сучане же имеется одно из крупнейших в Приморье городищ, где еще Кафаров видел следы развалин «царских построек». Не ставка ли это правителя Сучана?

Арсеньев обращает также внимание на совпадение названий перевала, через который разбитые войска правителя Сучана уходят на реку Даобихэ. Перевал этот и река до сих пор носят то же название, что и в легенде: Даобихэ значит «Река больших сражений»!

Согласно преданию в районе рек Даобихэ, Улахэ и Ното происходят особенно ожесточенные сражения, когда «крепости переходят из рук в руки» по многу раз.

Арсеньев считает не случайным, что развалины наиболее многочисленных и мощных крепостей и других оборонительных сооружений находятся в бассейне тех же трех рек.

В том же районе расположен единственный большой водопад в Приморье. Арсеньев полагает, что его можно связать с эпизодом погребения жены царя. Интересно, что водопад этот связан с бассейном реки Даобихэ.

Нет сомнений, что в легендах стариков-приморцев сохранились отзвуки событий, которые происходили много столетий назад. Однако, чтобы убедиться в их реальности, нужно найти документальное подтверждение в письменных источниках. Для меня самым интересным в легенде оказалось упоминание о крепостях в окрестностях Уссурийска, где жил племянник царя. Может быть, ему поставлен памятник с черепахой?

Но как узнать имя принца из Двуградня, если стела уничтожена! Не сохранились ли обломки стелы, отколотые при разгроме гробницы? Куда исчезло навершие плиты со списком титулов и именем погребенного? Стояли или нет рядом с черепахой другие изваяния?

Молчит каменная черепаха. В тяжелой задумчивости застыли по ее сторонам изваяния человечков на каменных колоннах. Кажется, они тоже задумались над вопросами, которые не дают мне покоя.

Следующим летом я посетил Уссурийск, надеясь найти недостающие части погребального комплекса с хабаровской черепахой. Особенно соблазнительной казалась возможность отыскать обломок навершия стелы, который, как я узнал из книжки, изданной до революции Федоровым в Уссурийске, он обнаружил на месте, где некогда стояла черепаха. Федоров писал, что на обломке, может быть, окажутся древние письмена. Камень

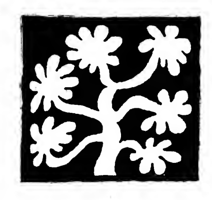
перевезли в Уссурийское отделение Географического общества.

Однако навершия во дворе дома, где располагалось отделение, не оказалось — камень потеряли, а с ним оборвалась тонкая нить надежды.

Возвращаясь из экспедиции в Ленинград, я обдумывал дальнейшее направление работы. Кроме переводов летописей следует, очевидно, заняться розысками в архивах. В них могут храниться документы, имеющие отношение к памятникам старины советского Дальнего Востока. С чем-то я вернусь в Хабаровск на новое свидание с черепахой?

Глава II

ЗАГАДОЧНЫЙ „КАМЕНЬ С ДРЕВНЕЙ НАДПИСЬЮ“

В архиве русской археологии. Геолог Лопатин открывает „аллею каменных изваяний“. Рисунки древних скульптур. Ступень в ледник крестьянина — камень с письменами. Фотография, которой 75 лет. Знакомые знаки. Забытое письмо. Есть документы Палладия! „Заголовок“ памятника Кафарова и исчезновение „Плана Двуградия“. Последняя надежда.

Начать работу лучше всего в архиве Ленинградского отделения Института археологии. После революции ему по наследству перешла вся документация императорской

Археологической комиссии, учреждения, которое концентрировало в своих руках исследования древних памятников на территории Российской империи. В комнатах обширного научного архива института собрано большое количество материалов, начиная от писем крестьян, которые сообщали в Петербург о поразивших их находках, и кончая отчетами археологических экспедиций. Вне поля зрения комиссии не мог остаться Дальний Восток. Вот только когда она установила связи с немногочисленными и слабыми научными учреждениями Амурского края?

Институт археологии расположился на втором этаже бывшего княжеского особняка, построенного на берегу Невы, как раз напротив угрюмых стен Петропавловской крепости. Его широкие парадные лестницы, гулкие длинные коридоры и громадные с тяжелыми дверьми комнаты, отделанные в стиле XVIII века, до сих пор несут на себе отпечаток былой роскоши и великолепия.

Две комнаты занимает научный архив института. Первая сплошь заставлена стеллажами с папками «дел», на массивных корешках которых мелькают даты, начиная со второй половины прошлого века. Забиты «делами» и старинные высокие, темного дерева, шкафы с застекленными дверцами.

В этих «делах» — вся история русской археологии, сотни и тысячи листков, содержащих бесценные сведения о памятниках древней культуры нашей страны, начиная с эпохи древнекаменного века и кончая средневековьем, когда на помощь археологам приходят письменные источники.

Археология — непрерывный поиск неизвестного. Его ведут не только специалисты, но также тысячи любителей старины, кому дорога и близка неповторимая по особенностям, яркая и самобытная национальная культура народов России, кто «заражен» и очарован романтикой древности. В течение многих десятилетий в архиве ли-

сток за листком откладывались крупицы драгоценных сведений. Сегодня они кажутся несущественными и мало интересными, завтра — могут стать ключом к разгадке важной проблемы или наведут на след неожиданного открытия.

Листок за листком... и вот выстроились сотни папок. Архив постепенно становится объектом изучения: среди тысяч листков можно найти желанное. Только бы не затерялся нужный листок среди моря бумаги.

— Нет, можете не беспокоиться! Если Археологическая комиссия имела переписку с Владивостоком, то она, несомненно, сохранилась,— негромко говорит мне заведующая архивом, одна из старейших сотрудниц института Ольга Ивановна Бич.

Стеллажи и шкафы почти не оставили свободного места в комнате, и только у окна примостился ее небольшой рабочий столик, заваленный бумагами и папками. Здесь же стоят несколько коробок с карточками. Работа по систематизации и разборке архивных дел не прекращается ни на час.

Ольга Ивановна встала из-за стола. Эта тихая и немногословная женщина — прекрасный знаток сложного хозяйства архива. Мне кажется, что она без карточек, на память знает, на какой полке стоит нужное «дело».

— Вы говорите, что раскопки в Приморье вело Общество изучения Амурского края? Хорошо, а как называлась тогда область, которая вас интересует?

Ольга Ивановна достала одну из коробок, и ее пальцы быстро побежали по большим, пожелтевшим от времени карточкам, заполненным около полувека назад.

— Южно-Уссурийский край, очевидно,— отвечаю я и слежу за тем, как ловко перебрасывается карточка за карточкой.

— Какие же это годы? — продолжает расспрашивать она.

— Меня больше всего интересуют восьмидесятые. Именно тогда организовали это общество. Если нужно точно, то это 1884 год.

Ольга Ивановна взяла в руки очередную коробку, заглянула в одну из карточек и сказала:

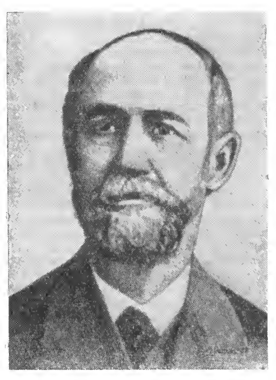
— Ну что ж, кое-что есть. Это материалы Лопатина, Буссе и Федорова. Вам знакомы эти люди? — спросила Ольга Ивановна.

— Конечно! Федор Федорович Буссе один из организаторов Общества изучения Амурского края, первый его председатель. Лопатин и Федоров тоже изучали в Уссурийске древние памятники.

Через некоторое время Ольга Ивановна принесла папки с документами. Я торопливо расписался в книге выдачи «дел» и погрузился в изучение материалов, забыв про все на свете.

Первой смотрю папку И. А. Лопатина.

Иннокентий Александрович — один из выдающихся русских геологов-путешественников по Дальнему Востоку и Сибири второй половины прошлого века. Он отличался разносторонними интересами, в ряду которых не последнее место занимало коллекционирование предметов старины, описание памятников древности и археологические раскопки. В начале 60-х годов он проезжает по Южно-Уссурийскому краю. В результате через некоторое время в «Записках Сибирского отдела Географического общества» появляется первое в истории геологического изучения Дальнего Востока описание части Приморья, прилегающей к реке Суйфун. От внимания Лопатина, так же как от глаз его замечательного предшественника М. И. Венюкова, не ускользнули величественные крепостные сооружения Амурской страны. Неудивительно, что в работе, изданной в Иркутске в 1864 году, содержится специальный раздел, посвященный «старине края». В нем впервые после французских миссионеров-иезуитов XVIII

Иннокентий Александрович Лопатин — один из первых исследователей древностей русского Дальнего Востока.

века дается описание крепостей на Суйфуне в том месте, где сейчас расположен Уссурийск.

Самым волнующим из открытий, сделанных Лопатиным около Двуградия, являются «замечательные произведения древности» в виде изваяний из камня. Он первый описал курган с огромной черепахой, плиту, которая некогда стояла на ее спине, и навершие с выбитым на нем «щитом, поддерживаемым двумя зверями», т. е. дра-

конами. Из описания деталей памятника ясно, что Лопатин открыл ту же черепаху, которую через семь лет после него осматривал Пржевальский, т. е. уссурийскую. Он упоминает «ясно сохранившиеся» на ее спине щитки. Такие щитки хорошо видны на панцире черепахи, которая в настоящее время находится в Уссурийске, но отсутствуют у хабаровской. Открытие Лопатина, таким образом, не имело отношения к моей черепахе.

Но в том же обзоре он упоминал еще четыре скульптуры «тигра», также выбитые из камня. Они, по его словам, располагались внутри «квадрата», где-то в полутора верстах от черепахи. Кроме того, местные жители говорили ему о «существовании в окрестностях других изваяний».

Можно теперь понять нетерпение, с которым я раскрыл «дело» И. А. Лопатина. Не исключено, что здесь среди «других» изваяний окажется хабаровская черепаха или какая-нибудь неизвестная ранее часть ее!

И вот удача! В начале папки — письмо Лопатина, посланное из Красноярска 21 июня 1870 г. «Представляя при сем письме,— легко читал я четкий и ясный почерк Иннокентия Александровича,— статью мою под названием «Некоторые сведения о 49 древних урочищах в Амурской стране», я прошу сделать из нее употребление, какое Археологическая комиссия почтет приличным». Далее следовала большая рукопись в несколько десятков страниц с описанием древних памятников Сахалина, Амура, Уссури, Приморья...

Ведь это же первая связная работа по археологии русского Дальнего Востока, сделанная почти сто лет назад! Странно, что Археологическая комиссия «не почла приличным» сделать из нее настоящее «употребление», т. е. так и не опубликовала ее.

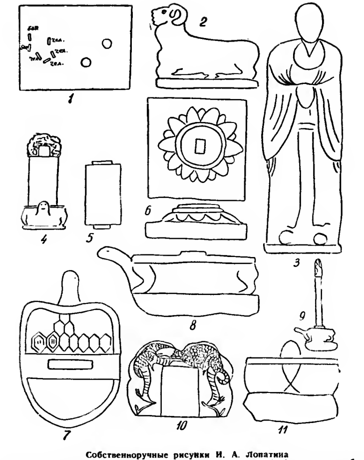
Я сразу же отыскал в статье то, что меня интересует больше всего: «Уссурийские или суйфунские древности».

В этом разделе Лопатин вновь, но значительно полнее, описывал крепости Двуградия в излучине Суйфуна. На страницах 4, 5 и 6 рукописи оказалось главное — сведения о каменных изваяниях из окрестностей городищ, сопровождаемые рисунками! Из дат, проставленных автором, ясно, что возвращался он к ним по крайней мере дважды. 15 сентября 1868 г. ученый зарисовал черепаху, плиту и навершие с драконами («барельеф с веточками на обеих сторонах»), а затем схематически реконструировал памятник. Из рисунков, а также указаний места расположения памятника («0,5 версты к сев. от крепости, где живут солдаты») не оставалось сомнений, что речь идет об уссурийской черепахе.

Но вот сделанные накануне нового года — 29 декабря 1868 года рисунки барана, скульптуры человека, «постамента» колонны и плана расположения изваяний внутри прямоугольника. «От места крепости, где живут солдаты,— писал И. А. Лопатин в объяснении,— к северу верстах в двух я видел каменное изваяние двух баранов диких (?) и четырех человеческих фигур, сделанных из розоватого гранита... (они) от времени значительно выветрились. Морды отбиты, должно быть, людьми, а не сами отвалились... У одного только изваяния видна голова...»

Далее он рассказывал, что изваяния «окопаны канавою» размером 40 сажен с одной стороны и 27 сажен с другой. Глубина канавы (очевидно, рва) 0,5 аршина, а ширина около двух аршин. Ров, оконтуривающий скульптуры со всех сторон, едва виден в траве. Внутри того же прямоугольника находятся два холма. Диаметр одного из них 3 сажени. В нем имеется углубление, «может быть, вырытое недавно».

Местность вокруг изваяний, по наблюдениям Лопатина, неровная, бугристая. Каменные скульптуры вросли в землю и едва торчат из-под снега. Попытка перевер-

Собственноручные рисунки И. А. Лопатина
(1 — план гробницы и расположение каменных изваяний; 2 — изваяние барана; 3 — скульптура воина; 4 — общий вид памятника; 5 — стела; 6 — подставка для колонны; 7, 8, 11 — рисунки черепахи; 9 — вид памятника сбоку; 10 — навершие с драконами.)

нуть их с помощью лома, который нес сопровождавший геолога крестьянин, не увенчалась успехом. Очевидно, тот же крестьянин рассказал ему, что помимо валяющихся около курганов скульптур «здесь было два медведя каменных, находящихся теперь под избою одного из крестьян села Никольского».

Итак, масса новых сведений! Прежде всего я теперь знаю, как и в каком порядке располагались каменные изваяния около курганов. Ни один из последующих авторов не видел изваяний, а при установлении места их расположения пользовался расспросными данными, которые часто противоречили друг другу. Никто из них, кроме того, не упоминал «канавы», ограждающей скульптуры. Изваяния «собак» (по И. А. Лопатину — «медведей»), оказывается, находились здесь вместе с другими скульптурами. Они, очевидно, завершали аллею изваяний. К моменту приезда исследователя в Никольское «медведи» оказались не «около избы», где их видел Пржевальский, а «под избою одного крестьянина».

Все это хорошо, но, как ни странно, Лопатин не написал ни слова о хабаровской черепахе. Моя радость постепенно гасла. Мог ли я знать, что извлеченные из «Некоторых сведений...» Лопатина указания сослужат в дальнейшем хорошую службу.

Когда я развернул очередное «дело» с материалами переписки Археологической комиссии с Обществом изучения Амурского края, то увидел обращение Ф. Ф. Буссе в Археологическую комиссию, с которого началась подшивка документов в папке: «Если не поторопиться с раскопками,— писал он в начале письма,— то исторические остатки включат в усадебный план села Никольского и тогда они для науки пропадут безвозвратно... В селении Никольском местное население успело воспользоваться некоторыми каменными изваяниями для практических целей...»

В 1883 г. во Владивостоке, сообщает далее Буссе комиссии, образовался «кружок лиц», желавших создать «Общество для изучения Дальнего Востока». По инициативе А. М. Устинова, автор письма, а также И. А. Бушуев, А. Ю. Зуев и В. П. Маргаритов разрабатывают проект устава Общества, который утверждается адмиралом Фельдгаузеном (апрель 1884 г.). Общее собрание 24 апреля 1884 г. окончательно закрепляет создание Общества и избирает его первым председателем Буссе. Как руководитель Общества, он и обращается в Археологическую комиссию с просьбой разрешить раскопки и дает краткий отчет о своей деятельности за четыре предшествующие года.

Что касается каменных изваяний, то о них в письме сказано следующее. Поскольку в 1885 г. возникла серьезная угроза уничтожения холма, на котором стояла черепаха, открытая Лопатиным (уссурийская), то Буссе вместе с В. Ф. Михайловским раскопали курган, а изваяние перевезли в «местный общественный сад». Под памятником они нашли «кирпичи, черепицы, глиняные украшения карниза, из которых одно изображает дракона, несколько экземпляров глиняных щитков с рельефным изображением растений».

Буссе сообщал далее, что члены Общества нашли и отобрали «у частного лица изваяние двух чиновничьих фигур». Это «лицо», оказывается, раскололо туловище пополам, отбило головы и приспособило изуродованные скульптуры «для подпорки балкона деревянного дома!» В письме упоминались также каменные бараны, которые оказались к тому времени потерянными.

Что речь шла о тех же изваяниях, которые описал и зарисовал Лопатин, свидетельствовало следующее замечание Буссе:

«Эти фигуры... стояли в двух верстах от городища у подножия холма, где их видел г. Буссе в 1866 г., а

И. А. Лопатин в 1868 г., и, вероятно, составляли украшения могилы богатого человека». Значит, изваяния первым видел не Лопатин, а Буссе? Это интересный факт, но главного в письме все же не нашлось: его автор, так же как и Лопатин, не упоминал ни слова о хабаровской черепахе. Как будто ее никто не видел в Никольском!

Но вот очередной пункт письма, который заставил меня забыть досаду и недоумение. Буссе сообщал об открытии в Никольском во дворе крестьянина С. Назаренко... камня с надписью. Что если это как раз та желанная недостающая часть стелы, навершие хабаровской черепахи?!

«У одного крестьянина,— перечитывал я рукописные строчки,— найден камень, служивший ступенью входа к леднику, составлявший часть памятника. На нем ясно видны несколько стертых сапогами письмен... Камень отобран, надпись снята на бумажный выпуклый кальк, который сфотографирован (экземпляр фотографии при сем прилагается) два раза при освещении с двух сторон для большей ясности каждой черты письма...»

Так что же я медлю — ведь фото прилагается! Я быстро перелистал оставшиеся непрочитанными страницы и заглянул в конец письма. Никакого приложения! Фотография в деле отсутствовала.

Я сразу же направился к столу Ольги Ивановны. Она просмотрела письмо Буссе и недоуменно пожала плечами:

— Подумайте, кому она могла понадобиться? Впрочем, может быть, члены Археологической комиссии захотели получить перевод текста? К кому из петербургских востоковедов они могли обратиться?

— Если бы я был на их месте, то, конечно же, в первую очередь пошел к академику Васильеву! — без колебаний воскликнул я.— Но я вернул бы в «дело» фотогра-

фию сразу после того, как получил консультацию и перевод.

Ольга Ивановна развела руками:

— Что теперь об этом говорить. «Дела» больше не нужны? — спросила она и, получив от меня папки, стала наводить в них порядок.

— Распишитесь вот здесь в сдаче документов. Может, и переводить было нечего или текст оказался сложным,— продолжала она.— Мало ли что могло случиться? Да что гадать. Вы отправляйтесь к нему и выясните все. Вдруг вам повезет.

Я с недоумением посмотрел на нее.

— Не понимаете? Надо найти архив, где хранятся бумаги академика Васильева. Сходите в Институт востоковедения.

В Институте востоковедения бумаг Васильева не оказалось...

Через некоторое время, получая книги в библиотеке своего института, я поделился огорчениями с библиотекарем Евгенией Владимировной. Недавно мы с ней просматривали каталог рукописного отдела хранилища, где по слухам когда-то находилась карточка с бесследно исчезнувшим дневником Палладия Кафарова, который он вел, путешествуя по Приморью в 1870—1872 гг. (в дневнике я надеялся найти недостающие сведения о древних памятниках Уссурийска). За работой я рассказал ей о хабаровской черепахе, и она после этого временами посмеивалась надо мной, расспрашивая, как подвигается разгадка «тайны».

Евгения Владимировна сразу оживилась, услышав о моих неудачах. Оказывается, она знала печатные работы Васильева и считала его образцом ученого, до которого нам, «теперешним», далеко как по знаниям, так и по работоспособности. «Писать так емко теперь не умеют!» — любила говорить она.

— Подождите минутку! — сказала Евгения Владимировна и, не дав мне опомниться, скрылась за дверью хранилища.

Через несколько минут, пока я заполнял заявки на выписанные книги, она вернулась.

— Вот телефон, но лучше направляйтесь прямо туда. Бумаги Василия Павловича хранятся в архиве Академии наук. Это за Дворцовым мостом, рядом с Институтом этнографии.

Надо ли говорить, что уже через полчаса я бежал на Васильевский остров. Дежурная архива, выслушав меня и немного подумав, сказала:

— Да, у нас есть бумаги Васильева. Правда, их не очень много — какие-то рукописи и лекции по буддизму. Но я не помню фотографии. Сейчас принесу опись фонда академика...

Она уже собиралась уйти, как я, спохватившись, добавил:

— Заодно посмотрите, пожалуйста, нет ли у вас материалов востоковеда Палладия Кафарова.

Мы их ищем, а они, возможно, преспокойно лежат на полках. Попали же сюда бумаги Васильева...

— Он член Русской Академии наук? — спросила дежурная.

— Этого я не знаю. Кажется, нет, но Кафаров крупный востоковед... Кстати, смотрите, в каталоге не только «Кафарова», но и «Палладия», даже, может быть, «Архимандрита Палладия».

Через несколько минут дежурная вернулась и, забрав у меня заявку на Кафарова, снова удалилась в соседнюю комнату.

Я уселся за маленький столик в небольшой рабочей комнате архива и медленно перевернул картонную обложку папки с немногочисленными листками описи сохранившихся документов и работ Васильева. Архив пол-

ностью обработан, причем сделано это, очевидно, недавно — редкие строчки описи с нумерацией слева аккуратно отпечатаны на машинке.

Просмотрена первая страница, затем вторая. Намеренно листаю медленно. Вдруг просмотрю главное!

До конца описи осталось немного. Я стараюсь оттянуть мгновение, когда придется перевернуть последнюю страницу, вместе с которой уйдут появившиеся надежды и снова останешься лицом к лицу с тягостной неопределенностью. Если здесь не окажется фотографии, то где ее следует искать?

Помню, что я сначала не поверил своим глазам: «Фото надписи на камне!» Что это — галлюцинация?

Нет, эта желанная фраза отпечатана на машинке здесь, в описи. И вот слева цифры: единица хранения № 14, порядковый № 143, индекс 28/187.

Ошибки не может быть — это фотография, присланная Буссе!

Но подожди,— стараюсь я успокоить и проверить себя, сразу же выдвигая возражения неожиданно легкому исходу дела.

Почему именно то, что нужно мне сейчас больше всего, сохранилось среди бумаг варварски загубленного родственниками научного архива знаменитого востоковеда? И к тому же мало ли какие фото с древних надписей хранились у Василия Павловича!

— Позвольте, пожалуйста, на всякий случай посмотреть вот этот номер фонда,— сдерживая волнение и нарочито спокойно говорю я дежурной, подавая ей листок с цифрами 14, 143, 28/187.— Там упоминается какой-то камень с надписью.

Мне в этот день определенно везло. Взяв листок с шифром, дежурная сказала:

— Вы спрашивали о Кафарове. У нас в архиве есть несколько его документов. Я их заказала для вас.

— О! Большое спасибо! А документы обширные? — обрадовался я.

— Этого я вам не могу сказать! Терпение, молодой человек,— скоро все узнаете,— улыбнулась она и отправилась в фонды.

Скоро все узнаете! Если бы фотография оказалась той, которую я ищу, а документы Кафарова обернулись его дневником, то я действительно узнал бы многое.

Вскоре рядом с описью на стол ложится новая папка, на этот раз с материалами Васильева. Нетерпеливо, с надеждой раскрываю ее и... вот она «четырнадцатая единица хранения». Передо мной старая, сильно пожелтевшая от времени, но тем не менее четкая фотография, сделанная 75 лет тому назад! Выпуклые линии древних знаков отчетливо выделяются над ровной, как бы отполированной поверхностью камня. Впрочем, это не камень, а плоскость гипсового слепка. Буссе писал, что «...надпись снята на бумажный выпуклый кальк». Значит, это действительно та самая надпись на камне, найденном во дворе С. Назаренко в Никольском, сообщение о котором в комиссию доставило мне столько волнений и вызвало первые робкие надежды.

Когда я, успокоившись, всмотрелся в ряды знаков, то поразился — до чего же знакомы мне эти пять витиеватых строчек древнего письма! Через несколько минут последние сомнения окончательно оставили меня. Парадоксально, но факт — я, оказывается, искал и нашел то, что со студенческих лет лежало у меня в портфеле. Это фото с камня, обломка навершия с драконами, который хранится в настоящее время в фондах Владивостокского краевого музея! Но навершие, от которого откололи камень, относится не к хабаровской, а к уссурийской черепахе. Я это твердо знал по многочисленным печатным работам, в том числе самого Буссе. Значит, я находился на ложном пути?

Есть мудрое правило — никогда не надо заранее обольщаться и строить иллюзии. Вслед за крушением надежд, связанных с фотографией, немедленно последовало разочарование с материалами Кафарова. В его «деле» вместо ожидаемых толстых тетрадей дневников оказалось всего два листочка. Один — постановление об избрании Палладия Кафарова, учитывая его научные заслуги, действительным членом Императорской Академии наук. Знаменательный и интересный факт из биографии ученого, тем более, как мне кажется, забытый. Второй — собственноручная записка Кафарова.

Я впервые в жизни держал в руках небольшой клочок бумаги, исписанный около века назад самим Кафаровым! Выцветшие чернила, пожелтевшая бумага, ушедшая в прошлое жизнь... В записке ученый просил извинить его за то, что он не пришел на заседание — состояние здоровья не позволило этого сделать.

Я закрыл «дело». Не просто найти утерянное.

Всегда получается так: ищешь одно — находишь другое. Здесь же, в архиве Академии наук, неожиданно для меня оказались не только бумаги, связанные с Кафаровым, но снова материалы... Лопатина! Почти те же, что в архиве Института археологии «Сведения о 49 урочищах», те же собственноручные рисунки каменных изваяний Никольского и... ни слова о хабаровской черепахе!

Куда направиться теперь? — думал я, спускаясь по узкой темной лестнице. Кажется, теперь все возможные пути исследования испробованы.

Через неделю я засел за повторное штудирование печатных изданий по истории Дальнего Востока. Не окажутся ли в них сведения, на которые раньше не обращал внимания. Но просмотр статей и книг по археологии Приморья не привел сначала ни к чему утешительному.

Но вот как-то я обратил внимание на то, что в «Известиях географического общества» содержатся, на пер-

вый взгляд, малопримечательные, информационные сведения о заседаниях Совета этого общества. В них упоминалась экспедиция Палладия Кафарова в Приморье. Нет ли в сухих протокольных записях того, что может меня заинтересовать?

И вот первая неожиданность — протокол заседания Совета от 2 марта 1871 г. На нем рассматривались три письма Палладия Кафарова, присланные с дороги, 5 тетрадей его дневника «Путешествия от Пекина до Благовещенска» (позже опубликованные в «Известиях» вместе с маршрутной картой) и, наконец, то, что привлекло особое внимание,— члены Совета рассматривали «План урочища Двуградия с расположенными на нем остатками старинных построек, дорог и т. п.».

Двуградие — это же две крепости в окрестностях Уссурийска, около которых стояли изваяния из камня. Если Кафаров видел могильные памятники, то по его плану можно узнать, где они располагались. Этот план, вероятно, точнее опубликованных планов Л. А. Крапоткина и А. З. Федорова, сделанных позже и часто по расспросам. К тому же в плане могут оказаться такие подробности, о которых я, возможно, и не подозреваю.

Но какова дальнейшая судьба чертежа?

Вот протокол нового заседания Совета от 6 апреля 1871 г. В нем снова упоминается план. Его собирались издавать! Неужели публикация плана прошла незамеченной — ведь на нее никто в последующее время не ссылается? На заседании с «извещением» выступил О. Э. Штубендерер и сообщил, что маршрут путешествия Палладия Кафарова можно издать на двух листах с уменьшением в 5 раз, а «на третьем листе поместить план окрестностей села Никольского со следами древних построек, с уменьшением в два раза». Последний лист можно издать в цвете,— заключил «извещение» О. Э. Штубендерер.

Последнее сообщение, связанное с картой, сделано на собрании Географического общества от 6 октября 1871 г. Ее намечают издать вместе с маршрутом в IV томе «Записок по общей географии». Это будет, с гордостью объявляется на заседании, «первый в России опыт гелиогравюры».

Сразу же заказываю IV том «Записок», нахожу маршрутную съемку путешествия П. Кафарова по Маньчжурии, но больше всего нужной мне карты... конечно же, не оказывается! Ее не издали и не объяснили почему. Может, подвел «первый опыт гелиогравюры», который оказался неудачным?

У меня буквально опустились руки. Это какое-то наваждение — стоит только напасть на интересный след, как он исчезает!

Однако записи в журнале нужно досмотреть. И вот, к счастью, новая находка, которая сразу определила направления дальнейших поисков. На заседании Географического общества от 1 ноября 1872 г. зачитываются два письма, которые впоследствии так и не опубликовали. Письма написаны Кафаровым в августе 1872 г. Одно из них посвящалось древним монетам, собранным на территории Двуградия, а второе — могильному памятнику, «случайно открытому» в районе Уссурийска.

Меня взволновало не столько сообщение об открытии Кафаровым «могильного памятника», сколько следующие за этим строки. Он, оказывается, прислал в Географическое общество, помимо монет, «список с надписи на заголовке надгробного памятника, найденного... около Фурдани...».

«Заголовок» — значит навершие стелы!

Итак, Кафаров, так же как Буссе, нашел «камень с надписью». Но если первый относится к уссурийской черепахе, то найденный Кафаровым должен принадлежать хабаровской! Что ж, снова в погоню за надписью, на

этот раз за «списком с надписи», а не за фотографией. Надо поискать материалы в архиве Географического общества, где, судя по всему, хранится неопубликованное письмо, посвященное открытию «заголовка с надписью».

Постоянные неудачи выработали у меня правило не задавать сразу главного вопроса. Поэтому в архиве Географического общества я не просил писем Кафарова, чтобы не разочароваться с самого начала работы. Сперва на мой стол легли «дела», содержащие рукописные протоколы заседаний Совета и общих собраний Географического общества. Я рассчитывал найти в них подробности экспедиции Кафарова в Южно-Уссурийский край и более детальный пересказ содержания письма о «заголовке памятника с надписью», моей последней надежды.

Глава III

ПОТЕРЯННЫЕ ДНЕВНИКИ ПАЛЛАДИЯ КАФАРОВА

Святейший синод разрешает поездку. Отъезд в страну „северных иноземцев“. „Есть же такие люди на земле!“ Радости и разочарования. План древностей Никольска Гавриила Нахвальных. Подлинные письма отца Палладия. Иеромонах Николай и копия „утерянного“ дневника. Загадка „А.П“ Амур—река Левиафан. Вождь восставших Абено Иоритоки ищет покоя. Снова Спиридон Назаренко. Хабаровская черепаха—„самая богатая“.

— Господа, покорнейше прошу внимания!

Председатель Русского географического общества Ф. Р. Остен-Сакен поднялся из-за стола. Короткий пе-

рерыв закончился, и все, оживленно переговариваясь, рассаживались за длинный, почти во всю комнату стол, покрытый темно-зеленой скатертью и беспорядочно заваленный какими-то свитками, грудами книг и картами.

— Нам еще осталось принять решение по одному небольшому, но важному для Общества вопросу,— продолжал он.— Речь идет о самой далекой нашей российской окраине — Южно-Уссурийской области!

Все, наконец, расселись, и в комнате постепенно установилась тишина. Вопрос интересный. Обсуждения его давно и с нетерпением ожидали. В Петербурге уже в течение полутора лет ходят рассказы об удивительных местах, в которых побывал молодой и никому до этого не известный путешественник Н. М. Пржевальский. Как же могло случиться, что это предприятие, полное увлекательных приключений и замечательных открытий, прошло мимо Географического общества, центра, объединяющего усилия по исследованиям неведомых земель?! А ведь, помнится, молодой офицер обращался к руководству Общества с широкой программой изучения края. Сумма денег, которую он просил, не велика. Но Пржевальскому отказали, а упрямый военный тем не менее отправился к берегам Тихого океана на средства, предоставленные другим ведомством. Особенно интересны рассказы Пржевальского о развалинах городов. Кто мог заселять в древности ныне пустынный Южно-Уссурийский край?

Остен-Сакен между тем говорил:

— Здесь, независимо от разных этнографических вопросов, весьма важно произвести изыскания относительно находящихся там многочисленных остатков старины. Надо собрать возможно подробнее географические и исторические сведения не только по Уссурийскому краю, но и о соседних частях Маньчжурии, Кореи и Японии.

Он замолчал, перебирая лежащие перед ним листки, а затем обратился к сидящему рядом Гельмерсену:

— Петр Андреевич, вы зачитаете письмо, которое подготовлено для генерал-губернатора Восточной Сибири Корсакова? Я думаю, господа, нам следует действовать одновременно в нескольких направлениях. Главное заключается в том, чтобы вести подготовку к экспедиции и серьезной работе в крае. Но поскольку дело это затяжное, то надо одновременно предупредить местное начальство о необходимости следить за сохранностью памятников старины. Прошу вас, Петр Андреевич!

Гельмерсен прошел к столику председателя:

— Милостивые государи! Прошло почти десять лет с тех пор, как мне посчастливилось бродить по лесам и горам Уссурийского края. Мне довелось писать в отчетах о древних укреплениях тех мест. Поэтому не хочу сейчас подробно останавливаться на описании их. Некоторые члены Совета знакомы с картами, на которых нанесены подобные древности. Цель моего выступления другая. Я составил письмо генерал-губернатору не случайно. Как вы знаете, недавно в Петербург приезжал Иннокентий Александрович Лопатин. Мы не раз беседовали с ним, и он рассказал мне, что русскими жителями села Никольского найдены прелюбопытные предметы — каменные изваяния людей и баранов, черепаха, «драконы со щитом» и некоторые другие. Самому Иннокентию Александровичу они передали небольшой бронзовый круг, на котором сохранилась надпись, и одну монету. Он уже побывал у Василия Павловича Васильева и передал ему эти находки. Василий Павлович проявил к ним исключительный интерес и обещал разобраться в надписях. Все это приятно, однако печалит судьба открытых древностей. Большинству их грозит уничтожение. Поэтому я прошу Совет направить от имени Географического общества письмо Корсакову следующего содержания.

Он извлек из стопки лежащих перед ним бумаг один из листков и стал медленно, с небольшими паузами зачитывать текст, выделяя наиболее важные, с его точки зрения, части письма:

«...Много в южной части Уссурийского края остатков древностей. Самая большая часть из этих развалин лежит в изгибе реки Суйфун. В то же время это единственное место, в котором найдены обломки черепиц, каменные фундаменты ворот... статуи, черепаха со щитом и тому подобное. Все это гибнет от невежества, а могло разъяснить о столкновении между несколькими народами. Так, И. А. Лопатин рассказывал, что камни с надписями уже употреблены на жернова. Прошу содействовать к спасению этих драгоценных памятников, единственных на нашей территории». Я закончил, Федор Романович. Благодарю вас, господа!

Над столом пронесся легкий шумок. Члены Совета вполголоса обменивались впечатлениями. Наконец, один из них, невысокий и худощавый, одетый в зеленоватый мундир с двумя рядами блестящих пуговиц и высоким стоячим воротником, не вставая из-за стола, сказал:

— Письмо следует послать, но мне кажется, что нужно прежде всего ускорить дело с отправкой экспедиции. Как наша комиссия? Удалось ли ей подобрать подходящую кандидатуру руководителя экспедиции?

Объяснения снова давал Остен-Сакен.

— Можно рассчитывать на участие в экспедиции одного почтенного исследователя по части Крайнего Востока. Для всех поименованных мною исследований в Южно-Уссурийском крае комиссия не могла рекомендовать лица, которое более соответствовало предполагаемой цели, как начальника нынешней Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия Кафарова. Глубокие познания его по части географии, истории и словесности Маньчжурии, Китая и Кореи представляют

наилучшее ручательство в том, что поездка его принесет самые обильные и важные научные результаты!

— А нет ли препятствий со стороны обер-прокурора Святейшего синода? Комиссия связалась с ним? — выразил сомнение один из членов Совета.

— Да, мы обратились с письмом в Святейший синод и, кроме того, написали официальное заявление графу Толстому о предполагаемом командировании Палладия Кафарова,— объяснил Остен-Сакен.— Они соизволили дать разрешение.

Секретарь спросил об отношении самого Кафарова к предполагаемым исследованиям. Согласен ли он и может ли оставить Пекин для столь длительной командировки?

— Я еще до получения разрешения от господина обер-прокурора написал личное доверительное письмо отцу Палладию и предупредил его о решении комиссии Совета. Я также сообщил ему, что официальное предложение Географического общества будет направлено ему сразу, как только ответит Святейший синод. Недавно получил ответ от Кафарова...

Остен-Сакен подошел к небольшому красного дерева столику, стоявшему около задрапированного шторами окна, выдвинул ящичек, порылся в нем и извлек листок бумаги.

— ...и вот, извольте. Отец Палладий пишет, что «готов содействовать целям Общества по этнографическим исследованиям и участвовать в работах экспедиции». Он, правда, также настаивает на разрешении Святейшего синода. Но мы недавно получили отношение Синода от 6 октября 1869 г. за № 4535, которое разрешает поездку Кафарову. Так что последнее препятствие отпадает.

— Отец Палладий выедет в Уссурийский край сейчас же? — спросил Гельмерсен.

— Я думаю, что не следует торопиться,— убежденно сказал Остен-Сакен.— Сейчас поздняя осень, а ему лучше выехать весной следующего года. На том же настаивает и Кафаров. Он выдвинул интересный план путешествия в край — прямым путем — через Маньчжурию к Благовещенску, а не обычной дорогой через Монголию и Кяхту. Отец Палладий станет первым европейским путешественником, который пересечет из конца в конец загадочную Маньчжурию! Мы же воспользуемся отсрочкой экспедиции до будущей весны для обстоятельной отработки в обществе вопросов и указаний, которыми можно снабдить его по отношению к собиранию сведений археологических, этнографических, географических, а также статистических...

В обсуждение снова вступает Гельмерсен:

— Отцу Палладию стоит подобрать и выслать издания Географического общества и его отделений в Сибири, а также отчеты путешественников по Дальнему Востоку, в которых содержатся сведения о древностях Южно-Уссурийского края. Это в какой-то мере облегчит ему поиски и сэкономит время. Что касается европейской и прочей литературы, то Кафарову следует обратиться к нашему консулу в Тяньцзине К. А. Скачкову — у него большая библиотека.

— Кого, кроме отца Палладия, включили в состав экспедиции?

— Он просит только топографа для съемки маршрута путешествия и даже называет подходящую кандидатуру — Гавриила Нахвальных из Иркутска. Кстати, Совету следует обратиться к генерал-губернатору с просьбой командировать Нахвальных в Пекин.

Весенним утром 1870 года, едва только забрезжил рассвет и первые лучи солнца весело брызнули на золо-

тистые вычурные крыши многочисленных храмов «запретного» (императорского) города, около северных ворот Пекина остановился необычный караван из пяти китайских возков. В каждом из них запряжено по два мула. Два возка до предела нагружены багажом. На третьем сидел высокий человек с черной бородой. Несмотря на китайский покрой одежды, все в нем выдавало европейца — длинный правильный нос, большие серые глаза, спокойно поглядывающие из-под густых, нависших над глазами бровей, напевная речь. Это был Палладий Кафаров, начальник Южно-Уссурийской экспедиции Русского географического общества.

Название «экспедиция» слишком громко, пожалуй,— думал он, с улыбкой оглядываясь на подъезжающие к воротам возки с грузом. На соседней телеге ехал Гавриил Нахвальных, а рядом с возком Палладия шагал его денщик.

Заспанный стражник небрежно осмотрел документы, а затем лениво распахнул скрипучие ворота. Палладий в последний раз бросил взгляд на тесные, кривые улочки, безлюдные в ранний утренний час, проследил взглядом за медленно сходящимися створками ворот, увенчанных изящной черепичной крышей, подпертой красными колоннами, и, вздохнув, повернулся вперед.

Хлопоты сборов и суета, обычная в последние часы перед отъездом, остались позади, но беспокойный начальник экспедиции, любуясь живописными, пробуждающимися ото сна окрестностями столицы Китайской империи, продолжал думать — не забыли ли чего из снаряжения.

Денег на поездку хватит. В Пекине он получил 388 червонцев, а в Благовещенске его ждет новый перевод. Проработка имеющейся в Китае литературы по исследованию Южно-Уссурийского края русскими путешественниками также завершена. Хорошо, что Сибир-

ский отдел Географического общества выслал из Иркутска восемь комплектов своих «Записок» — в Пекине их не достать! Очень помогут предстоящей работе письма П. А. Гельмерсена, В. П. Васильева и Н. Н. Захарова, которые любезно препроводил из Петербурга, вместе с инструкцией о направлении исследований, Совет Географического общества. Нужно с дороги поблагодарить еще раз Федора Романовича. Он сделал для экспедиции все зависящее от него.

Кафаров неожиданно попросил возницу остановить мулов. Дождавшись, когда подъедет Нахвальных и денщик, он спросил, не забыли ли они упаковать анероид, который накануне отъезда принес в духовную миссию директор Русской метеорологической обсерватории в Пекине Фритше. Он решил воспользоваться путешествием Кафарова через Маньчжурию и просил вести наблюдения высот страны, температуры и характера погоды. Гавриил успокоил отца Палладия — прибор упакован.

Снова завизжали деревянные, без металлических ободов колеса возков, оставляя за собой низко стелющийся над землей шлейф желтой лессовой пыли. Впереди в утреннем мареве поднимались цепи высоких гор. За ними лежала Маньчжурия, страна скалистых гор и широких травянистых степных долин, могучих рек и роскошных лесов, где смешались вместе хладолюбивая ель и дикий виноград, маньчжурский орех и таежная сибирская сосна, нежный лотос и древний папоротник... Маньчжурия — родина тунгусо-маньчжурских народов. Самобытна их древняя культура, образ жизни, экономика.

Палладий раскрыл дорожную сумку и достал из нее большую, на нескольких листах карту Южно-Уссурийского края, которую вместе с компасом привез из Иркутска Гавриил Нахвальных. Развернув ее на коленях, он еще раз посмотрел на район, который надлежит ис-

следовать. Прежде всего, конечно, нужно побывать в Никольском. Здесь много старых укреплений. Возможно, там удастся открыть следы более древних поселений.

Кто мог заселять Уссурийский край в древности,— размышлял Кафаров, вспоминая просмотренные в Тяньцзине книги. По сторонам тянулись скучные квадраты полей с редкими деревьями на меже около дороги. Засыпанные лессовой пылью колеи смягчали тряску и не мешали думать...

Около четырех с половиной тысяч лет назад в письменных памятниках появились упоминания о народе, который заселял Маньчжурию и Приморье. Он считался одним из сильнейших среди «восточных и северных иноземцев»[1]. Древние летописцы сохранили его название — сушень.

Удивительна была эта страна. Она описывалась первыми путешественниками, которые побывали там около рубежа нашей эры, как суровая и непроходимая горная область. «Дороги к ним коварны и опасны»,— предостерегает один из них. Невыносимы морозы страны сушень, глубоки снега, «холодна, низменна и сыра земля»,— пишет другой.

Непривычен образ жизни сушеней, странными кажутся их правила и привычки. Вот некоторые из них сохранившиеся в записях летописцев, сделанных полторы-две тысячи лет назад.

Замерзшее в кладовых мясо сушени вносят в помещение и оттаивают необычным способом. Один из очевидцев с удивлением записал, что они берут отрубленный кусок мяса, «садятся на него и так оттаивают».

[1] Так китайские летописцы называли народы, не входившие в состав «Срединного государства», Китая.

Еще большее удивление вызвал рассказ о том, что сушени умываются мочею.

Необычны дома, в которых живут сушени. Они вырывают в земле глубокую яму, настилают крышу из бревен, а затем засыпают землей. Каждый старается вырыть землянку глубже, чтобы не замерзать зимой. В землянку спускаются сверху по лестнице. Летом, когда наступает жара, сушени покидают землянки и живут в легких шалашах.

Разнообразно хозяйство сушеней. Они «любят разводить свиней», усердно занимаются хлебопашеством, а зимой надолго отправляются в тайгу, где охотятся на оленей, медведей и мелкого пушного зверя. Особенно славится страна сушеней соболями. Далеко за ее пределами известны «сушеньские соболя»!

Сушени «люди крепкого сложения, отважные», суровые и мужественные. Они искусные стрелки из луков, которые делают из кости и рога.

И, как выясняется из старых сочинений, сушени не только жители гор и речных долин, но и искусные мореплаватели. Оказывается, страна сушеней — это также область на севере, откуда «удобно ездить на судах». Нетрудно догадаться, что район, «прилегающий к Великому морю», о котором писал один из путешественников, это теперешнее Приморье и Приамурье. Сушени плавают по морю, постоянно тревожа соседей грабительскими набегами. При этом следует иметь в виду, что морские суда использовались ими не только для нападений. Сушени занимаются не менее охотно, чем свиноводством и хлебопашеством, морским промыслом. Так, один из летописцев отмечает в качестве объектов промысла клыки моржа и зрачки кита!

Сушени свободолюбивы и не раз отражали попытки соседей, прежде всего китайцев и корейцев, покорить их страну. Их политика на протяжении многих столетий не-

изменна: вступать на северо-востоке в союз с теми, кто подвергается агрессии. Конница сушеней не раз наводила панический страх и обращала в бегство китайские войска, когда те пытались разгромить северян. Как сообщает летописец, сушеней, вопреки лицемерным правилам всепрощения, в плен не брали. Им рубили головы или закапывали в землю живьем...

Не меньше хлопот соседям доставляли потомки сушеней, которые в разные времена назывались по-разному. В начале первых веков н. э. их называли илоу и уцзи, а позже, вплоть до VI в. н. э.,— мохе и затем нюйчжи — чжурчженями.

Палладий Кафаров с улыбкой вспомнил описание в летописи аудиенции «варваров» у императора Гао Цзу в 581 г. н. э. После приема, когда послы вручили императору подарки, они исполнили танец своей страны. Гао Цзу пришел в ужас, увидев, что представляет собой их пляска — послы разыграли перед троном сражение. Этот темпераментный воинственный танец привел императора в такой страх, что он позже говорил приближенным: «Есть же такие люди на земле, у которых вечно войны в мыслях! Как хорошо, что их владения удалены от моих...»

Позади остались Великая стена и Шанхайгуань — южные ворота в Маньчжурию. Впереди за узкими ущельями лежала древняя страна Сушень. Удастся ли найти развалины городов и поселков свободолюбивых сушеней, предков современных народов Приамурья и Приморья...

Я закрыл рукописные протоколы заседаний Совета и Общего собрания Географического общества, на которых зачитывались дневник и письма Кафарова с дороги от Пекина до Благовещенска. Никаких дополнительных

данных в протоколах, вопреки ожиданиям, не оказалось. Письма Кафарова к ним не прикладывались. Поэтому в просмотренных папках архива отсутствовал также план Двуградия. Сдавая протоколы сотруднице архива, я кратко пересказал ей существо дела, ради которого оказался в Географическом обществе. Вдруг она каким-либо образом поможет мне или подскажет новый путь поисков.

— ...В протоколах нет того, что мне нужно. Удивительно все же, почему не издали в «Записках по географии» плана древностей Никольского?

— А вы не думаете, что подвела новая техника печатания? Как вы сказали — гелиогравюра? — поинтересовалась она, принимая папки.

— Да, не исключено. Фотография тогда делала первые шаги,— согласился я.— Надо же тому случиться, что именно план, нужный мне, избрали для эксперимента. Как вы считаете, не мог сохраниться чертеж Кафарова в типографии, где печатались «Записки»?

В моей голове начал зреть новый план — надо найти архив типографии. Если он сохранился, то там могут оказаться не только планы, но и, возможно, письма Кафарова.

— Нет! Рукописи, сданные в типографию, погибли вместе с другими издательскими документами. Не тратьте времени напрасно — это я знаю точно.

— Но если плана нет у вас, то, может быть, его передали в другой отдел архива? — спросил я, вспомнив, что рядом находится еще одна дверь, на которой висела табличка «Отдел картографии».— Например, к вашим соседям.

— В отдел картографии? Пожалуйста, сейчас я вам дам опись материалов отдела.

Описью удобно пользоваться. Картографические материалы расположены в ней по крупным областям стра-

ны. Я сразу по оглавлению нашел «Дальний Восток». Здесь действительно хранились поступления, которые попали в архив многие десятки лет тому назад. По датам стало ясно, что если чертежи, присланные Кафаровым, передали сюда, то они должны находиться в отделе.

Карт по Дальнему Востоку оказалось не много, но, уже на второй или третьей странице я прочитал то, что искал: «План Двуградия и его окрестностей», раздел III, опись 1, № 508, папка № 5.

Удивительно, но я не испытывал никакой радости. Предшествующие дни работы в архивах научили меня осторожности, сдержанности и терпению. Радоваться надо тогда, когда в руках окажется план, а запись о нем вовсе не предусматривает такой исход дела!

— Не знаю, радоваться или огорчаться, но в описи есть план Двуградия! — сказал я девушке.— Когда он занесен в опись — не ясно. Возможно, до отправления в типографию для изготовления этой проклятой гелиогравюры?

— Разрешите, взгляну.

Она взяла книгу:

— Вам определенно не везет с Двуградием! Извините, я совсем забыла предупредить, что у нас недавно проверяли фонды отдела картографии...

— И что же?

— ...единицы хранения, которые имеются в архиве, отмечены синим карандашом, а те, которых не оказалось на месте — красным. Видите — напротив Двуградия стоит красная галочка. Значит...

— Значит плана нет! — с досадой заключил я. Так и знал — все же загубила чертеж гелиогравюра Штубендерера!

— Я проверю на всякий случай в фонде. Иногда бывают ошибки,— проговорила девушка, забирая со стола опись. Ей, очевидно, очень хотелось помочь мне.

Я не стал ее останавливать. Через несколько минут девушка буквально влетела в комнату. В ее руках развевалась длинная бумажная полоса:

— Двуградие есть,— с порога крикнула она, улыбаясь.— Недаром я сказала вам, что возможна ошибка!

Девушка с торжеством положила на стол плотный бумажный лист, а я, от радости забыв поблагодарить ее, сразу же развернул его. Да, это «План Двуградия и его окрестностей»!

Он многоцветный — внизу голубой полосой струится Суйфун, окаймленный зелеными зарослями кустарников и деревьев. Почти перпендикулярно к его течению тонкой змейкой вьются нитки притоков — Славянки и Супутинки, также густо унизанные бледно-зелеными пятнами зарослей тальника. Между ними на берегу террасы Суйфуна располагаются два больших квадрата крепостей с детально выписанными валами, проемами ворот и редутами, вынесенными вперед.

Кафаров наблюдал все это в непотревоженном состоянии, поэтому каждая деталь его плана имеет исключительную ценность. Вот перед «станом чжурчженей», как он называл дальнюю от Никольска крепость, изображен «редут» или «крепостца». Ее, разрушенную позже при саперных работах, не успели точно занести на карту, и поэтому изображали по рассказам и воспоминаниям старожилов. «Крепостца» выглядела на плане очень маленькой, многие детали ее терялись из-за масштаба. Поэтому внизу эта же «крепостца» сделана увеличенной. Все особенности устройства «редута» хорошо просматривались.

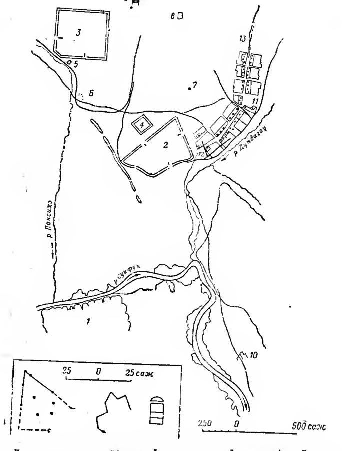
На плане нанесены не только крепости, но и их «предместья», т. е. участки местности, где за пределами крепостных валов встречались остатки разрушенных зданий. «Предместья» позже поглотил растущий Никольск, и о них теперь можно судить только по плану

Кафарова. За «станом чжурчженей», к северу у горы, Кафаров отметил «кумирню» и колодец, о которых я вообще ничего не слышал.

План уникален также в другом отношении. Если когда-либо заинтересуются историей Уссурийска, то первый план русского селения сохранил для будущего историка Палладий Кафаров. Каждый из почти полусотни домов крестьян-переселенцев с прилегающими к ним огородами нанесены на план!

Но больше всего меня порадовали части чертежа, на которых нанесено местонахождение могильников. В особенности это относится к могильным курганам с уссурийской черепахой. Ее столько раз перевозили с места на место, что под конец с трудом установили, где находились снесенные до основания курганы. № 7 на чертеже П. Кафарова — место, где находилась уссурийская черепаха. № 8 — еще один могильник, окруженный прямоугольником вала с тремя точками внутри, обозначающими курганы, в которых лежали умершие. Об этом могильнике в литературе имелись случайные и противоречивые известия. Авторы писали о каких-то «двух курганах», но никто не упоминал о вале из земли, оконтуривающем усыпальницы.

А вот и № 6 — здесь, я это знал по другим опубликованным чертежам, стояла хабаровская черепаха! Так, на карте никольских древностей, изданной Федоровым, звездочкой условно обозначено место, где она стояла. Но больше ничего. Как в деталях выглядел погребальный комплекс с черепахой? Никто не мог ответить на этот вопрос. Мельница Линдгольма уничтожила следы кургана и прилегающих к нему строений. И вот на карте Кафарова я впервые вижу, как выглядели в плане погребальные сооружения, на одном из курганов которых стояла хабаровская черепаха! Чувство радости первой важной находки не передать словами!

«План Двуградия и его окрестностей», составленный топографом Гаврилом Нахвальных, участником экспедиции Палладия Кафарова.

(1 — гора, подножие которой опоясано валом; 2 — Фурдань; 3 — вал, возведенный вокруг древнего стана; 4 — вынесенное вперед укрепление; 5 — крепостца; 6, 7, 8 — кладбище; 9 — место, где, возможно, находилась кумирня; 10 — остатки сторожевого поста; 11 — селение Никольское; 12 — по некоторым признакам здесь находилось предместье древнего города; 13 — часть древней дороги).

Могильник с хабаровской черепахой нанесен П. Кафаровым на основном чертеже, рядом со «станом чжурчженей» в мелком масштабе, а затем, поскольку в нем оказалось много интересных деталей, еще раз в крупном. Это единственный из трех могильников окрестностей Двуградия, который вычерчен в крупном масштабе. Мне определенно начало везти!

Погребальный комплекс изображен в виде трапеции, линии которой прерывались черными круглыми точками, условными изображениями курганов. Сплошные и пунктирные линии обозначали вал, который окружал два кургана. Я пересчитал количество могильных курганов рядом с валом. Их оказалось десять. Похороненному оказали высшие из положенных почести! Дело в том, что по правилам рядом с гробницей господина всегда располагались могильные курганы приближенных. Чем больше таких курганов, тем выше ранг господина. Десять курганов — максимально высокое число сопровождающих погребений. Такая честь отдавалась обычно принцам или великим князьям.

Итак, теперь к хабаровской черепахе прибавились два кургана, на одном из которых стояло само изваяние, десять курганов приближенных, похороненных вблизи гробницы господина, и вал, окружающий погребальный комплекс. Неплохое прибавление за какие-нибудь две минуты осмотра плана!

Внизу листа, который имел порядковый № 58, я встретил еще одну знакомую фамилию: «Снимал топограф Нахвальных». Вот кому я обязан чистым и аккуратным, выполненным по всем правилам чертежом. Тщательно, с наслаждением копирую его на кальку.

— Спасибо за чертеж! Но это не все, что мне хотелось бы найти в архиве. У вас легкая рука — посмотрите, пожалуйста, нет ли в каталоге писем Палладия

Кафарова. В протоколе заседаний они упоминаются. Их зачитывали на заседании Совета...

К моему удивлению, в картотеке оказалось несколько карточек с названиями писем Кафарова.

Несколько, но не все! Вот, например, письмо, присланное из Никольска вместе с монетами. Но ведь тогда Совет получил два письма. Мне больше всего нужно второе, о «заголовке памятника» с копией надписи и комментариями Палладия.

Стоит ли говорить, что в архиве не сохранилось именно это письмо! Отсутствовала также копия надписи.

Я уже привык ко всякого рода неудачам в попытках преодолеть заколдованный круг и найти, наконец, «камень с надписью», который принадлежал хабаровской черепахе. Но на этот раз отсутствие в фондах архива Географического общества письма с нужной мне копией надписи компенсировалось ошеломляющей радостью. Когда я, ободренный находкой писем Кафарова, написанных его собственной рукой, попросил принести все имеющиеся в хранилище материалы, связанные с Южно-Уссурийской экспедицией, то первая же принесенная вскоре синяя папка «дела» содержала то, что считалось навсегда погибшим после неожиданной смерти Кафарова при его возвращении морем в Петербург. Я листал страницы копии его полевого дневника, который он вел при исследовании археологических памятников Приморья! Можно ли мечтать о большей радости?

Вот уже в течение пятидесяти лет исследователи, занимающиеся изучением истории Дальнего Востока, высказывают сожаления по поводу гибели материалов и дневников Палладия Кафарова. Географическое общество успело только издать дневник, который он составил во время поездки по Маньчжурии — от Пекина до Благовещенска, а также ряд писем из Никольского и Владивостока. Однако самое важное — подробный ход ра-

бот его экспедиции в Приморье, материалы письменных источников, привлеченных для разгадки истории древних городов на Суйфуне, Сучане и Уссури, оставались попрежнему неизвестными. А было бы очень интересно узнать, какие летописи привлекал Кафаров, чтобы так уверенно рассуждать о названиях городов, времени их существования и причинах гибели? Что позволяло ему направлять маршруты в наиболее интересные районы края?

Ученые в оценке бесследно исчезнувших документов разделились на два противоположных лагеря. Одни писали о том, что в потерянных бумагах содержится ключ чуть ли не ко всем тайнам средневековой истории Дальнего Востока, поскольку в руках Палладия Кафарова находился древний письменный источник. Другие, напротив, скептически оценивали значение полевых записей Кафарова, отмечая их беглый и конспективный характер.

О судьбе самой рукописи также ходили противоречивые слухи. Некоторые утверждали, что Кафаров захватил дневник с собой, когда отправился морем из Китая в Петербург, и он погиб вместе с другими его бумагами во время внезапной смерти на корабле. Другие рассказывали, что еще до Отечественной войны в каталоге архива Ленинградского отделения Института археологии хранилась карточка дневника Кафарова. Однако на полке, где согласно шифру находилась папка с рукописью, ее не оказалось. А в 1961 году в каталоге уже отсутствовала и сама карточка. Возможно, работники библиотеки уничтожили ее за ненадобностью, поскольку дневник затерялся. Не исключено также, что он вообще не находился в архиве Института, а просто произошла путаница.

И вдруг эта драгоценная рукопись в моих руках!

Приложенный к ней листок бумаги объяснил, каким

образом попала в архив Географического общества копия чернового дневника Палладия Кафарова:

«Представленная вторая часть дневника о. Палладия найдена нижеподписавшимся в 1885-м году в Архиве Пекинской духовной миссии. Она помещена в 4-х тетрадях в перегнутый лист, писанных чернилами, и в 4-х книжках, писанных карандашом. Метеорологические наблюдения, находящиеся в первых тетрадях, выпущены, так как они опубликованы г. Фритше при жизни о. Палладия.

Иеромонах Николай.
СПБ 18 августа 1886 г.»

Иеромонах Николай известен мне сочинением, посвященным истории создания и деятельности русской православной духовной миссии в Пекине и опубликованным в ее трудах. Его поиски в архивах Пекинской миссии связаны, очевидно, со сбором материалов и документов для задуманной работы. Там-то он и нашел то, что считалось безвозвратно утерянным. Иеромонах Николай, вероятно, внимательно следил за результатами Южно-Уссурийской экспедиции одного из видных деятелей Пекинской духовной миссии, и, когда в его руки попала бесценная рукопись, он не только понял ее огромное научное значение, но тут же снял копию, а оказавшись в Петербурге, принес и сдал в архив учреждения, которое организовало поездку Палладия Кафарова на Дальний Восток.

Разумеется, дневник Кафарова рано или поздно попал бы в руки исследователей, но когда бы это случилось? У кого могла мелькнуть мысль, что дневники окажутся в архиве миссии, если общепринятым считалось мнение, что Палладий забрал их с собой в дорогу, отправляясь на родину? Здесь же, в архиве Географического общества, вероятность их открытия людьми, ин-

тересующимися судьбой научного наследия видного русского востоковеда, значительно большая.

Но и это еще не все. Если начинаются удачи после полосы провалов, то иногда случается так, что один успех приходит для того, чтобы его сменил новый. Не успел я перелистать страницы копии чернового дневника и как следует познакомиться с ними, как на стол легла еще одна папка, доставленная из хранилища. В ней оказались три большие сшитые нитками тетради, составленные из листов линованой бумаги с водяными знаками, обозначающими, возможно, эмблему Пекинской духовной миссии. По линиям бежали аккуратные бисеринки букв, написанных чернилами. Это почерк Палладия Кафарова!

Что представляла собой рукопись — новый дневник или подлинник его чернового дневника? Как выяснилось через несколько минут, ни то и ни другое. Новые материалы назывались так: «П. Кафаров. Переезд от Благовещенска до Хабаровска и от Хабаровска до Южно-Уссурийского края в 1870 г.». Это переработанные черновые записи 1870 г., которые знаменитый путешественник выверил, привел в порядок, систематизировал и переписал набело. Теперь появилась возможность изучить не только черновые записи, но и их отработанный и заново продуманный текст!

Значит, ошибочно мнение, что Кафаров не успел обработать черновой дневник, не выслал Географическому обществу научный отчет о поездке и тем самым не выполнил свой долг ученого перед учреждением, пославшим его в экспедицию. Такое заключение как-то не вязалось с характером педантичного и аккуратного до мелочей Палладия Кафарова. Новые тетради его чистовых записей «реабилитировали» исследователя и в этой части.

Правда, когда я перелистал последние страницы

Палладий Кафаров — выдающийся русский востоковед совершивший первую археолого-этнографическую экспедицию по Дальнему Востоку.

чистового дневника, то увидел, что в нем нет самого важного и интересного для меня — записей 1871 г., периода наиболее интенсивных археологических и этнографических исследований Кафарова в Приморье. Ведь именно к этому времени относится находка «заголовка памятника с надписью».

Но это огорчение прошло быстро, и на решение новой загадки (почему нет переработанной начисто остальной части дневника) не потребовалось много усилий.

Среди груды папок оказалась еще одна рукопись под названием «Пребывание во Владивостоке и посещение Южно-Уссурийских портов 1871 г.». Те же тетради, та же бумага и водяные знаки, тот же бисерный почерк, который я теперь узнавал с первого взгляда. Отличия только в шифрах. Если первая часть чистового дневника записана в 55 разряде первой описи под номером 24, то новая рукопись состояла в 60 разряде той же первой описи, но под номером 11. Для меня не оставалось теперь сомнений, что в третий раз за один день я держу в руках новую, не известную ранее рукопись Палладия Кафарова!

Но судя по заметкам на полях первой же страницы, авторство ее работники архива Географического общества установили не сразу. Рукопись получили 23 октября 1876 года и, поскольку автор подписал ее только инициалами «А. П.», в архиве сначала не могли понять, кто прислал это сочинение. Со времени экспедиции Кафарова прошло пять лет, и никто не ожидал дополнительных материалов поездки. Поэтому на полях рукописи написали карандашом, что здесь содержатся материалы по Дальнему Востоку, а их автором назвали А. Полонского. Судя по знаку вопроса, поставленного после фамилии «А. Полонский», тот, кто написал это, все же не уверился в правильности определения авторства. Наконец, ниже этих карандашных записей появилась новая — «Архимандрит Палладий!» — и загадка инициалов «А. П.» решилась окончательно.

Новые тетради представляли собой третий дневник Палладия Кафарова. Самое главное заключалось, однако, в том, что они являлись продолжением дневника «Переезд от Благовещенска...» Если соединить вместе обе разрозненные под разными номерами и разрядами рукописи, то в руках исследователей окажутся не только черновые записи, скопированные иеромонахом Ни-

колаем, но также окончательный, литературно обработанный, полностью подготовленный к печати чистовой дневник, написанный рукой Палладия Кафарова.

Взятые вместе чистовые и черновые варианты записок даже при беглом знакомстве показали, что они прекрасно дополняют друг друга, являются бесценным источником по воссозданию хода работы Южно-Уссурийской экспедиции, живо и ярко рисуют картины русского Дальнего Востока столетней давности и, наконец, содержат обильные материалы по археологии, этнографии и истории Приморья и Приамурья.

Страницу за страницей жадно поглощал я дневник, и передо мной вставали картины путешествия Палладия Кафарова, начиная с момента выезда из Благовещенска и кончая прибытием в Пекин.

Кафаров не беспристрастный и холодный регистратор увиденного, не равнодушный рассказчик, выполняющий по обязанности описания мест, мимо которых его провозил речной пароход, лошадь русского хлебопашца или паром на озере Ханка. Он умный, неблюдательный и вдумчивый путешественник, который многое из увиденного рассматривает через призму прошлого.

Страницы дневника пестрят сведениями из древних источников. Вот Кафаров проезжает на пароходе «Чита» мимо возвышающейся среди долины Амура сопки под названием «Шапка» (около современного Поярково). Он не преминул тут же рассказать, что гора укреплена мощной системой валов и рвов. Это первое упоминание о знаменитом теперь раннесредневековом городе-крепости, очевидно, столице племен, живших по среднему течению Амура. Кафарову вид грозных валов навеял воспоминания о древних летописных источниках, в которых часто упоминались «укрепления по Амуру». Он тут же пытается определить название народа, который мог оставить эти города. Они принадлежали,

пишет он 21 июня 1870 г., «народу сахалян и гурдаху, а частью эпохам более древним».

«Это интересное время,— продолжает заносить в дневник Кафаров,— когда полудикие роды, разделенные один от другого местом и интересами, начали сознавать выгоды независимого или отдельного существования и... окружали себя охранными оплотами и укреплениями».

Город на «Шапке» некоторыми историками считается административным центром черноречснских (амурских) мохэ (потомков сушеней). Но, возражает тут же П. Кафаров, «в ту пору в этой части Амурского бассейна обитали не мохэ, а шивэи». «Мне кажется,— добавляет он,— гораздо более вероятным, что городище это принадлежит эпохе монгольского владычества. Хубилай построил (здесь) город... В 1293 г. он послал туда начальником Харабадура... Однажды он (Харабадур) представил ко двору добытых там девять огромных рыб, из коих каждая весила по меньшей мере 30 пудов!»

Величие Амура потрясло Кафарова. 26—27 июня он записывает: «Смотря на огромную массу воды Амура, величаво текущую среди отдаленных берегов, я невольно вспомнил, что бохайцы называли его Левиафан-рекой». Он долго любуется суровыми каменными стенами «амурских щек» Кумнихань, обрывами лесистого Хингана, расчлененного одной из величайших в Азии рек. «Здесь пролегала,— прерывает он лирическое отступление,— граница между родами южно-сибирских племен шивэй и чернореченских мохэ. Исконная вражда разделяла два могущественных племени — она частью продолжается и до сих пор — хотя в древности существовало родство, степень которого мы теперь уже не можем определить».

Далее ученый приводит интереснейшие соображения о расселении четырех племен шивэй, которые необходимо учесть археологам: «западные шивэй» расселялись

по берегам Аргуни до Усть-Стрелки ; «большие шивэй» — по берегам Амура до нынешнего Поярково; «мынву» — вниз от Поярково на правом берегу Амура, огражденного цепью гор; «лоцзу» — на левом берегу Амура.

Шивэй, по его мнению, заселяли огромный район, начиная с озера Куку-нор, откуда вытекала Аргунь, которая в древности считалась частью Амура, и кончая Кумнихань. «Далее за шивэй начинались мохэ, заселявшие оба берега Амура вплоть до самого «Малого моря», окруженного с трех сторон землею. Это «Малое море», очевидно, есть не что иное, как пролив между о. Сахалином и материком, с включением Амурского лимана. В те времена еще не знали о северном проходе пролива»,— записывает Палладий.

Какие бесценные сведения для исторической географии!

А разве не интересно узнать, кто много веков назад впервые совершил путешествие по Амуру и описал людей, которые населяли его берега? Кафаров первый обратил внимание на японский источник «Учжи-жуймоногатари», содержащий описание этого любопытного в истории географических открытий факта. Речь идет в нем о стране чжурчженей (потомков мохэ и сушеней) и о возрастающей мощи их племен.

В седьмой год правления «Эйшо» императора Горейзей (1052 г.) вождь одного из племен провинции Ошиу Лиао, расположенной на северо-востоке Японии, около Сангарского пролива, поднял восстание против императора. Имя вождя — Абе-но Иоритоки. Вместе с ним в борьбе участвовал его сын Садатоки. Однако в тот же год, не надеясь на благополучный исход задуманной войны, Абе-но Иоритоки решил найти место, где можно спастись на случай поражения. Он снарядил припасами судно, забрал с собой все свое семейство и

сына Садатоки, 20 молодых людей, очевидно воинов-гребцов, и отправился через моря на материк, где располагалась неведомая «северная» земля, о которой тем не менее в Ошиу имелись, очевидно, какие-то туманные известия.

Далее рассказывается, что судно Абе-но Иоритоки прибыло в большой залив, который оказался устьем большой реки. Она поразила путешественников шириной и большой глубиной. Если посмотреть на карту побережья Приморья и Приамурья, то Амур — единственная река, которая могла произвести такое впечатление на Абе-но Иоритоки и его спутников.

Длительность последующего путешествия Абе-но Иоритоки вверх по реке, которое продолжалось более 30 дней, подтверждает мысль о том, что он плыл по Амуру. Японский комментатор «Гайко-иси-ко» совершенно прав, когда в конце рассказа, заимствованного им из «Учжи-жуй-моногатари», добавляет от себя: «Надо думать, что Иоритоки был тогда в стране Ашихасе», т. е. чжурчженей.

Верховья реки, к удивлению Абе-но Иоритоки, оказались «пространными и пустыми», и вдоль берегов, заросших лесом, «не видно никакого признака человеческого пребывания». Но такое впечатление оказалось обманчивым. В один из дней путешественники увидели то, что заставило их отказаться навсегда от мысли поселиться в чужой «пустынной» стране. Сильный топот и шум, «как будто от волн», заставил Абе-но Иоритоки и его спутников спрятаться в прибрежных кустах. К берегу реки, по которой они плыли более месяца, подошла большая группа воинов и всадников общим числом более тысячи человек. Они двигались в строгом порядке: две колонны пеших воинов заключали между своими рядами колонну всадников. «Подъехав к берегу, они остановились, поговорили между собой что-то, потом,

махнув плетками на лошадей, бросились вплавь; пешие переплывали реку, держась за хвосты лошадей... и все исчезли из виду».

Переправляться на лошадях через такую реку можно было, по мнению Абе-но Иоритоки, только при наличии брода. Однако промеры показали, что глубина реки здесь такова, что не достать дна. «Это привело его (Абе-но Иоритоки) в такой ужас, что заставило возвратиться назад домой». Страх перед неведомой страной и ее могущественными обитателями, у которых, по-видимому, судя по большой колонне воинов, не менее беспокойная и сложная обстановка, чем в Японии, оказался настолько сильным, что Абе-но Иоритоки решительно отбросил мысль поселиться в новых местах. Он вернулся в охваченную восстанием Ошиу Лиао.

Абе-но Иоритоки был убит в 1057 году, но его сын Садатоки продолжал храбро сражаться с войсками императора, пока его не убили в бою через несколько лет после смерти отца. Брата Садатоки Мунето захватили в плен и держали в ссылке на острове Сикоку в деревянной клетке. Возможно, это он (по сведениям Кафарова) поступил в монахи и вспоминал о путешествии на Амур: «Я слышал, что царство варваров отстоит от Китая на север; следуя за своим отцом, я побывал в этой стране и узнал, что она не слишком далеко от Лиао».

Абе-но Иоритоки и его спутники видели, таким образом, чжурчженей и, возможно, оказались случайно свидетелями одного из их военных походов. Рассказ Абе-но Иоритоки — непосредственная, живая, а потому волнующая картина военных походов набирающих силу и мощь чжурчженьских племен, предков современных амурских народов.

Кафаров сообщил также первые данные о наскальных изображениях Амура, очевидно Сакачи-Аляна. Ему о них, а также о многочисленных городищах рассказал

священник Протодьяконов в деревушке Хабаровке (теперь Хабаровск). «На скалистых берегах есть высеченные изображения»,— записал Палладий в дневнике.

Все сведения дневников настолько новы, интересны и важны, что я даже на время забыл об основной цели, которая привела меня в Географическое общество — а как же «заголовок памятника с надписью»? Видел ли Кафаров каменных черепах в районе Уссурийска, приводит ли он текст его, каковы обстоятельства открытия камня с надписью?

Эти вопросы как-то внезапно встали передо мной, и я стал быстро, страницу за страницей, перелистывать дневник, схватывая только основное из содержания записей. Отплытие из Хабаровки, пароход «Сунгача», буря на озере Ханка, древний тракт вблизи села Никольского...

Все интересно, но детали изучу потом! И вот первое очень знакомое и неожиданное: «10 июня 1870 г. В Никольском староста заранее отвел для меня квартиру у зажиточного крестьянина Назаренко...»

Знакомая фамилия, где-то я ее встречал... Так ведь это же тот самый Спиридон Назаренко, о котором писал в письме в Археологическую комиссию Буссе! В другом случае я бы равнодушно скользнул по этой на первый взгляд самой заурядной записи. Какое отношение к делу имеет обыкновенный житейский факт — у кого остановился в Никольском Палладий Кафаров? Но теперь... Ведь это тот крестьянин, у которого через 15 лет Буссе обнаружит «камень с надписью»!

Этот камень все последующие исследователи, в том числе Буссе, связывали не с хабаровской черепахой, которой я занимался, а с уссурийской, подробно описанной и зарисованной Лопатиным. Первая из них располагалась у дальней от деревни Никольское крепости (стан чжурчженей), а вторая у «бохайского» города Фурдани!

Сразу мелькает мысль — является ли случайным такое странное совпадение: Кафаров, открывший в Никольском «заголовок памятника с надписью», останавливается жить именно у того крестьянина, у которого ступенью входа в ледник окажется обломок навершия с древним текстом?! Не связаны ли эти два обстоятельства?

Как ни заманчива и любопытна попытка связать их, такая возможность совсем не вдохновляла меня. Неужели я снова окажусь все перед тем же обломком навершия, который хранится во Владивостокском музее? Палладий Кафаров в таком случае обнаружил не «заголовок» хабаровской черепахи, на что я с жаром надеялся, а опять-таки навершие уссурийской черепахи, располагавшейся у Фурдани. Мне на мгновение показалось, что последняя надежда найти ключ к черепахе безвозвратно потеряна.

Но где все же Кафаров обнаружил «заголовок»? С какого места привез его крестьянин во двор своего дома, а затем уложил у входа в ледник? Началось кропотливое изучение и сравнение обоих вариантов дневников — полевого и чистового.

Записи в июле 1870 г. и мае 1871 г. позволили раскрыть картину изучения каменных изваяний Никольского. Прежде всего стало ясно, что, как и следовало ожидать, Кафаров видел «мою», т. е. хабаровскую черепаху. В первой же записи от 11 июля, сделанной после приезда в Никольское и осмотра окрестностей, он сообщает о могиле «на запад от первого вала, на береговой окраине разливов Суйфуна». Вот оно, наконец, первое упоминание о хабаровской черепахе — это она располагалась «на береговой окраине»: «там есть и черепаха, и памятник без надписи».

Под «памятником» он, конечно, понимал стелу, которая вставлялась в специальное отверстие на спине че-

репахи. Надпись на стеле хабаровской черепахи, действительно, не сохранилась.

О том, что Кафаров видел и первым записал сведения о хабаровской черепахе, свидетельствовали факты, собранные им в тот же июльский день. Несколько ниже он писал о второй черепахе, ограничившись, правда, только вскользь брошенной фразой о том, что второй памятник — «черепаха гранитная с полосами». Но этого, а также следующего затем указания о местонахождении черепахи («на север от ближайшего городища... верстах в двух») вполне достаточно, чтобы понять, о каком памятнике идет речь. Это, безусловно, второе изваяние с вырезанным на спине ромбическим узором («полосами»), которое исследовал Лопатин за 8 лет до Кафарова (т. е. уссурийская черепаха).

В чистом варианте первой части дневника Кафаров кратко суммирует сведения и также упоминает не об одном, а о двух изваяниях черепах на могилах в окрестностях Никольска. Новым здесь, по сравнению с известиями из черновых записей, является сообщение о навершиях с драконами: «Из каменных изделий... встречаются могильные памятники в виде больших каменных плит с изображениями витого дракона наверху и утвержденные на каменных черепахах; на фурданьской долине нашлось два таких памятника...».

О том, что одно из навершии имеет надпись и к какой черепахе оно относится, он почему-то в чистовом дневнике не упоминал.

Дальнейший просмотр дневников показал, что известие об открытии «заголовка с надписью» ученый получил 13 мая, когда исследовал одну из древних крепостей на реке Сучане. В тексте дневника за этот день имеется только краткая запись: «Известие — что близ Никольского открыты такие древности: склеп и камень с надписью...».

В Никольске Кафаров оказывается через две недели, и вот, наконец, она, давно желанная запись от 29 мая, которая решила вопрос о том, где найден «камень с надписью». Поскольку «камень» затем оказался во дворе С. Назаренко, я ожидал описания могилы с уссурийской черепахой, на спине которой изображены «полосы», т. е. ромбы. Как же я удивился, когда прочитал: «...найден в дальнем кладбище, близ дальней крепости; на кладбище, что на окраине, могила там разрыта...». Это значило, что Кафаров обнаружил плиту с древним текстом около «стана чжурчженей», рядом с которым располагалась хабаровская черепаха!

А как же плита с надписью у черепахи Лопатина? Видел ли он ее?

Из следующей записи следует, что исследователь, обрадованный находкой, пытается найти на других курганах новые надписи, внимательно изучает разбросанные на них камни, на которых могли оказаться письмена. Но тщетно: «Ездил свидетельствовать памятники, перевертывая заголовки, читал на обоих кладбищах с десятью крестьянами, вооруженными кольями — и ничего не нашел».

В районе Никольска только два памятника с черепахами и только два «заголовка», т. е. навершия. Если около хабаровской черепахи он оказался, по утверждению Кафарова, с надписью, то «ничего не нашлось» около уссурийской черепахи, хотя «заголовок» там тоже перевертывали. Отсюда можно сделать только один вывод, что обнаруженный через 15 лет после открытия Кафаровым «заголовка с надписью» камень у ледника Назаренко исследователи ошибочно отнесли к уссурийской черепахе, в то время как он принадлежит хабаровской!

На первый взгляд такой вывод исключен. К какой бы из работ, касающихся «камня с надписью», ни обратить-

ся, во всех непреложной истиной является принадлежность открытого в 1885 г. во дворе Назаренко навершия к уссурийской черепахе.

После описания уссурийской черепахи в совместной статье Ф. Ф. Буссе и Л. А. Кропоткина сообщается, что «верхняя часть памятника находится в музее Общества изучения Амурского края, на нем есть надпись». То же самое без подробных комментариев повторяет А. З. Федоров: «дракон несколько разрушен и находится в музее Общества изучения Амурского края в г. Владивостоке. На нем есть надпись...». Н. Н. Забелина, пытавшаяся на основании архивных материалов разобраться в расположении памятников в окрестностях Уссурийска, приходит к тому же выводу. Даже В. К. Арсеньев, тогда директор Хабаровского музея, в одной из работ, переходя к описанию черепахи, оставшейся в Уссурийске, писал: «На орнаменте, укрепленном на спине этой черепахи, сделана надпись», не допуская и мысли о том, что навершие принадлежит черепахе его музея!

Вывод об ошибке в определении принадлежности навершия с надписью из Владивостока уссурийской черепахе показался мне настолько неожиданным и так резко противоречил общепризнанной точке зрения, что, несмотря на уверенность в правильности вывода, я решил все же подкрепить его новыми бесспорными документальными данными. Самое простое в такой ситуации, думал я, доказать, что навершие с надписью, которое хранится во Владивостоке, и уссурийская черепаха — это два памятника, ошибочно совмещенные в один.

Я вновь вернулся к изучению выписок из архивных материалов Лопатина. Первая находка — он ничего не упоминает о надписи ни на плите уссурийской черепахи, ни на ее навершии.

Но, могут возразить, на навершии он не заметил

надписи. Даже если допустить такое невероятное предположение (Лопатин специально искал надписи и тоже переворачивал камни), то все равно имеется возможность доказать, что навершие из Владивостока не имеет отношения к черепахе Лопатина.

В его бумагах, к счастью, сохранился великолепный рисунок навершия с детальным изображением извивающихся драконов. Теперь мне достаточно извлечь из портфеля фото «камня с надписью» из Владивостока, сравнить с рисунком Лопатина из архива Института археологии, и проблема решалась окончательно и бесповоротно.

Первое, что сразу бросилось в глаза при сравнении, заключалось в резком различии конфигурации участков камня в середине навершия, не заполненного змеевидным телом дракона, так называемого «щита» (на «щите» делалась надпись с именем и титулами погребенного). «Щит» на рисунке Лопатина — правильной прямоугольной формы, а щиты владивостокского навершия с надписью — пятиугольные. Резко различались также детали скульптурных изображений драконов. У навершия с надписью голова дракона расположена внизу, в то время как у навершия стелы Лопатина она находится над «щитом», вверху. У первого дракона над «щитом» ясно видна мощная, согнутая лапа с широко расставленными крючковатыми пальцами. У второго дракона, судя по рисунку, такой лапы нет.

У навершия с надписью кольца свернувшегося тела дракона, пальцы второй лапы и голова с развевающимися клоками волос заполняют весь участок плоскости камня справа от «щита», не оставляя ни одного сантиметра пустого пространства. У навершия стелы И. А. Лопатина как слева, так и справа от «щита» очертания частей тел драконов отличны от очертаний драконов навершия с надписью. Кольца тела драконов

оставляют свободными более половины площади навершия. Имелись и другие отличия.

Палладий Кафаров являлся, таким образом, не только первым исследователем, упомянувшим о хабаровской черепахе, но и первооткрывателем «камня с надписью» из музея Владивостока. Он же точно указал местонахождение навершия, из которого следовал вывод о принадлежности его хабаровской черепахе.

Этот камень с древней надписью, от которого я с таким упорством уходил в сторону, введенный в заблуждение моими предшественниками, с неменьшим постоянством вновь возвращался ко мне, как бы предлагая свои услуги при решении загадки молчаливой черепахи из Хабаровска!

Я облегченно вздохнул — свалилась с плеч гора неопределенности. Ключ к разгадке находился в моих руках.

Но не только это неожиданное открытие подарил дневник. Прочитывая много раз одни и те же страницы, сравнивая отдельные интересные факты в том и другом варианте дневника, я однажды обратил внимание на те места, где описывались каменные скульптуры людей и животных. Где, по мнению Кафарова, они располагались?

Он много раз возвращался к описанию их, но только в одном месте, на которое я сначала не обратил внимания, оказался ответ на вопрос. В черновом варианте дневника в записи от 11 июля имеются исключительно важные детали, уточняющие местоположение статуй относительно других могильных комплексов Уссурийска: «Могила, с которой они (изваяния.— **В. Л.**) сняты, на запад от первого вала, также на береговой окраине разливов Суйфуна; там (т. е. около могилы.— **В. Л.**) есть и черепаха для памятника и памятник без надписи. Могила уже давно посещаема и разрыта».

Как же так? Ведь «первый вал» — это крепость Фурдань, расположенная рядом с деревней! Могила, находящаяся «на запад от первого вала»,— это комплекс с хабаровской черепахой, у которой «памятник» (т. е. стела) без надписи? В этом нет сомнения, так как «на береговой окраине разливов Суйфуна» располагалась только хабаровская черепаха! Значит, каменные изваяния также относятся к ней?

Но это уже совсем невероятно!

С не меньшим постоянством, чем приписывание навершия хабаровской черепахи уссурийской, те же упомянутые выше авторы помещали изваяния людей, баранов и львов на курганах, расположенных к северу от последней. Вот что писали о них Буссе и Кропоткин: «От кладбищенской церкви прямо на запад идет древняя дорога. Примерно в 150 саженях от ее пересечения с трактом на с. Михайловское к западу и от этой точки примерно в 100 саженях к югу находятся два кургана. Южный курган значительно менее северного. На северном кургане заметна неглубокая яма. По свидетельству старожилов на этом кургане и находились первоначально каменные фигуры: два барана, две собаки, два человека и медведь». На чертеже, приложенном к статье, курганы располагались авторами к северу от уссурийской черепахи и далеко в стороне от хабаровской!

То же повторяет Федоров. После описания черепахи во дворе мельницы Линдгольма (хабаровской) он пишет: «Кроме этих курганов еще есть несколько в северной части города. На некоторых из них стояли гранитные изваяния каких-то животных и людей в платьях монахов». На его карте древностей Уссурийска местонахождение скульптур отмечено далеко в стороне от места, где стояла хабаровская черепаха, и к северу от уссурийской черепахи.

Там же их помещает на своей карте Забелина. Она ссылается при этом на Лопатина.

Если все единодушны, то ошибается Кафаров? Возможно, он пользовался недостаточно проверенными сведениями? Возвращаюсь к предшествующим страницам дневника, и это предположение тут же рушится — он пользовался сведениями человека, который сам перевез статуи с могилы! Их доставил в ближайшую к деревне крепость (Фурдань) и установил в северо-восточном углу ее перед деревянным зданием казармы «никольский любитель старины» командир роты И. П. Контовт. «Перед казармой поставлены четыре гранитные обветрившиеся статуи, привезенные сюда Контовтом с поля»,— пишет в дневнике Кафаров.

Но не другие ли это статуи? Ведь у Лопатина они упоминаются вместе с каменными баранами! Однако несколько ниже, на той же странице дневника, Кафаров, как бы предугадывая возможный ход мыслей читателя, замечает: «Четыре статуи, как видно по двум каменным баранам при них, находились на могиле». В чистовом варианте дневника он также упоминает изваяние баранов вместе со статуями людей, стоявшими перед казармой: «Перед казармой поставлены четыре статуи и при них 2 изображения барана, равно из гранита, теперь значительно обветрившиеся». В записи от 24—29 июня они вновь упоминаются вместе: «Не менее интересны в историческом отношении каменные изваяния, найденные на одном древнем кладбище и раз уже упомянутые мною... несмотря на обветрившийся гранит, из которого они высечены, и грубую отделку, легко распознать фигуры и одеяния их... Два каменных барана из того же материала...»

Нет, Кафаров не ошибся! Несомненно, «прямоугольник» с двумя курганами и каменными скульптурами Лопатина и «могильник на окраине береговых разливов

Суйфуна» Кафарова являются одним и тем же археологическим памятником. Просто Лопатин по каким-то неясным причинам не счел нужным упомянуть при описании «прямоугольника» черепаху (возможно, ее завалил снег), а Кафаров упомянул черепаху и навершие, но не мог видеть скульптур, которые к его приезду в Никольское Контовт вывез с могилы.

Немаловажную роль в обстоятельствах, окончательно запутавших дело, сыграла также неправильная ориентировка Лопатиным «прямоугольника» со скульптурами относительно древних крепостей. Он находился не к северу от ближайшей к Никольскому крепости (т. е. от Фурдани), что стали повторять вслед за ним последующие исследователи, а к северо-западу от нее, рядом со второй крепостью, «станом чжурчженей», где как раз и стояла хабаровская черепаха.

Таким образом, если Кафаров является первооткрывателем «заголовка памятника» и черепахи, которая теперь стоит перед музеем в Хабаровске, то Лопатин — первооткрыватель второго, немаловажного комплекса: скульптур, относящихся к той же «могиле богатого человека»! Невероятно, но то и другое находилось первоначально в одном месте.

Одинокая черепаха Хабаровска неожиданно стала «богатой». Ей, оказывается, принадлежало самое ценное — «камень с надписью» и кроме того аллея каменных изваяний. Совместив планы Кафарова и Лопатина, можно теперь получить приблизительный план всего могильного комплекса с черепахой.

Но прежде чем сделать это, я решил еще раз убедиться, что Лопатин и Буссе пишут об одних и тех же скульптурах людей и животных. Нельзя ли иначе объяснить противоречия между утверждениями Кафарова и Буссе? Например, последний пишет о других

скульптурах, которые не видел ни Лопатин, ни Кафаров?

Разгадка этих противоречий лежит, очевидно, в злоключениях, которые претерпели позже каменные изваяния, прежде чем они оказались во дворе Владивостокского музея. Все препятствовало правильному решению вопроса: и то, что материалы описаний, чертежи и рисунки древностей Никольска, сделанные впервые Лопатиным, оказались мертвым капиталом в архивных фондах Археологической комиссии в Петербурге; и то, что Буссе слишком бегло осмотрел изваяния при первом посещении села в 1866 г., а затем, по-видимому, не узнал их; и, наконец, путаные рассказы крестьян, которые через двадцать лет забыли, где располагались скульптуры.

Можно ли проследить их путь с момента, когда они стояли перед казармой солдат Контовта, и вплоть до отправки во Владивосток? В архиве Общества изучения Амурского края бумаг, которые помогли бы ответить на этот вопрос, не оказалось. В отчетах Общества и в путеводителе музея также не сохранились подобные сведения.

А что, если древностями интересовалась местная пресса? Не исключено, что такие яркие находки, как камень с надписью, черепаха и скульптуры около гробницы, волновали местную интеллигенцию и прежде всего кружок лиц, связанный с организацией музея. Привлекая внимание публики и «отцов города» к всестороннему научному исследованию края, они, возможно, давали беглые информации об открытиях в Никольске?

Но что же гадать? Надо немедля проверить такую возможность в газетном зале Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это удивительное по полноте и обилию хранилище сокро-

вищ, начиная с первых русских газет времени Петра I.

Прежде всего надо посмотреть газеты, которые выходили в административном центре Южно-Уссурийского края — Владивостоке, думал я, направляясь к выходу из здания Географического общества. С правой стороны лестницы на стене портреты выдающихся русских путешественников — Миклухо-Маклая, Пржевальского, Козлова, Семенова-Тяньшанского... Они встречают и провожают каждого, кто входит в здание, с которым связаны самые блестящие страницы русской географической науки.

Глава IV

ПО СЛЕДАМ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ

Самые большие „книги" библиотеки. 1883 — год рождения газеты „Владивосток". Как открыли „камень с письменами". Любитель монументальной скульптуры из Никольска. „Варварство артиллерии". Каменная гробница. Боевой конь и оружие вождя. „Кстати, исправляем неточность..." Новая находка дневника Палладия.

Газетный зал библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, расположенный на первом этаже громадного здания, встретил меня характерным шелестом газетных

страниц, сливающимся в ломкий и жесткий шорох. Длинный, узкий прямоугольник зала тесно заставлен небольшими столиками. Они своеобразной конструкции: левую часть их занимает настольная лампа на гибком шарнире, а правая, с помощью специального устройства, приподнимается вверх и устанавливается в наклонном положении. Так удобней пользоваться газетой: ее не нужно держать в руках, тем более, что руки заняты — работающие за столами временами отрываются от газет и делают на листочках выписки.

Ежегодные комплекты газет переплетаются в громоздкие, занимающие две трети стола тома с толстыми картонными обложками. Некоторые из них весят, очевидно, десятки килограммов. Эти тяжелые и массивные фолианты доставляются с полок хранилищ на специальных тележках с небольшими, на резиновом ходу колесиками, бесшумно скользящими по паркетному полу читального зала.

Вот сотрудница подкатила к стойке очередную тележку с какой-то газетой. Подшивки складывают перед заказчиком, а он их по мере надобности переносит на столик. Каждый листок газеты — дневник событий страны, области, партии, города, представляющий собой материал для историка, экономиста, бытописателя...

— Пожалуйста, давайте ваши заявки!

Это обращение ко мне. Девушка, сортирующая небольшие листочки заявок в открытом картонном ящичке, оторвалась от работы и нетерпеливо посмотрела на меня.

— Дело в том, что я не знаю название газеты, которую хотел бы посмотреть,— сказал я и бросил взгляд на обычный библиотечный каталог с выдвинутыми ящичками.— В каталоге не оказалось того, что требуется... Видите ли, я хочу получить самую старую газету Владивостока. Меня особенно интересует середина восьмиде-

сятых годов прошлого века. Я даже не уверен, что в то время в городе выходила газета...

— Одну минутку. Сейчас проверим!

Девушка сняла с полки несколько томиков указателей газетных изданий, посмотрела оглавление одного из них, очевидно, сразу нашла то, что требовалось:

— В восьмидесятые годы во Владивостоке выходила всего одна газета — «Владивосток».

— Это замечательно! Спасибо! А 84—86-е годы есть? — спросил я.

Она еще раз взглянула в справочник и сказала:

— Газета начала выходить в 1883 году.

Я принялся заполнять заявку.

Через некоторое время из дверей основного хранилища девушка вынесла два тома. Размерами они не превосходили обычную книгу большого формата. Переплеты у томов желтые, а на корешках старинным шрифтом оттиснуты золотом слова: «Газета «Владивосток». Получив блестящий металлический жетон ромбической формы с номером столика, за которым я должен расположиться с газетами, усаживаюсь за него и начинаю поиски среди сотен пожелтевших от времени страниц.

В каком разделе могут оказаться рассказы о древностях — будут ли это специальные заметки с отдельными заголовками или краткие сообщения корреспондентов с мест в обширном разделе «Хроника»?

Чего только не печаталось в старой газете почти вековой давности: и так называемые «официальные сообщения» телеграфа о событиях в Центральной России, и хроника международной жизни, и рассказы о жизни в крае, об урожае и наводнениях, об убийствах, ограблениях и судебных тяжбах. Рассуждения о направлении развития экономики и хозяйства края перемежались с объявлениями о благотворительных вечерах, театральными рецензиями, рассказами и стихами...

Просмотрен первый том. Найдены интересные заметки, связанные с историей организации Общества изучения Амурского края, но ни строчки о древностях. И вдруг где-то в конце подшивки за 1885 год в разделе «Внутренние известия» мне бросилась в глаза корреспонденция из Никольска. В ней несколько раз мелькнула знакомая фамилия — «Михайловский»! В. Ф. Михайловский — один из ближайших сотрудников Буссе. Нет ли в сообщении сведений о черепахах или других памятниках?

Так и есть! В заметке рассказывалось об обстоятельствах открытия навершия с древним текстом, принадлежащего, как я теперь был твердо уверен, хабаровской черепахе.

Я пробегал строчка за строчкой краткую информацию, досадуя на ее немногословие. Вот он, первый живой отклик корреспондента из Никольска:

«...Благодаря любознательности переводчика В. Михайловского, мы имеем археологическую редкость. Давненько мы видели на холме в 2 верстах от Никольского массивное каменное изображение черепахи. Понимали, что это памятник, но какой, по отсутствию многих принадлежностей его, сказать было нельзя. Ныне г. Михайловский разыскал самую важную часть этого памятника. Это каменная плита длиной около полутора аршин, шириной в один и толщиной в пол-аршина с изображением по бокам драконов. Одна сторона плиты покрыта 20 старинными письменными знаками, хотя сильно избитыми и пострадавшими от времени, но которые, по мнению г. Михайловского, возможно разобрать. Он работает над разборкой, сочетанием и переводом этих знаков и, вероятно, поделится с нами добытыми результатами».

На первый взгляд кажется, ничего нового не добавлялось к тому, что известно о навершии.

Но это не так. Прежде всего, уточнялась дата открытия «камня с надписью». Его нашли не в 1887 г., как можно было понять из письма Буссе в Археологическую комиссию, а в 1885 г. Теперь можно было установить даже месяц, когда сделали находку. Корреспонденция датировалась 3 ноября 1885 г. Следовательно, камень нашли или в конце октября или в начале ноября.

Вторым, значительно более важным обстоятельством являлся вывод о первооткрывателе утерянного после посещения Никольского Кафаровым «камня с надписью». Его нашел не Буссе, а один из его помощников — Михайловский. И, наконец, третье,— вскрываются истоки путаницы, приведшей к тому, что обломок навершия с древними знаками от хабаровской черепахи стал приписываться уссурийской. Вот как это произошло.

Вопрос о том, кому из двух известных в окрестностях памятников с черепахами принадлежал обломок навершия с надписью, немедленно возник перед Михайловским. Сразу же после открытия камня он, очевидно, сделал попытку связать его с черепахами, стоящими на курганах вблизи села Никольского. Слова корреспондента о связи навершия с черепахой, стоящей на холме «в 2 верстах от Никольского», отражают, очевидно, мнение Михайловского.

Перелистав последние страницы газеты за 1885 год. я обнаружил еще две заметки, связанные с древними могильными памятниками Никольского. Сообщение о важной находке, вероятно, настолько заинтересовало читающую публику, что корреспондент, возможно по просьбе издателя газеты, еще и еще раз возвращается к той же теме. В разделе «Хроника» от 15 декабря вновь упоминается черепаха в 2 верстах от села: «Теперь там раскинуто село Никольское, близ которого в 2 верстах и находилось на холме каменное изображение

черепахи и плита» (имеется в виду навершие с надписью). Значит, Михайловский правильно отнес навершие к черепахе, которая находилась на холме во дворе мельницы Линдгольма, а путаница произошла впоследствии? Ведь именно хабаровская черепаха располагалась в 2 верстах от Никольского.

Однако такой вывод неверен. В заключительной части того же сообщения автор, описав черепаху и плиту с надписью, особо отмечает, что, кроме того, «на мельнице г. Линдгольма в том же селе находится другая плита, на которой не осталось и следов бывшей надписи». Ясно, что он описывает плиту, стоявшую на спине хабаровской черепахи.

Не столь важно, что корреспондент не уловил разницы между «плитой» и «навершием», составной частью стелы. Ведь «плита» — это плоский высокий камень, стела, которая укреплялась на спине черепахи. На ней выбивался текст биографии погребенного. А навершие — это камень с извивающимися драконами, который располагался на плите (стеле). На навершии вырезались титулы умершего и его имя. Но для меня не оставалось сомнения в главном: найденный Михайловским обломок навершия связывается корреспондентом газеты, очевидно с его слов, не с черепахой, которую затем перевозят в Хабаровск, а с памятником, впервые подробно описанным Лопатиным (т. е. с уссурийской черепахой). Что дело обстояло именно так, подтверждает краткое сообщение в разделе «Хроника» от 22 декабря 1885 года: «Нам сообщают, что черепаха, перевезенная в общественный сад села Никольского, находилась не в двух верстах, а всего в 200 саженях от Никольского».

Хоть черепаха и не в 2 верстах, но все же это именно та, к которой относят найденный камень с надписью? Да, потому что далее корреспондент пишет: «Другая черепаха, несколько меньших размеров, находится в рас-

стоянии около 2 верст от Никольского, на мельнице г. Линдгольма»!

Круг замкнулся — противоречия и часто неясные сообщения корреспондентов газет отражают колебания и неуверенность первых исследователей навершия с надписью — Михайловского и Буссе. Вот почему последний, описывая навершие, не мог «достоверно сказать», к какой из черепах оно относится.

Перевернута последняя страница последнего номера газеты «Владивосток» за 1885 год. Заказывать новые тома нет смысла, стрелка часов приближается к одиннадцати часам вечера. Как быстро бежит время! За столиками в зале горит только несколько ламп, остальные потушены. Наверное, у тех, кто продолжает шелестеть газетными листами, как и у меня, свои заботы и тревоги, находки и разочарования.

На следующий день я явился в газетный зал библиотеки к моменту его открытия и заказал очередной том газеты «Владивосток» за 1886 год. Месяц за месяцем мелькали листки, и вот, наконец, в одном из апрельских, а затем июньских номеров в том же счастливом для меня разделе «Хроника» оказалось то, ради чего я первоначально направился в библиотеку.

В первой заметке от 13 апреля сообщалось, что каменные изваяния людей простояли перед казармой до 1882 года. Затем они неожиданно исчезли. По рассказам жителей Никольского, сообщал корреспондент, перед самым исчезновением скульптуры стояли около канцелярии третьего стрелкового батальона. Офицер этого батальона, некий Квитницкий, «хотел поставить их, как украшение, около своего дома». Однако, как выяснилось позже, желание использовать статуи для личных нужд появилось не только у Квитницкого, потому что «в одно

прекрасное время статуи эти пропадают». Но очередного таинственного «любителя старины», судя по всему, волновали отнюдь не тщеславные мечты украсить памятниками древности парадный подъезд дома. Каменные изваяния «несмотря на поиски, нигде не находятся»!

Никого так не взволновала и не огорчила внезапная пропажа статуй, как тщеславного Квитницкого. Забросив на время свои служебные дела, он, к удивлению своих коллег, принимается за усиленные поиски статуй. На ноги ставятся все, кто хоть что-нибудь мог рассказать в статуях. «Расследования» Квитницкого закончились тем, что он публично обвинил в «краже статуй» прапорщика Шарапова и даже потребовал привлечения его к суду. В Никольскую судебную палату посыпались письма, в которых утверждалось, что Шарапов «забрал статуи и, разбив их, положил в фундамент своего дома».

Характерно при этом, что Квитницкий уже не надеялся получить каменные изваяния. В самом деле — какой прок от расколотых и обезглавленных статуй! Не о таком украшении для парадного въезда в дом мечтал офицер Квитницкий. Поэтому он требует компенсации, и письма его в суд и другие учреждения заканчиваются одним суровым и непреклонным требованием: «взамен статуй... заставить указанного прапорщика перевезти к его (Квитницкого.— **В. Л.**) дому черепаху весом около 700 пудов»!

Что и говорить — Квитницкий придумал тяжкое наказание. Попробуй передвинуть на сотни метров каменную громаду черепахи! Зато в случае, если бы Шарапов согласился выполнить требование Квитницкого, дом последнего стал бы самым приметным из офицерских квартир батальона. Ради этого стоило несколько лет вести судебную тяжбу. Однако Шарапов оказался не менее упрямым и упорно отрицал вину в уничтожении статуй.

Словесная и письменная перепалка, все более иака-

ляясь, тянулась вплоть до начала 1886 года и стала притчей во языцех. Слухи о споре двух офицеров достигли, наконец, Владивостока, и, поскольку он касался древностей, им заинтересовались члены Общества изучения Амурского края Буссе и Михайловский. В их руки попадает часть переписки Квитницкого. Возможность с его помощью найти утерянные древности настолько заинтересовала Буссе, что при поездке Михайловского в Никольское он поручает ему получить недостающую часть переписки дела о каменных изваяниях. Это происходит, очевидно, как раз в то время, когда тому посчастливилось обнаружить у входа в ледник крестьянина Спиридона Назаренко обломок навершия с надписью.

В письме последнего Буссе от 28 ноября 1885 г. сообщается о попытке с помощью Квитницкого разобраться, где могут находиться статуи, и спасти их: «...от г. Квитницкого,— писал Михайловский,— переписки относительно каменных изваяний, увезенных прапорщиком Шараповым, еще не получил. Самого Квитницкого до сих пор не могу поймать. Хотел ему писать, но решил видеть его лично и пробелы переписки пополнить из его рассказов».

Но поиски Михайловского оказались безрезультатными. Каменные изваяния как сквозь землю провалились!

Кто знает, чем бы кончились споры Квитницкого с Шараповым и поиски Михайловского, не случись совершенно непредвиденное. Военному ведомству зачем-то потребовалось разобрать деревянное здание, в котором располагались служащие артиллерийской части. И вот в апреле месяце, при выемке груды камней в фундаменте «балкона» (очевидно, веранды) здания, строители с удивлением обнаружили «четыре гранитных камня, составляющие именно те статуи (хотя и разбитые), в напрасных поисках за которыми прошло четыре года»,— писал с возмущением корреспондент «Владивостока».

После рассуждений о варварстве и бескультурье никольского общества он сообщил о реставрации статуй и установке их 5 июня 1886 г. в общественном саду села, где в то время уже находилась уссурийская черепаха и обломок навершия с надписью.

В фундаменте здания деревянной казармы нашли только обломки двух скульптур людей. А где же другие две скульптуры, а также изваяния львов и баранов? Какова их судьба?

Поиски на страницах газеты «Владивосток» не дали результатов. Возможно, к началу восьмидесятых годов они не стояли перед казармами. Не исключено, что скульптуры людей употребили в качестве камней для фундамента при строительстве не только деревянного, но и кирпичного здания казармы для артиллерии. Недаром в период поисков исчезнувших изваяний, согласно другому сообщению газеты «Владивосток», «в народе ходила молва, что «инженерство» забрало статуи и употребило в фундамент кирпичной казармы, что для артиллерии. Такого же убеждения держались и люди интеллигентные»,— многозначительно добавляет корреспондент, завершая рассказ о судьбе никольских древностей.

По другим сведениям, в девяностые годы старожилы Никольска рассказывали А. В. Суханову, что «изваяния овец или собак» находятся в фундаменте дома Шарапова, который затем перешел во владение купца Пьянкова.

Последнее сообщение газеты 1885 г. касалось планов на будущий год. Оказывается, Буссе планировал продолжить раскопки кургана, на котором стояла уссурийская черепаха! Поскольку в архиве Института археологии сохранился только один отчет Буссе о раскопках под черепахой в 1885 г., я заинтересовался сообщением корреспондента «Владивостока»: «Мы узнали из вполне достоверного источника, что весной 1886 г. предпола-

гается произвести дальнейшую раскопку того холма, на котором стояла каменная черепаха близ с. Никольского. Для этих раскопок купцами В. П. Бабищевым и К. А. Школьниковым пожертвовано по 100 рублей каждым. Приветствуя это отрадное явление, думаем, что и еще найдутся желающие принести лепту на такое полезное дело».

Согласно последней работе Буссе, изданной совместно с Кропоткиным, под уссурийской черепахой нашли каменную гробницу. Однако никаких подробностей относительно обстоятельств открытия гробницы они в опубликованных статьях не сообщали. Не окажутся ли дополнительные сведения в газете?

Однако просмотр ее номеров за 1886 год показал, что намеченное продолжение раскопок холма с черепахой по неизвестным причинам не состоялось. Вместо этого Ф. Ф. Буссе направляется с Г. Д. Марковым в долину реки Сучана, где раскапывает два могильных кургана.

В следующем, 1887 году, пользуясь длительной поездкой с целью обследования русских переселенцев в верховьях Уссури, Буссе проводит особенно широкие разведывательные работы по выявлению древних памятников, начиная от села Никольского и кончая долиной реки Улахэ. Несмотря на интересные сведения, полученные им в итоге этих работ, я не добавил почти ничего нового к известным фактам, касающимся могильных памятников с черепахами. К тому же, с конца 1887 года со страниц газеты исчезают сообщения об археологических работах Общества изучения Амурского края.

Как выяснилось в результате дальнейшего просмотра газет, они прекратились не случайно. Дело в том, что Буссе не только с большим увлечением и энтузиазмом проводил археологические раскопки и разведки, но также считал долгом после каждой из экспедиций рассказать в публичных лекциях о достигнутых результа-

тах. Лекции эти, живые и яркие, привлекали большое количество слушателей.

В работах по археологии он продолжил замечательную традицию методов исследований, которые применял его предшественник Палладий Кафаров. При характеристике памятников древности в Приморье и анализе исторических периодов Буссе широко использовал данные письменных источников, летописные материалы. Работы эти становятся известными в других центрах Сибири, где в широких масштабах велось изучение древней истории азиатской части России. Недаром в 1888 году Общество получает письмо от Н. М. Мартьянова, организатора знаменитого теперь и старейшего в Сибири Минусинского музея. В письме он предлагает установить более тесные связи с Минусинским краем, с тем чтобы «сравнить археологические находки в удаленных друг от друга частях Сибири». Письма приходят также от графини Уваровой, супруги одного из зачинателей русской археологии.

К сожалению, усилия Буссе не всегда встречали дружескую поддержку и сочувствие как со стороны администрации края, так и определенных кругов интеллигенции. К его работе, судя по заметкам во «Владивостоке», стали со временем предъявлять слишком высокие требования, забывая, что председатель Общества не является ни профессиональным археологом, ни специалистом-востоковедом, а работа по изучению древностей Приморья не главная и единственная его обязанность. Он занимался ею урывками, в свободное от служебных дел время или попутно при разъездах, связанных с переселенческими вопросами. В газетах появляются тенденциозные статьи о его якобы «научной... несостоятельности».

Стало ясно, что Буссе, человек резкий и прямой, кому-то не угодил. Он в ответ поступил так, как сделал

бы любой уважающий себя человек в подобной ситуации — заявил о своем уходе с поста председателя Общества.

Это было уже слишком! На такой исход «кампании», очевидно, не рассчитывали ее организаторы. И вот в газете «Владивосток» от 14 августа 1888 года появляется большая статья Виктора Панова, представляющая собой ответ на развязные и безответственные заметки из «Восточного обозрения». Но помощь пришла слишком поздно. Буссе решительно отказывается от поста председателя. Он хочет дать простор «новому направлению» После отставки он уезжает в Петербург, и со страниц газеты «Владивосток» надолго исчезают заметки об исследованиях большого энтузиаста и любителя старины.

«Новое направление» вообще, очевидно, решило отказаться от археологических исследований, потому что передо мной росла пачка просмотренных комплектов газеты «Владивосток», а ни на одной из ее страниц не появлялось ни строчки о древностях края. 1889, 1890, 1891, 1892 годы — ничего! Я уже начал терять терпение. Страницы газет просматривал бегло и даже, временами, небрежно. Ушел из общества Буссе, и остались беспризорными любимые памятники...

Но вдруг, что это? 1893 год — в разделе «Хроника» снова мелькнула дорогая мне фамилия, с которой связаны все дела по исследованиям и розыскам каменных изваяний с могильников Никольского,— Буссе! Рядом с ним упомянута вторая фамилия не менее известного деятеля Общества изучения Амурского края — Маргаритова. Он также проводил в Приморье раскопки древних поселений.

Сообщение корреспондента занимало всего несколько строчек, но как они обрадовали меня! В них сообщалось о новой экспедиции Буссе: «20 июня 1893 г. Комиссия Общества изучения Амурского края, состоящая

из Буссе и Маргаритова, 8 июня выехала для производства археологических исследований». Значит, Буссе снова вернулся к любимой работе.

Если газета сообщала о выезде исследователей в июне, она должна в дальнейшем информировать читателей о результатах экспедиции. Снова начались поиски среди сотен заметок и статей.

Теперь я не спешу. Каждая страница газеты просматривается несколько раз. Но «проходит» июль — никаких сообщений о работе археологов! Вот и от августа осталось всего несколько страниц, и, наконец, в номере от 29 августа в разделе «Хроника» отыскиваю сообщение корреспондента из Никольского о каменных изваяниях. Но это не сообщение о работах экспедиции, а грустный рассказ о заброшенности древних памятников: «...заглянули в Общественный сад, расположенный в центре села. Но это скорее не сад, а выгон для скота начальника округа — там спокойно паслись жеребята, коровы и телушки г. начальника округа. Благо он расположен перед его окнами, огорожен, и скот можно пускать без пастуха. В этом саду находятся археологические древности: каменная черепаха и две человеческие фигуры без голов; от второй черепахи — груда камней. Признаться, мы не без страха вступили в этот заколдованный сад и поминутно ждали, что вот появится полисмен и спросит, что нам нужно...».

Из корреспонденции меня больше всего заинтересовало то, что в ней впервые среди газетных сообщений о древностях Общественного сада упоминалась вторая, хабаровская черепаха. Значит, в августе 1893 г. черепаху перевезли с мельницы? Кто мог сделать это кроме Буссе и Маргаритова? Если черепаху действительно перевезли они, то, вероятно, могильный курган во дворе мельницы раскапывался ими же. Но почему такой важный факт прошел мимо корреспондента из Никольско-

го? Или под черепахой не найдено ничего, достойного внимания? — думал я, продолжая просмотр газеты.

И вот в 43-м номере газеты за 24 октября (какие раскопки можно вести в такое позднее время!) на шестой странице вновь неожиданно мелькнула фамилия Буссе. Ради этой краткой заметки стоило тратить несколько дней работы: в ней сообщалось о раскопках могильного кургана во дворе мельницы Линдгольма! Самое поразительное заключалось в том, что оказалось в кургане: «Никольское, 15 октября. Ф. Ф. Буссе раскапывает курган, древнюю могилу иа мельнице Линдгольма и достиг блестящих результатов, выкопав каменную гробницу, заделанную железными болтами и сделанную весьма искусно... Раскопки эти сильно интересуют всю нашу интеллигенцию, всем желательно угадать по ним 400-летнюю старину. Начальник округа бывает на раскопках и сказывает большое содействие в них».

Снова я испытывал радость находки. В Никольском за все время исследований нашли только одну каменную гробницу. Согласно указателю, составленному Кропоткиным, она найдена под уссурийской черепахой. Но если верить сообщению из Никольского, сделанному по горячим следам раскопок, гробницу нашли под хабаровской черепахой!

Почему, собственно, нельзя верить этой корреспонденции? Раскопки кургана с уссурийской черепахой велись в 1885 году, и если бы их действительно продолжали весной 1886 г., то о такой яркой находке, как каменная гробница, «Владивосток» сообщил бы обязательно...

Удивительио счастливая эта черепаха! Сначала она казалась самой сиротливой, заброшенной и непонятной, а затем — камень с надписью оказался принадлежащим ей, каменные изваяния чиновников и животных тоже и, наконец, совсем иепредвидеииое — гробница также стоя-

ла под ней! Как хорошо, что для изучения выбрана была именно хабаровская черепаха. Поиски составных частей могильного комплекса помогли распутать цепь досадных ошибок и заблуждений.

Впрочем, стоит ли спешить с такими выводами? Нужно постараться как-то проверить сообщение никольского корреспондента.

Но как? Раздумывая над этим, я несколько раз перечитал заметку об открытии гробницы. А начальник округа каков: хоть он и пускает своих телушек в общественный сад, где стоят древние памятники, но сам бывает на раскопках и оказывает содействие в них! Почему 400-летняя старина «угадывается» по гробнице? Вероятно, Буссе датировал памятник концом XV века?..

Но, в конце концов, это несущественные детали. В моих руках обломок навершия с надписью, анализ которой даст ответ на все вопросы. Правда, может быть, в гробнице оказались вещи, которые позволяют делать такие предположения? Но о находках в гробнице в заметке ничего не сказано. Неужели в ней ничего не найдено?

Рассеянно перелистываю остаток подшивки газеты за 1893 г. Никаких новых сообщений о результатах раскопок могильного кургана на мельнице нет. И только в хроникальных сообщениях от 11 и 19 декабря сообщалось о докладе Буссе в здании музея, в котором он подвел итоги летним раскопкам.

Заметки чересчур кратки, чтобы по ним узнать что-либо новое. В первой из них сообщалось о докладе 11 декабря. Буссе в этот день рассказывал о раскопках в окрестностях села Никольского, в том числе на мельнице Линдгольма. На столе перед докладчиком «для наглядности» лежало несколько десятков предметов, «добытых при раскопках». Он показывал слушателям кар-

ты, представляющие собой «наброски местностей древних поселений у Никольского».

Доклад занял столько времени, что его пришлось перенести на 17 декабря. В этот день Федор Федорович не говорил больше о Никольском. Он рассказывал о раскопках на реке Лефу, на Малом Мангугае, в бухте Кангоуз, в долине реки Сучана и около деревни Ивановки.

С каким удовольствием я прослушал хотя бы первую, самую интересную для меня часть доклада и посмотрел выставленные на столе вещи из раскопок! Но чудес не бывает, а текст доклада, так же как остальные бумаги, безвозвратно утерян...

Просмотрен очередной том. Самое интересное оказалось в последнем комплекте из выписанных на сегодня подшивок.

1893 год! Конечно, я теперь знаю, как проверить никольского корреспондента газеты «Владивосток». В этом году уже начала выходить газета «Дальний Восток» Виктора Панова. Вот у кого должны оказаться подробности о работах и открытиях Буссе летом и осенью 1893 года. Мимо его газеты не могла пройти новая археологическая находка, сделанная человеком, которого он с такой страстью защищал на страницах «Владивостока» в 1888 году. Разумеется, открытию гробницы, а также итоговым докладам Буссе в «Дальнем Востоке» должны быть посвящены заметки, а может быть, и статьи...

Завершив просмотр комплектов «Владивостока» за все годы, когда в газете могли, по моим расчетам, появиться сообщения о каменных изваяниях, я перешел к изучению «Дальнего Востока».

Небольшие и тонкие томики сменились тяжелыми фолиантами, едва умещающимися на столе. «Дальний Восток», ожесточенный, непримиримый соперник и кон-

курент старшему собрату «Владивостоку»,— газета значительно более яркая и своеобразная. На ее облик наложил отпечаток характер издателя Виктора Панова. Он сделал все, чтобы его газета казалась как можно менее провинциальной.

А как она отражала события, связанные с открытиями никольских древностей? Неужели В. А. Панов упустил удобный случай остановиться в связи с ними на проблемах древней истории края!

Выписав комплект газеты за 1893 год, я, потеряв терпение, не стал смотреть начало года. Экспедиция выехала, согласно хронике «Владивостока», 5 июня. С июня и начну.

Предчувствия не обманули меня. В 45-м номере газеты от 13 июня появилось первое сообщение об археологической экспедиции, а одно из последних, но самых желанных — в октябре.

Вот она, эта долгожданная заметка. Она помещена, как всегда, в разделе «Хроника» за 24 октября: «Нам сообщают, что член Общества изучения Амурского края Ф. Ф. Буссе производил раскопки под древним памятником черепахою, стоящем на кургане у мельницы г. Линдгольма в селе Никольском. В самом кургане найдены кости различных животных и, в том числе, кажется, лошади.

Под курганом открыт каменный склеп, и в нем обугленные (жженые) остатки. В настоящее время памятник положен на сани, чтобы зимним путем доставить его в Никольский общественный сад, где уже находится другая черепаха и несколько каменных изваяний».

Далее автор сообщения высказал пожелание перевезти все каменные изваяния во Владивосток, где «они будут уместнее и под лучшим присмотром». Осуществить перевоз изваяний можно по железной дороге. Ее открытие наметили на начало ноября.

Итак, сомнений нет. Гробница («каменный склеп») действительно найдена под черепахой, стоявшей во дворе мельницы. Корреспондент «Дальнего Востока» подтвердил сообщение газеты «Владивосток». Я знаю также новые детали раскопок. Кроме гробницы, в кургане оказалась захороненной лошадь, очевидно, боевой конь погребенного, а также какие-то другие кости животных. Есть находки и в гробнице. Но что это за обугленные остатки, оставалось неизвестным.

В одном из предшествующих сообщений о раскопках указывалось: «Всем работам экспедиции велся журнал». Представляю, сколько бесценных сведений содержал журнал раскопок гробницы во дворе мельницы! Но он тоже потерян...

Большой интерес представляло сообщение о намерении перевезти черепаху в Общественный сад. Значит, вопреки данным автора заметки во «Владивостоке» от 29 августа черепаха не находилась в саду по крайней мере до конца октября. Ее могли перевезти только после того, как выпал снег, т. е. в ноябре или декабре.

Осталось просмотреть, как откликнулся «Дальний Восток» на обширный доклад Буссе в здании музея. 12 декабря в разделе «Хроника» появилось несколько строчек, посвященных этому событию: «10 декабря в музее Ф. Ф. Буссе сообщил о раскопках в с. Никольском. Второе сообщение отнесено на пятницу 17 декабря». И это все! Даже «Владивосток» комментировал доклад, кратко пересказав его основные положения. Почему же такая сухость и немногословность у Панова?

Однако прошло еще несколько дней, и вот газета за 16 декабря, вышедшая накануне второй части доклада. На первой же странице ее мне сразу бросился в глаза заголовок — «Материалы к древней истории Амурского края». Быстро переворачиваю страницу. На развороте газеты вторая и третья страницы заняты все той

же статьей. Она подписана инициалами «В. П.», т. е. Виктор Панов!

Беглый просмотр статьи не оставил сомнения в том, что эта необычайно большая для газеты статья посвящена первой части доклада Буссе, в которой он рассказывал о раскопках в Никольском! Панов, очевидно, подробно пересказывал содержание доклада.

Скорее к рассказу о добытых материалах. Прежде всего надо найти описание раскопок во дворе мельницы...

Вот оно! К моему удовольствию, почти каждая строчка пересказа Пановым сообщения Буссе добавляла новое к известному ранее: «В кургане под черепахой во дворе мельницы г. Линдгольма при его раскопках нашли сперва кости свиньи, птиц и полный скелет лошади или мула с сохранившимися волосами (с очень большим черепом), ниже — кости собаки и, наконец, каменную гробницу, около 7,5 фута длины и 3,5 фута высоты (снаружи), прикрытую разбитою каменной крышкой!

Гробница была завалена землею (через разбитую крышку); из нее вынули кости и зубы человека со следами на них огня (труп, вероятно, сжигался), железные наконечники стрел и сохранившиеся зерна какого-то хлебного растения. Г. Буссе при этом высказал предположение, что могилу, вероятно, кто-то уже раскапывал, так как им, в числе других остатков, из кургана вынута также несомненно современная трубка с винтом и гайкою...»

Прекрасные данные! Это уже третье подтверждение того, что каменная гробница найдена не под уссурийской, а под хабаровской черепахой. Можно считать, что могильный комплекс теперь восстановлен полностью. Я могу даже представить обряд погребения! Кроме лошади, оказывается, захоронили кости свиньи. Это ста-

ринный обычай тунгусских племен Маньчжурии и Приамурья — хоронить вместе с умершим остатки свиньи. Он появляется около двух с половиной тысяч лет тому назад.

Хлебные зерна — тоже интересно. Если умершего князя похоронили в гробнице после сожжения на погребальном костре, то хотя грабители, судя по проломленной крышке, проникли в нее, они не нашли ожидаемых сокровищ в виде серебра и золота. Не исключено, что железные наконечники стрел — единственное, что сохранилось от пламени погребального костра!

А что пишет Панов о тексте навершия? Когда я прочитал рассказ о навершии, то понял, что он, как и все, относил «камень с надписью» не к черепахе с мельницы, а к уссурийской черепахе. Что это — заблуждение Буссе или ошибка автора «Материалов»?

В этом же номере газеты в разделе «Хроника» сообщалось о предстоящей второй части доклада: «Завтра, 17-го в 6 часов вечера в здании музея Ф. Ф. Буссе прочтет второе сообщение о раскопках». Состоялось второе сообщение — значит появится в газете вторая часть «Материалов к древней истории»?

Следующий, 98-й номер газеты от 19 декабря действительно содержал большую статью под тем же названием. Она занимала почти всю вторую страницу. Но я уже знал из хроники «Владивостока», что во второй части доклада Буссе не говорил о никольских древностях. Поэтому, перечитывая рассказ о раскопках в Ивановке, на Мангугае, в Кангоузе и на Сучане, я не надеялся найти что-либо интересное по волнующим меня вопросам.

Каково же было мое удивление, когда в самом конце статьи я нашел ответ на вопрос о принадлежности «камня с надписью» к одной из черепах! «Кстати,— писал Панов между прочим и походя, как будто не о су-

щественном и важном,— исправляем неточность, сделанную нами в предшествующем номере: плита с приведенной нами надписью принадлежит черепахе, стоявшей на мельнице г. Линдгольма, а не другой, на которую было нами указано».

Ради следующего за этим небрежным «кстати» мне в свое время пришлось проделать огромную работу, вместо того, чтобы идти прямой дорогой. Правда, жалеть об этом вряд ли стоит. Находка дневника Палладия Кафарова и неожиданные выводы о принадлежности навершия с надписью и каменных изваяний людей и животных хабаровской черепахе привели меня в газетный зал Публичной библиотеки. Здесь оказались не менее интересные сведения о судьбе каменных изваяний и новая неожиданность — подробности раскопок холма, на котором стояла хабаровская черепаха, и открытие в нем гробницы. А теперь я вернулся к тому, с чего начал в тихом зале архива Географического общества,— получил новое подтверждение правильности заключения о том, что «камень с надписью» принадлежит моей черепахе!

В заключение интересно упомянуть, что здесь же, в Публичной библиотеке, произошла еще одна, на этот раз последняя, неожиданность: я нашел... утерянный дневник Кафарова!

Нет, не его подлинную рукопись, а копию, причем не рукописную, а, что самое поразительное, опубликованную в газете «Дальний Восток». В одном из первых номеров комплекта газеты за 1898 г., просматривая продолжение все тех же «Материалов к древней истории Амурского края», я увидел статью под названием «Археологические изыскания архимандрита Палладия в 1870—1871 гг.». При ближайшем знакомстве с удивлением узнаю, что это не заметки, подводящие итог экспедиции Кафарова, а не что иное, как выборки, сделан-

ные... из его чернового дневника, скопированного иеромонахом Николаем в Пекине!

В предислови к публикации отрывков, касающихся истории и древних памятников Приморья, Виктор Панов писал о том, как попала во Владивосток копия полевого дневника Палладия Кафарова: «...дневник, частью восстановленный только по обрывкам иеромонахом Николаем, хранится в Русском географическом обществе. Лет пять назад Ф. Ф. Буссе по поручению Общества изучения Амурского края снял с него копию. Я сделал оттуда дословные выборки, касающиеся истории и археологии края».

Странно, что эта важная публикация, занявшая около 10 номеров газеты «Дальний Восток», не привлекла внимания ни современников, в особенности тех, кто непосредственно занимался изучением древней истории Дальнего Востока, ни последующего поколения ученых. О публикации дневника нет ни слова ни в «Известиях» Русского географического общества, ни в печатных изданиях его филиалов в Сибири, Приморье и Приамурье (Иркутск, Чита, Кяхта, Хабаровск, Владивосток). О ней, как это ни удивительно, не знал даже Арсеньев, который не раз высказывал сожаления по поводу утраты важной рукописи, раскрывающей историю края и этапы его исследования. Статьи Панова ускользнули также от внимания Л. Н. Иваньева, составившего великолепную по полноте библиографию по археологии Дальнего Востока...

Итак, разрозненные, много раз терявшиеся и вновь оказывающиеся в руках ученых части одного могильного комплекса, которые вследствие путаницы, досадных ошибок, недоразумений и неосведомленности или приписывались не тому памятнику, или вообще оказы-

вались вне комплекса, сведены, наконец, в единое целое. По полноте составных частей могильный комплекс с черепахой, хранящейся теперь в Хабаровском музее, стал уникальным среди одновременных ему памятников.

Осталось разгадать самое главное — кому поставлен памятник. Мне казалось, что я стоял на пороге открытия — чудом сохранившаяся надпись на обломке навершия даст мне ключ к разгадке не только тайны черепахи Хабаровска, но также позволит прочитать несколько страниц из покрытой сплошным туманом неизвестности средневековой истории Приморского края.

Но работа над надписью прервалась неожиданным известием, которое я получил из Владивостока: при разборе архива Приморского отделения Географического общества обнаружены считавшиеся погибшими материалы Буссе, в том числе его археологические отчеты, неопубликованные статьи по древней истории края, письма, телеграммы, рисунки, фотографии... Все мои выводы стали теперь перед решающим испытанием.

Глава V
„ПОСМЕРТНЫЙ ДАР Ф. Ф. БУССЕ“

Встреча со старыми знакомыми. Каменные ворота заупокойного храма. Буссе—читатель „Капитала“ Маркса. Дневники раскопок. В. Ланин фотографирует каменных баранов и воина с мечом. Поиски дневников Кафарова. Альбом А. З. Федорова.

Я сижу в небольшой полутемной комнате бывшего здания Общества изучения Амурского края во Владивостоке. Оно расположено внизу короткого переулка, круто

спускающегося по склону горы к бухте «Золотой рог». Если закрыть глаза и выбрать момент, когда не звонят трамваи, пробегающие рядом по всхолмленной центральной улице города, названной именем В. И. Ленина, то кажется, что все здесь осталось, как было 70 лет назад. За окном тихо шепчутся листья высоких кленов, откуда-то доносятся протяжные и резкие гудки буксирных пароходов, слышатся торопливые шаги жителей, спешащих на переправу к парому... В комнате сумрачно и тихо. Я беседую с ученым секретарем Приморского отделения Географического общества Владимиром Герасимовичем Приходько.

Над его столом с левой стороны на стене висит портрет Буссе. Здесь почитают и любят первого председателя Общества изучения Амурского края. В коридоре на стене я заметил среди старых портретов почетных членов Общества большую фотографию другого человека, исследования которого на Дальнем Востоке сыграли не менее важную роль. Это редкий и не известный мне фотографический портрет Палладия Кафарова. Он изображен не в «мирской» одежде, а в торжественной сутане архимандрита с тяжелой золотой цепочкой на шее. На конце ее покоится отделанный филигранью парадный крест.

Я не первый раз в старом здании, где когда-то работал Буссе. Но сейчас, после подробного ознакомления с деятельностью Общества изучения Амурского края, все воспринимается иначе.

Только что я, направляясь в отделение, шел мимо Приморского краевого музея. Перед входом в него стоит изваяние льва, а за оградой — гробница. Я теперь знаю о них много и оттого смотрю на древние скульптуры с особым чувством, как на старых знакомых.

Они теперь не «беспаспортные». Каменный царь зверей вовсе не страшен. Его тяжелая массивная морда

скорее добродушна, чем устрашающа, хотя пасть зверя открыта и в ней хорошо видны огромные квадратные зубы. Передняя часть морды тупая, как бы вертикально обрубленная. В верхней части ее — широкий низкий нос, в котором выбиты два небольших отверстия — ноздри, а еще выше — округлые углубления глазниц и убегающий назад лоб. Скульптор изобразил зверя присевшим на задних лапах. Прямые и мощные передние лапы уверенно упираются в постамент. Грудь льва широкая, «мускулистая». Вторая скульптура, о которой писали Лопатин, Кафаров и другие, не сохранилась, но можно не сомневаться, что она была двойником этого льва.

Лев — свидетель торжественных процессий, которые направлялись к месту, где стояла хабаровская черепаха. Мимо него в последний раз пронесли останки того, кто лежал потом в гробнице.

Гробница составлена из тщательно подогнанных друг к другу прямоугольных плит серого песчаника. На них отчетливо прослеживаются косые полосы, оставленные инструментами, с помощью которых стесывались заготовки. Нижняя часть гробницы изготовлена из целого монолита. С двух длинных сторон ее закреплены четыре прямоугольные плиты, а с коротких — по одной. На плитах покоится разбитая грабителями крышка. Передняя часть ее, где должна располагаться голова умершего, более широкая, чем задняя. Если внимательно присмотреться, то та же асимметрия характерна для всей гробницы. Я пробежал глазами краткую этикетку на музейном экспонате — в гробнице похоронен неизвестный человек, живший в XIII—XIV вв.

Заглянув через решетку двери высокого деревянного забора, окружающего двор музея, я увидел обезглавленные статуи. Они тоже свидетели важных событий. Холодного гранита с поблескивающими на солнце розовосерыми кристаллами полевого шпата касались когда-

то руки И. А. Лопатина, складки одежды скульптур внимательно изучал Палладий Кафаров, а реставрацией руководил Ф. Ф. Буссе. Руки изваяний покоятся на уровне груди. Хорошо видны длинные каменные пальцы правой руки, перекрывающие кисть левой. В левой руке зажата широкая дощечка, протянувшаяся наискось до плеча. Такими дощечками, изготовленными из дерева или слоновой кости, снабжались ближайшие подчиненные князей или видные чиновники. Они представляли собой нечто вроде записных памятных книжек.

В летописях сохранились сведения, как употреблялись эти дощечки, когда ее владельца призывали явиться к князю. Аудиенция у господина сопровождалась сложным ритуалом и длительной подготовкой. Накануне приема чиновника закрывали в специальном помещении, в котором он проводил ночь, обдумывая предстоящий доклад. На одной стороне дощечки чиновник записывал то, что собирается сообщить князю или императору. Перед ним он стоял, вероятно, так же, как его изобразил скульптор в камне. Дощечка покоилась на груди у плеча. В нужный момент, когда требовалось вспомнить очередной пункт доклада, она приподнималась и чиновник видел записи.

После доклада господин отдавал распоряжения. Чиновник переворачивал дощечку и на обратной стороне заносил повеления.

Внимательное изучение изваяний может дать многое. Они, например, сохранили вид национальной чжурчженьской одежды, обуви. Руки скульптур прикрывает накидка, спадающая тяжелыми складками до земли. Видны также широкие рукава и спускающиеся до ног полы халата со своеобразным разрезом около шеи и ниже пояса. Халат перепоясывал широкий ремень. За спиной длинный конец пояса спускается вниз. Из-под халата торчат округлые концы ступней ног, очевидно обу-

тых в сапоги. Обе скульптуры сходны почти до мельчайших деталей. Две другие скульптуры не сохранились, и только по схематичному рисунку Лопатина можно представить их вид.

За изваяниями чиновников, торжественно замерших перед входом на крыльцо музея, виднеется ряд стел и камней, над которыми возвышаются небольшие навесы с двускатной крышей. Я без труда отыскал среди них навершие плиты хабаровской черепахи — «камень с надписью». Он казался совсем седым от известкового налета, которым покрылись жесткая чешуя и мускулистые кольца тела драконов.

Громадная лапа дракона с пятью широко расставленными когтями, вцепившимися в одно из колец, взметнулась над пятигранником «щита». Морда дракона с оскаленной пастью и расширенным выпуклым глазом располагается у края в нижнем углу навершия. Она устрашающе изрыгает огонь, клочки развевающихся волос на голове растрепались и вздыбились от напряжений борьбы. Передача динамики движения и живость изображения мифических хозяев неба и земли поразительны. Навершие ваял не холодный, равнодушный человек, а талантливый художник.

Рядом в садике, по сторонам небольшой лестницы, стоят два камня, украшенные барельефами. На гранях их мастерски выбиты лошади — камни представляли собой «ворота» при входе в заупокойный храм человека, в честь которого в Уссурийске соорудили гробницу. Не исключено, что лошади являются любимыми скакунами умершего.

За каких-нибудь десять минут я осмотрел все сохранившиеся изваяния, связанные некогда с хабаровской черепахой. Об их удивительной судьбе я теперь рассказываю ученому секретарю.

Владимир Герасимович слушает меня молча, не пе-

ребивая. Лицо его бесстрастно. Мне даже не понятно — интересно ему то, что я рассказываю, или нет? Я же, напротив, излагая ход исследований, все переживаю заново и оттого, волнуясь, говорю слишком горячо и не совсем по порядку.

— ...мне казалось, что я собрал все материалы, связанные с черепахой, гробницей и прочими древностями. Что касается материалов Буссе о раскопках кургана, на котором когда-то стояла хабаровская черепаха, то они считались потерянными. Мы не раз обращались в архив вашего отделения, но всегда получали один ответ — дневники раскопок не сохранились. И вот, когда я уже смирился с этой мыслью и решил ограничиться газетными заметками о раскопках, неожиданно получил письмо от моего старого университетского товарища Шавкунова. Он возглавлял у вас ревизионную комиссию по разбору и приемке архива и прочих дел и написал мне, что в архиве много новых материалов по вопросам, которыми я занимался последнее время. Поэтому-то я у вас. Просьба у меня одна: разрешите осмотреть все сохранившиеся бумаги Буссе.

Мой собеседник сказал, что услышанное заинтересовало его. Мне предоставят все условия для работы и даже допуск в фонды архива! Он посоветовал также посмотреть фотоархив Арсеньева, где могут оказаться интересные вещи, а также старые издания Общества, разборкой которых он сейчас занят.

— Когда вы хотите начать работу? — спросил он в заключение, вставая из-за стола.

— Немедленно, если это возможно!

Владимир Герасимович удалился и через некоторое время пришел с грудой папок в руках. Он положил их на стол и сказал:

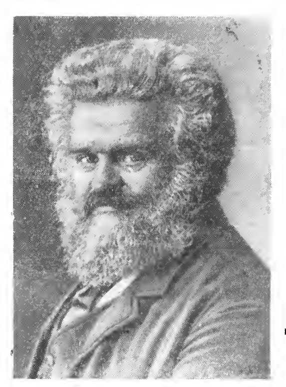
— Здесь часть архива Федора Федоровича. Как только закончите изучение документов — принесу еще.

Я погрузился в чтеине материалов. Они хранятся в больших пестрых папках. Каждая папка имеет аккуратно завязанные тесемки. Ученый отличался исключительиой педантичностью, и, если бы не беспечность его последователей, оставленный в дар Обществу архив давно сослужил бы добрую службу иауке. Почти каждый документ папок с траурной надписью «Посмертиый дар Ф. Ф. Буссе» возвращал меня на старые тропиики поисков, освещая не совсем еще ясные места, уточияя отдельные детали и заставляя виовь остро переживать прошлые неудачи и радости.

28 декабря 1896 г. скончался первый председатель Общества изучения Амурского края. По завещаиию покойного киити, рукописи, карты, 12 томов вырезок статей и заметок о крае из газет и журиалов передавались в дар Обществу. Сестра умершего Наталья Федоровна переводит на счет общества 3000 рублей, которые должны, по ее мысли, образовать фонд премий имеии Ф. Ф. Буссе. «Их следует присуждать,— писала оиа,— за наиболее выдающиеся исследоваиия в области истории, географии и экономики Приморского края».

Общество изучения Амурского края высоко оцеиило «пожертвование Ф. Ф. Буссе». В отчете о деятельности Общества за 1897 г. составитель писал: «Дар этот является весьма ценным для Общества. Не собери Ф. Ф. Буссе всего того, что он собрал, кропотливо роясь в течение нескольких десятков лет в разнообразных журналах и газетах, не сделай он этого, многие статьи, корреспонденции и мелкие заметки бесследно погибли бы для людей, занимающихся изучением края. Дар этот служит примером в высшей степени любовного отношеиия к обществеииому делу и должеи быть поэтому особенно отмечен».

7 марта 1897 г. по постаиовлеиию распорядительиого комитета «вскрыли ящик, оставлениый Обществу

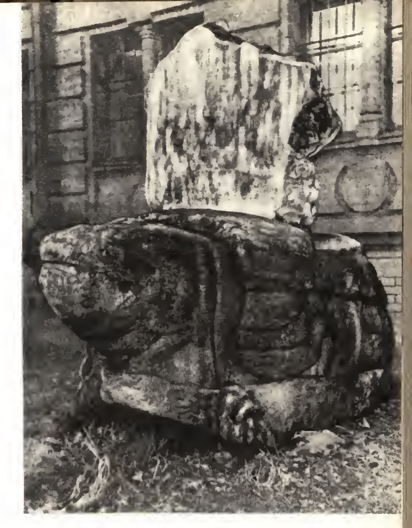

Федор Федорович Буссе — первый председатель Общества изучения Амурского края.

Ф. Ф. Буссе. По вскрытии оказались: книги, карты и документы, касающиеся изучения края и соседних стран».

Эти-то документы я и держал теперь в руках.

Чего только здесь не было! Мое внимание сначала привлекли небольшие книжечки в темных с золотым тиснением переплетах. Они оказались личными дневниками Буссе, которые он начал вести сразу после окончания Петербургского университета, когда представилась

Черепаха, некогда стоявшая на могильном кургане вблизи Уссурийска. На спине видна плита (стела), на которой была выбита уничтоженная позднее надпись. Семьдесят лет назад памятник перевезли в Хабаровск и установили у здания краеведческого музея.

Рядом с черепахой — фигуры сидящих людей. Грустной задумчивостью веет от каменных изваяний — древний ваятель мастерски передал чувства человека перед лицом смерти.

Знаменитый „камень с надписью", вводивший в заблуждение многих исследователей. После того, как его принадлежность хабаровской черепахе была установлена бесспорно, сохранившаяся часть надписи дала важные сведения для выяснения имени человека, похороненного под черепахой.

Скульптура воина, охранявшая покой гробницы. Ее обнаружили, уже обезглавленную, в фундаменте пристройки одного из домов села Никольского.

Каменная гробница из холма, на котором стояла хабаровская черепаха.

,,Царь зверей'' из аллеи каменных изваяний близ могильного кургана. Теперь скульптура льва установлена у здания Приморского музея во Вгадивостоке.

Ворота заупокойного храма, стонвшего недалеко от черепахи.

Скульптура, украшав-
шая вход в храм.

Две фотографии В. Ланина, сделанные им более девяноста лет назад. Скульптуры воинов и каменные бараны.
Воин с мечом.

Глиняный дракон, обнаруженный Буссе в могильном кургане под уссурийской черепахой.

Черепаха из Уссурийска. Будет ли разгадана ее тайна?

возможность совершить путешествие по крупнейшим городам Западной Европы, и вел вплоть до перевода на службу в Иркутск, а затем в Благовещенск и Владивосток.

Большое число одинаковых серых папок с длинными тесемками содержали тщательно подобранную и классифицированную по разделам библиографию по Дальнему Востоку. Она может заинтересовать ученых различных специальностей, связанных с исследованиями в Приморье и Приамурье.

Чрезвычайно интересен список книг, оставшихся после смерти их владельца. Он свидетельствует об исключительном разнообразии и широте его увлечений. Любопытно, что среди названий я встретил и такое: Karl Marx «Das Kapital»!

В библиотеке были также сочинения Ф. Лассаля, одного из яростных противников К. Маркса в немецком и международном рабочем движении. Я был поражен, когда впервые прочитал в списке книг эти две фамилии людей, сочинения которых были во второй половине прошлого века в центре внимания всех дискуссий о значении разворачивающегося во всю ширь движения пролетариата стран Западной Европы, и в особенности Германии и Франции. Не исключено, что книгу Лассаля Буссе приобрел во время продолжительного путешествия по европейским странам, которое он совершил, согласно записям в его личном дневнике, после окончания Петербургского университета.

Русский перевод «Капитала» вышел в свет в апреле 1872 г. Отсюда можно сделать вывод, что, вероятно, Буссе имел у себя первое издание «Капитала», вышедшее на немецком языке в 1867 г. в Гамбурге.

Если это так, то книги эти переезжали вместе с хозяином, пока он не остановился, вплоть до отставки, во Владивостоке.

Нужно представить себе далекую Сибирь, край ссылки и каторги, захолустное, редко заселенное Приморье, затхлую провинциальную среду с крайне узким, часто не выходящим за пределы слащавых домашних спектаклей, миром интересов чиновничества, чтобы оценить по достоинству интерес Буссе к «Капиталу». Подчеркивая все это, я вовсе не склонен превращать по сути дела первого на Дальнем Востоке читателя К. Маркса в революционера. Вместе с тем примечательно, что им оказался человек весьма широких интересов и деятель, который не пользовался благосклонностью «отцов города», а также чиновничества.

Внимание мое вскоре захватили документы, связанные с археологическими исследованиями. Прежде всего раскрываю папку с надписью «Древности села Никольск-Уссурийский и его окрестностей». Вот доклад «Археологические раскопки в селе Никольском Южно-Уссурийского края». Из него я сначала извлекаю новое подтверждение, что честь открытия изваяний баранов и львов на гробнице, где стояла хабаровская черепаха, принадлежит не Лопатину, а Буссе. Он побывал на этом месте на два года раньше Лопатина. «Когда я в 1886 г. первый раз посетил Никольск,— писал Ф. Ф. Буссе,— я увидел два изваяния черепахи, могилу, украшенную тремя парами изваяний баранов, людей, колоннами. Посетивший это место в следующем году горный инженер Лопатин зарисовал многие из этих остатков. Часть рисунков сохранились у меня». В папке действительно лежат рисунки изваяний, среди которых есть и отсутствовавшие в архиве Института археологии!

Затем выясняется, что в докладе подробно рассказывалось о раскопках кургана, на котором стояла хабаровская черепаха! Именно этот доклад был прочитан 10 декабря 1893 г. в здании музея. Это его содержание пересказал Панов в газете. Перечитывая доклад, я

вспомнил о невероятной мечте прослушать доклад Федора Федоровича. Мечта фантастическая, неосуществимая, и все же, читая рукопись, я восстанавливал его выступление почти дословно! В ушах не звучал только голос Буссе, как это бывает, когда читаешь записанную речь хорошо знакомого человека.

А вот письмо... В. П. Васильеву! Оно не только указывало на личное давнее знакомство Федора Федоровича с одним из лидеров русского востоковедения второй половины прошлого века, но и разъяснило, каким образом в архиве Васильева оказалась фотография «камня с надписью». Не передавали ее для перевода из Археологической комиссии Петербурга, а сам Буссе прислал фото из Владивостока!

Судите сами:

«*17 ноября 1885 г.*

Милостивый государь Василий Павлович!

Если Вы еще не забыли Вашего покорнейшего слугу за долгие годы, что мы не беседовали, то по сегодняшней просьбе Вы припомните меня и назойливые просьбы о карте Маньчжурии, о разъяснении набросков с предметов древности Уссурийского края и многие другие. Вы приучили меня обращаться к Вам в былые времена и потому не сетуйте на новое обращение.

Прилагаемые две фотографические таблицы составляют снимки одной и той же надписи... Снятая надпись находится на камне, представляющем часть памятника... Он взят со двора крестьянина Назаренко (село Никольское), который положил его ступенью в ледник, привезя из окрестностей.

...Прочтение (знаков) представляет трудности для людей, знающих язык, но мало занимавшихся древними надписями. Вследствие последней причины я и обращаюсь к Вам, Василий Павлович, с покорнейшей просьбой прочесть эту надпись и сообщить во Владивосток

как перевод, так и восстановление текста в древних письменах, как Вы его прочли...»

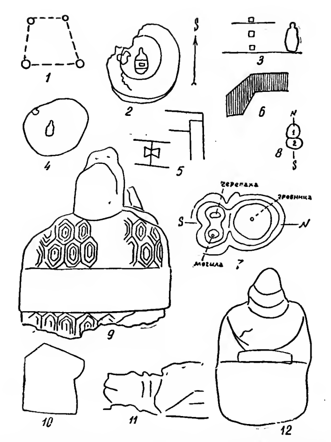
Но все эти находки не шли ни в какое сравнение с тем, что вскоре я извлек из папки. Это то, о сохранности чего я и не осмеливался думать,— подробные дневниковые записи раскопок курганов, рядом с которыми стояла хабаровская черепаха! День за днем, шаг за шагом Буссе подробнейшим образом описывал ход раскопок, каждая деталь которых радовала меня необыкновенно. Те немногие минуты, которые я затратил на чтение дневника раскопок, дали мне несравненно больше того, что извлекалось за многие дни кропотливых розысков. Вот эти записки в сокращенном виде:

«Раскопка кургана с изваянием черепахи на дворе мельницы Линдгольма в селе Никольском в 1893 году.

Мельница расположена на краю естественной террасы, примерно в 1 версте ниже (по течению реки) от старого городища... Черепаха находится на кургане неправильной формы, и место, ею занимаемое, не соответствует геометрическому центру кургана, она стоит к западу от самого возвышенного места. Над поверхностью земли выдвигалась лишь спина и голова. На спине, вертикально к ней и перпендикулярно по оси изваяния, стоит плоская плита.

В непосредственной связи с этим находится второй курган. В общем его очертания, отчасти нарушенные хозяйством мельницы, приближаются к кругу.

8 октября 1893 г. Ввиду предполагающейся перевозки изваяния черепахи в общественный сад села Никольского заложена траншея шириною в 7 футов, сообразно длине черепахи. По снятии дерна, толщиною 2—3 вершка, найден сплошной слой черепицы двух типов, один более крупных размеров и меньшей кривизны, очевидно, составлял покрышку главного поля крыши, другой более узкий, но составляющий в разрезе полукруг диа-

Рисунки Буссе, сделанные во время раскопок памятников с черепахами.

(1 — план расположения остатков столбов; 2 — уссурийская черепаха на холме; 3 — хабаровская черепаха и плиты, служившие основаниями колонн; 4 — хабаровская черепаха на холме; 5 — схема крепления плит гробницы; 6 — разрез крышки гробницы; 7, 8 — вид холма с хабаровской черепахой; 9 — уссурийская черепаха, вид сверху; 10 — стела хабаровской черепахи; 11 — хабаровская черепаха, вид сбоку; 12 — вид сверху.)

метром в 3 вершка, для покрытия конька и швов... Между черепицей найдено много щитков с разными рисунками в виде горельефов, из них лучшие экземпляры взяты в коллекцию музея.

В расстоянии 13 ф. 8 дюймов от черепахи найдено 3 камня правильной квадратной формы. Их верхняя поверхность хорошо обточена. Вблизи этих камней найдены: 1) железный небольшой инструмент (долото) и 2) сердолик с вырезанными в нем крупными изображениями ягод, весьма тонкой работы...

9 октября 1893 г. Ввиду необходимости построить сани для установки на них изваяния, работы в траншее оставлены и перенесены на второй курган. Заложена траншея по меридиану, через центр кургана. Слой чернозема 1—2,5 вершка. По углублении на 3 фута найдено вблизи центра много костей, вероятно, свиньи, на фут ниже крупные кости животного. Обе находки составили два отдельных гнезда... Дойдя до глубины 4 фута, найдено 3-е гнездо костей, именно птичьих... Во всей сделанной разработке, как в траншее, так и в середине, во всей толще находили синие кирпичи и обломки черепицы разных видов и размеров, но без всякой связи, очевидно, попавшие в курган случайно.

10 октября 1893 г. Вслед за началом работ, под небольшими слоями земли, найдена в середине кургана железная толстая трубка, с толстыми стенками и шляпкой, на которой показано 3 витка винта...

Вслед за этим найдены кости. Преследуя сии, отрыли череп лошади. Оказался полный костяк коня, судя по зубам (отзыв врача Ф. Ф. Сущинского), не старше 6 лет...

Ниже костяка, на 1 фут, найдена доска, имевшая наклонное положение. Нижний край доски упирался в камень, который при дальнейшем расследовании оказался значительным по величине.

Во всем выработанном сегодня слое попадались повсюду разбросанные черепицы, красные и синие кирпичи в обломках, галька во множестве, кроме того, 1) раковина улитки, 2) орехи местные, произрастающие в крае и ныне, 3) обломки глиняной цилиндры... 4) почти на поверхности камня, у самой середины кургана, костяк небольшого животного, судя по челюстям и зубам — собаки.

11 октября 1893 г. Работа продолжалась по расчистке найденного камня (крышки гробницы.— **В. Л.**)... По длинной его стороне около середины камня образовалось отверстие неправильной формы, приближающееся к треугольнику. Через это отверстие земля обрушилась вовнутрь гробницы и заполнила всю ее полость...

Содержание гробницы вынималось долотами, причем раскопка велась очень медленно, всякий комок глины разминался. В верхнем слое попадались черепицы, гальки, обломки костей и когтей, куски древесного угля, раковина улитки, все это беспорядочно в разных местах. Ниже встречались обломки костей, со следами действия на них огня и весьма разложившихся, между ними найдена, ближе к середине, часть челюсти с коренными зубами. Все кости в большом беспорядке, из чего надо заключить, что они обожжены вне гробницы и только здесь сложены, что подтверждается и тем, что на внутренних стенках не видно следов огня. Между костями найдено несколько сильно заржавленных железных оконечников стрел.

В юго-западной части стенки какое-то глиняное изваяние, вероятно дракона, в восточном конце — глиняный щиток треугольной формы с выпуклыми изображениями растения. Сверху в углу между стенами найдены какие-то растения. Все найденные предметы сохранены для музея...

Дополнение. В земле, выше верхней поверхности

гробницы примерно на 1 фут, найдена часть человеческой челюсти и отдельно еще 1 коренной зуб.

12 октября. Вынута земля, окружающая гробницу со всех сторон, и в ней не найдено никаких изделий человека... Когда землю выбрали до нижней поверхности плиты, служившей дном гробницы, оказалось, что эта плита, вместе с вертикальными стенками, названными выше нижним ярусом, составляют один монолит. Вся гробница поставлена на 4 плоских камня... Материал, из которого изготовлена гробница,— песчаник и весьма хрупкий, серого цвета...

13 октября. Раскопана земля, находившаяся под гробницею. Между 4 плоскими камнями, служившими основанием дна гробницы, на $^1/_4$ глубины навалены голыши, примерно в кулак величиною, под этим слоем чистый песок, составляющий основную почву всей местности...

14 и 15 октября произведена постановка черепахи на сани, при помощи механика мельницы г. Тима и машиниста... Сани поставили на катки, на которых черепаха выдвинута из траншеи, чтобы с наступлением санного пути перевезти черепаху на волах в сад села Никольского.

При этих работах, в верхней широкой траншее, примерно в $1^1/_2$ саженях от памятника найдены уголь, кости свиньи и черепки, указывающие на другую могилу...

По неимении времени я не приступил ныне к раскопкам вновь найденной могилы, но эта работа крайне важна, ввиду связи кургана с памятником и каменною гробницею.

Буссе»

Второй отчет:

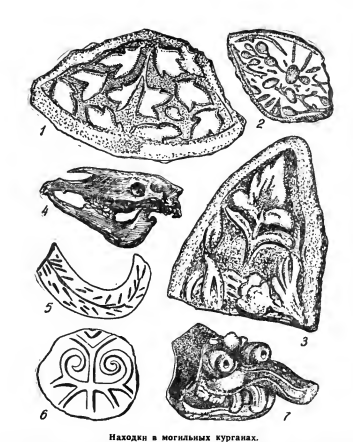
«Могила во дворе мельницы Линдгольма, село Никольское.

20 октября 1894 г. По окончании раскопки осенью

1893 г. Линдгольм привел в порядок двор мельницы, т. е. скопал все курганы и засыпал низкие места, покрыв весь двор песком и галькою, вследствие чего, приступая к раскопке могилы в бывшем кургане, где стояла черепаха, необходимо было прежде всего определить ее место. Для этой цели прокопана траншея, длиною около 4 саженей, 2 фута глубиною, в том месте, где предположена могила. Дно траншеи в месте, не занятом могилой, состояло из желтой глины, т. е. почвы, господствующей в этой местности. Самая же могила выказала смесь глины с углем, обломками черепицы и костями. В пределах последней приметы раскопано на юг, но здесь вскоре нашли желтую глину, т. е. конец могилы, почему раскопки направлены на север и выкопана яма 1 квад. саж., глубиной в 1 аршин, везде встречались кости, черепица и уголь.

21 октября. Начаты работы в 7 ч. утра и через час окончены. Картина раскопки, как вчера.

22 октября. По снятии верхнего слоя из глины с примесью черной земли обнаружена чистая желтая глина, но на дне ямы обозначались четыре круглых черных пятна, состоящих из разложившегося дерева... Пятна, приближающиеся к правильному кругу, расположены по следующему плану. 4 краеугольных пятна составляют неправильный четырехугольник. Есть еще пятое пятно на западной стороне. По снятии слоя земли на $^1/_4$ аршина все черные пятна исчезли. Очевидно, что это все остатки деревянных столбов, врытых на одинаковую глубину. Верхняя их часть не замечена своевременно, потому что верхний слой кургана имеет черную окраску, близкую по цвету с перегнившим деревом столбов. Этот верхний черный слой утолщается на северной стороне, соответственно вообще подъему почвы, а именно на южной стороне ямы черный слой около $1^1/_2$ фута, а на северной $2^1/_2$ фута.

Находки в могильных курганах.

(1, 2, 3 — глиняные украшения крыши храма. Виден растительный орнамент цветка в виде лотоса; 4 — череп лошади, обнаруженный рядом с гробницей; 5 — деталь украшения конька крыши; 6 — концевая черепица с орнаментом; 7 — обломок морды дракона.)

Независимо от описанных 5 столбов есть признаки 6-го. Нижний его конец в одном горизонте с остальными. Этот столб не разрыт и виден в стенке ямы в виде черного пятна.

Ниже основания столбов — желтая глина с галькою, причем последняя, посредине ямы, составляет почти сплошное нагромождение с небольшой примесью глины. По бокам этого нагромождения глина окрашена в черный цвет, и в нем встречаются разложившиеся, бесформенные части костей, но в малом количестве и весьма разбросаны по всему дну ямы Черные пятна в глине произошли, кажется, от окраски ее углем и сажею.

23 октября. По мере углубления черные пятна постепенно уменьшаются до двух. В восточной половине ямы, на глубине 4 ф. 10 д. на южной и 5 ф. 10 д. у северной стенки ямы, почва изменяется в пески с примесью, более чем наполовину, крупной гальки, т. е. обнаруживается почва, свойственная нижнему слою окружающей почвы. Это явление побудило меня прекратить раскопку во всей восточной половине ямы и продолжить ее только в западной.

В прослойках черной глины встречались деревянные угольки, попадались, но редко, бесформенные и небольшие кусочки костей, совершенно разложившиеся. Все эти признаки участия человека в насыпи кургана как бы подтверждают, что это могила, но нельзя объяснить, почему подобные пятна являлись на большом пространстве и спорадически. Я руководствовался при закладке следами 4 столбов, но результаты не оправдали этот расчет. Остается испытать еще одно: не найдутся ли более надежные признаки могил и не найдутся ли там и древние предметы.

24 октября. Согласно сделанному предположению, продолжена выемка земли в юго-западном углу. В верхних слоях попадались угольки и остатки костей, кото-

рые прекратились на глубине 3 фута; черных пятен или глины, окрашенной сажей и углем, кроме незначительных продолжений пятен в прежней выемке, вовсе не встречалось. Работы прекращены, и выемка вновь завалена.

Группируя все открытое в данном месте, мы можем вывести только одно, что на кургане, к востоку от черепахи, в древности стоял храм небольшой, крытый черепицею и украшенный узорными глиняными щитками, что доказывается как предметами, открытыми в 1893 году, так и признаками столбов, открытыми ныне в глине. При этом храме земля была разрыта, как видно из угля и костей, обнаруженных нынешнею раскопкою, но все эти признаки деятельности человека так неясны, так неопределенны, что нет никакой возможности поставить догадку о цели, имевшейся у древних обывателей при воздвижении обсуждаемого кургана.

Раскопку производил Ф. Буссе...»

Комментарий по значению для хабаровской черепахи всех этих записей вряд ли требуется В них содержится масса сведений, вплоть до очень характерной для педантичного Буссе записи о количестве рабочих и выплаченных им казенных денег. Не менее любопытными оказались находки среди разнообразных чертежей и фотографий. Сначала попалось очень старое, пожелтевшее фото, на котором я сразу узнал изваяния чиновников, стоящие теперь у входа в музей. Те же сложенные на груди руки и широкий пояс с заткнутым за спиной длинным, почти до колен концом. Рядом со скульптурами людей объектив фотоаппарата зафиксировал то, чего никто не видел после Кафарова,— каменных баранов! Скульптор изобразил их лежащими с подогнутыми ногами и высоко поднятой головой. У одного из животных голова отбита.

К счастью, на плотном картоне, на который наклеили фотографию, сохранилась надпись, которая решила вопрос, кем сделан уникальный снимок: «Фотография каменных изваяний вблизи Никольского 1874 г. фотографа В. Ланина. От В. Ланина». Еще один из интересных людей, работавших на Дальнем Востоке во второй половине прошлого века, оказался связанным с хабаровской черепахой и комплексом скульптур! Ланин — известный фотограф, который выпустил первый фотоальбом по Приморью и Приамурью. Но кто мог думать, что среди его снимков окажутся также знаменитые «никольские памятники»?

После этой фотографии последовала вторая, которая порадовала меня еще больше,— изваяние воина с мечом! Это как раз одна из тех двух скульптур, которые исчезли вскоре после отъезда Кафарова из Никольского. Я теперь мог наглядно представить всю аллею каменных изваяний, которая тянулась на юг от хабаровской черепахи, начиная с воинов и кончая львами!

Внизу фотографии скульптуры воина со сложенными на рукояти меча руками и походными сумками по бокам стояли знакомые инициалы «В. Л.». Значит, и эта фотография сделана Ланиным! Надпись на обороте ее объясняла, каким образом фотографии попали в архив Буссе. Их передал ему в 1916 г. первооткрыватель камня с надписью Михайловский.

Кроме этого, в архиве оказались фотографии «камня с надписью» (одну из таких фотографий я нашел в свое время в архиве академика Васильева), фото надписи с камня, над которой работал Михайловский, фотографии мельницы, во дворе которой стояла хабаровская черепаха, копия надписи с навершия, возможно сделанная с копии Кафарова, и, наконец, новый план крепостей в окрестностях Никольска, вычерченный в 1868 г. капитаном Флоренским. На чертеже оказалось множество

деталей, которые не зафиксировал Г. Нахвальных. Так, крепость, ближайшая к селу, изображалась с башнями, воротами и курганами внутри. Детально обрисован также форт, выдвинутый перед крепостью в сторону «стана чжурчженей», а около последнего — «редут» и земляной вал у юго-западного угла крепости.

Но удивительно — на чертеже Флоренского нанесена только одна черепаха — уссурийская. Место второй, хабаровской, не обозначалось. Это, однако, не огорчило меня. Мне теперь оставалось только совместить план Г. Нахвальных с планом Флоренского, и я получил самый точный и детальный чертеж уссурийских древностей!

Выяснилось также, когда и кем перевезены изваяния из общественного сада Никольского во Владивосток. Распорядительный комитет Общества изучения Амурского края, обеспокоенный тревожными известиями о печальной судьбе скульптур, на заседании 6 мая 1894 г. выносит специальное постановление: «Просить Ф. Ф. Буссе озаботиться сохранением древностей, находящихся в саду села Никольского».

К этому же вопросу вновь возвращаются 17 июня 1894 г., когда на заседании распорядительного комитета шла речь «о перевозе из села Никольского древних памятников». Постановлено: «Перевезти при первой возможности все древности, находящиеся в саду Никольского. Сообщить об этом начальнику округа».

14 февраля 1895 г. распорядительный комитет утвердил отчет Буссе о раскопках в Никольском и, по его просьбе, включил в расходную статью суммы, употребленные на перевозку «после раскопок древних памятников и гробницы (50 рублей)». В конце 1894 г. все изваяния, за исключением хабаровской черепахи, перевезли во Владивосток.

Что касается последней, то вплоть до конца 1896 г.

на заседаниях продолжал стоять вопрос о ее перевозке: «24 февраля 1896 г. Послать И. Д. Шаховскому уполиомочие доставить из села Никольского черепаху...» «14 декабря 1896 г. Постановили: отпустить потребные суммы иа перевозку из с. Никольского черепахи (исторического памятника)».

Однако ее так и ие перевезли.

В отчете Общества за 1894 г. отмечалось, что «в музей доставлены четыре памятиика, получеиных при раскопках, произведеииых Ф. Ф. Буссе:

1. Каменный саркофаг...

2. Два камениых изваяиия людей без голов, иайдеиных вблизи с. Никольского, где имеиио, неизвестио.

3. Головной камеиь с черепахи с иадписями, иайдеиный также в с. Никольском.

4. Изваяиие из камия собаки или какого-то животиого, иайдеииое в окрестиостях с. Никольского».

Но и на этом ие коичились находки. При просмотре фотоархива Арсеиьева мы с Владимиром Герасимовичем иаткиулись иа старые позитивиые стекляииые пластиики, иа которых оказались запечатлеииыми обе никольские черепахи. Владимир Герасимович тут же иастроил фотографическое оборудоваиие, и через час я держал в руках отпечатки первой фотографии хабаровской черепахи.

Еще несколько часов работы, и я с удивлением узиаю, что не первый пришел к выводу о возможиости отождествления «камия с иадписью», обиаружениого Михайловским, с «памятником с надписью» Палладия Кафарова. Этот вывод я сделал в архиве Географического общества в Леииеграде. Имеино сюда в иачале 1886 г. обратился Буссе с письмом секретарю Общества. Копия письма и следующая за ней переписка сохраиилась в одной из папок «Дара Ф. Ф. Буссе», которая иазывалась так: «Переписка по делам Общества»,

Поиски письма П. Кафарова, которые я производил в архиве Географического общества, начались, оказывается, 70 лет тому назад! И, поразительное совпадение, так же как у меня, эти поиски уже тогда не увенчались успехом. По крайней мере в 1893 г. в архиве ни письма П. Кафарова, ни копии надписи не было.

Из писем следовало, что Буссе прямо связывал надпись на камне из Никольска с копией надписи, посланной Кафаровым в Петербург, и просил секретаря Географического общества А. Григорьева выслать ему эту копию. Прислал или нет Григорьев копию надписи Кафарова? В одной из папок я обнаружил лист бумаги с текстом знаков навершия хабаровской черепахи. Изучение его показало, что копия сделана не с фотографии слепка. Возможно, она представляет собой копию с надписи, сделанной рукой Палладия.

И, наконец, последнее. В папке «Переписка по делам Общества изучения Амурского края» оказался также ряд документов, которые позволили восстановить обстоятельства открытия и работы над черновым дневником Палладия Кафарова.

Таинственная «рукопись Палладия», которую столько раз пытались издать сначала во Владивостоке, а затем в Хабаровске, как я и предполагал, оказалась черновым дневником Кафарова, скопированным иеромонахом Николаем. Вот как произошло это открытие, насколько его можно восстановить по сохранившимся документам.

При отъезде в Петербург в 1890 г. Буссе составил памятную записку, из которой следовало, что М. Г. Шевелев просил «разыскать труды Пекинской духовной миссии и другие документы, относящиеся до Сибири, Китая и Маньчжурии». Бо́льшую помощь ему в этом оказал Ф. Р. Остен-Сакен, который к тому времени занимал пост директора департамента и знал хорошо

архив министерства. Полезные советы дают также профессора Н. И. Веселовский, Д. Н. Позднеев и А. В. Гребенщиков. Буссе встречается с академиком Васильевым, который обращает его внимание на материалы посольства Головина, хранящиеся в Государственном архиве.

В конце 1890 г. Буссе начал поиски в архиве Географического общества, и уже 7 декабря в руках у него находилась копия дневника Кафарова. Можно не сомневаться, что дата на телеграфном бланке, на котором Буссе написал копию посланной Шевелеву телеграммы, является точным указанием времени находки дневника. Находка была настолько неожиданной и радостной, что Буссе немедленно сообщил о ней во Владивосток:

«7 декабря 1890 г. Владивосток, Шевелеву. Получаю копию дневника Палладия о нашем крае с правом издания обществом. Надеюсь вскоре ознакомиться с архивными документами Пекинской миссии, получить разрешение издать выбранные из них. Сколько ассигнуете на это?.. Отвечайте скорее. Буссе».

Шевелев ответил в Петербург 11 января 1891 г. Телеграмма, полученная Буссе со столичного почтамта, также сохранилась в его архиве:

«...Палладия издайте. Сколько потребуется — сообщите. Шевелев».

Федор Федорович сразу же принимается за работу по копированию дневника. Ему удалось получить из архива Географического общества копию иеромонаха Николая для работы дома. В папке сохранилась расписка, по которой можно установить, когда Буссе завершил переписку. Она гласила:

«Принято обратно от действительного члена Общества Федора Ф. Буссе для хранения в архиве Императорского Русского географического общества де-

вять тетрадей копии, списанной иеромонахом Николаем с «Дорожных заметок на пути от Благовещенска через Японию в Пекин», отца Палладия. 5 февраля 1891 г.».

Таким образом, новые материалы архива Приморского отдела Географического общества подтвердили мои догадки, что копия дневника Кафарова была получена Буссе в Географическом обществе в Петербурге.

Остаток дня я провел в фондах Владивостокского краевого музея. Мы долго рылись с заведующей фондами Людмилой Игоревной в старых пыльных шкафах, прежде чем на стол легли знаменитые находки Буссе в курганах под хабаровской черепахой. В фондах сохранились полукруглые концевые черепицы с роскошным орнаментом из хризантем и цветов священного лотоса, обломки глиняного дракона, круглые черепичные диски с крыши заупокойного храма «хозяина» хабаровской черепахи и даже череп его лошади вместе с темно-коричневой гривой. Я держал в руках вещи, особенно близкие человеку, судьбу которого старался разгадать.

Под конец сотрудники музея принесли мне дневник Федорова, который, как выяснилось, недавно передали во Владивосток родственники последнего исследователя древностей Уссурийска. На страницах дневника я снова столкнулся с фамилией Назаренко, к которому, «как человеку бывалому», посоветовали Федорову обратиться, когда он заинтересовался судьбой хабаровской черепахи, увидел чертеж расположения построек при мельнице с точной отметкой места, где стояла хабаровская черепаха, схемы и разрезы городищ, в том числе «стана чжурчженей». Прекрасным дополнением к дневнику являлся толстый альбом фотографий уссурийских древностей, среди них много уникальных, которые теперь, увы, невозможно повторить.

Все стало на свои места. Я собрал, пожалуй, максимум сохранившихся сведений. Мне казалось, что основные трудности теперь позади. Осталось ответить на главный вопрос — кому поставили в Уссурийске могильный памятник?

Однако этот вопрос меня не беспокоил, поскольку в руках находился «ключ» — навершие стелы с надписью. Я и не подозревал, какие коварные загадки таил для меня с таким трудом найденный ключ к тайне.

Глава VI
ГЕРОЙ БЕЗ ИМЕНИ

Великая Золотая империя. Чжурчжени — „народ воинственный и коварный". Генералиссимус — старейший военный титул на Востоке. Вождь уссурийский — „умно-храбрый князь". Новое препятствие. Ваньянь — императорский род „диких чжурчженей". Изгнанники с Ялу. „Памятник божественной судьбы".

Приступая к переводу надписи, я решил исходить в исследовании ее не от известных по литературе вариантов толкования, а самостоятельно разобрать текст и прове-

сти изучение каждого знака, по возможности полно комментируя их сочетания.

Началась увлекательная работа по восстановлению и переводу надписи. Она сопровождалась поисками в древних летописях разнообразных, требующихся по ходу дела, сведений.

Первый знак не сохранился, но восстановить его не составляло труда, потому что, к счастью, второй выделялся четко и ясно. Главное значение его, среди ряда других, второстепенных — золотой. Значит, памятник поставлен в эпоху господства на Дальнем Востоке одной из блестящих и могущественных империй Восточной Азии, первого государства северных тунгусо-маньчжурских племен — Великой Золотой империи чжурчженей! Она так и называлась — Великая Золотая. Отсюда следовало, что первый, уничтоженный в результате раскола навершия, знак обозначал — великий, великая, традиционная приставка перед названиями нескольких династий, сменявших на Востоке друг друга на протяжении ряда столетий.

Всего два знака. На первый взгляд, очень мало. Но какие значительные события стоят за ними, на какие интереснейшие выводы наталкивали они! Прежде всего, сразу же выяснялась дата установки хабаровской черепахи. Некоторые исследователи, учитывая, что изваяние очень плохо сохранилось, высказывали предположение о принадлежности ее одному из крупных военных деятелей государства Бохай. Это государство, предшественник Золотой империи, было образовано южнотунгусскими племенами в VIII—IX вв. Такой вывод, кажется, согласовался также с мнением, что северные области, прилегающие к Уссури и Амуру, входили в состав Бохая. Но первые же письмена — «Великая Золотая» — разом ликвидировали такое предположение. Могильный комплекс принадлежал не бохайцам, а

чжурчженям, основателям Золотой империи (XI—XIII вв.).

Но что же это за народ? Первые два знака заставили дополнительно изучить десятки книг и статей, потребовали новых изысканий среди сотен страниц древних летописей.

Шаг за шагом подвигалось дело, крупица за крупицей скапливались драгоценные сведения, постепенно воссоздавшие стройную картину жизни и быта одного из удивительных народов. Это было увлекательное путешествие в давно ушедший от нас мир.

Впервые название чжурчжень появляется в письменных источниках первой половины VII в. н. э. Происхождение этого народа, как уже указывалось выше, связывается с древними тунгусо-маньчжурскими племенами, которых китайцы называли «варварами»: сушень, илоу, уцзи, а затем мохэ. Они издавна жили в горных районах и речных долинах теперешней Маньчжурии и Советского Дальнего Востока. Чжурчжени заселяли земли по рекам Сунгари, Уссури, Нонни, Ялу и Амуру, горную систему Чанбошань и отроги Сихотэ-Алиня. Эта богатая страна славилась далеко за своими пределами разнообразными природными ресурсами и продуктами хозяйства (лошади, коровы, кабаны, белки, осетры). Мастера по изготовлению оружия высоко ценили медь и железо «страны Севера», как называли родину чжурчженей. Ювелиры знали, что в долинах таежных и горных речек древней страны сушень можно найти богатые россыпи золота и серебра. В укромных уголках тайги рос таинственный корень жизни — женьшень, и здесь же охотились на оленей, чтобы из их пантов приготовлять чудесный эликсир, продлевающий жизнь.

Это край, откуда во многие страны Востока расходились экзотические товары Севера — моржовый клык и зрачки кита, кедровые орехи и красная яшма. Охотники

императорских дворов соседних государств Корё, Ляо, Си Ся и Китая гордились соколами и кречетами «страны Восточного моря», а придворные красавицы мечтали о нарядах, украшенных нежным мехом соболей и белок, добытых в тайге чжурчженями.

Вместе с тем земли чжурчженей — край суровой природы. Глубокие снега надолго покрывали его землю, сильные морозы могли вынести только привычные к холоду коренные обитатели северных стран. Даже вода в речках здесь необычайна — если возьмешь ее в пригоршню, то она кажется черного цвета.

Но больше всего удивительных рассказов ходило про коренных обитателей страны — чжурчженей. Все поражало средневековых путешественников: внешний вид, одежда, прическа, пища, образ жизни, обычаи и общественная жизнь.

Чжурчжени — народ большого мужества и благородства, необыкновенной отваги и выносливости, свободолюбия и воинственности. «Летучая» конница их спускалась с гор и как вихрь проносилась по речным долинам, наводя ужас на врагов.

Она внезапно врывалась в боевые порядки врага с тыла или флангов, осыпая их «тучами стрел», которые выпускались одновременно «Они дерутся так, как будто сами духи вступают в сражение»,— со страхом писали средневековые летописцы. Воины-чжурчжени терпеливо сносили невзгоды походной жизни — голод и жажду, тяжелые и длительные переходы.

Чжурчжени известны среди соседей как народ «воинственный и коварный». Тем не менее они не считали войну основным занятием. Их союзы племен с самого раннего периода, насколько можно проследить по письменным источникам, проводили и отстаивали собственную национальную политику, а военные мероприятия против Китая или участие в совместных с Кореей или Ляо вой-

нах против одной из сторон оказываются, при сравнении данных разных источников, не простыми грабительскими походами диких «варваров», а большей частью вынужденной мерой, пресекающей захватнические устремления «цивилизованных» соседей.

В обычное мирное время чжурчжени жили в поселках и крепостях, построенных на возвышенностях или в долинах, запирающих горные проходы. Их жилища представляли собой деревянные полуподземные постройки с дверью, обращенной на юго-восток. Холодный климат заставлял заботиться о максимальном утеплении жилища. Оно наполовину уходило в землю. Дверь полуземлянки утеплялась травой или паклей, а внутри устраивалась сложная, но удобная отопительная система из центрального очага и лежанок — канов, сквозь которые циркулировал теплый дым и воздух. При входе в жилище меховая одежда сбрасывалась, и обитатели его ели, спали и занимались хозяйственными делами на теплых широких лежанках.

Чжурчжени западных, степных, районов часто меняли места своих поселений и вели по сути дела полукочевой образ жизни. Вместо постоянного жилища в виде полуземлянки они сооружали из кож палатку типа юрты. Ее ставили в период ненастья для защиты от дождя. С места на место чжурчжени перекочевывали на телегах, запряженных коровами. Все имущество помещалось при этом на телегах. Основное занятие этой, очевидно немногочисленной, группы племен не земледелие, а скотоводство.

В сильные холода рядовые члены рода одевались в шубы, сшитые из самого доступного и недорогого материала — из шкур лошадей, коров, свиней, баранов и собак. Они шили также халаты из рыбьей и змеиной кожи. Нижняя теплая одежда — штаны, рубашки и чулки изготовлялись из оленьих шкур или шкурок кабарги и

кошки. Это старая национальная одежда чжурчженей, прекрасно приспособленная для холодов при жизни и работе в тайге и горах. Вместе с тем родовая аристократия,— племенные и родовые вожди, а также члены их семей,— зимой одевались в шубы из меха соболей, лисиц и белок или в теплые халаты на шелковой подкладке. Кроме меховой одежды, были широко распространены изделия из белого холста. Платье из белого материала — самая любимая одежда чжурчженей.

Чжурчженьские женщины носили длинный халат-кафтан, у которого, однако, в отличие от такого же типа одежды у мужчин, отсутствовал воротник.

Мужчины-чжурчжени не заплетали волосы в косы, как это делали кидани, а подобно тюркам носили их распущенными по плечам. Они придерживались специальным футляром, который у богатых изготовлялся из золота. Пряди волос переплетались цветными лоскутами материи. Богатые украшали их золотом и жемчугом.

Рядом с поселком располагались пашни и огороды. Основное занятие большинства племен чжурчженей — земледелие и огородничество. Вместе с тем они разводили лошадей, коров, овец, свиней, держали собак. В зимнее время и ранней весной охотники с собаками уходили в тайгу, где промышляли оленей, лосей, медведей и пушного зверя. Особенно популярна среди чжурчженей охота на оленя с помощью берестяного рожка. Зверя выслеживали по следу, а затем приманивали рожком, подражая реву самца. Летом, в особенности в период массового хода рыбы, чжурчжени занимались рыболовством, а в лесу собирали дикие плоды, ягоды и коренья.

Любимая еда сельских чжурчженей — похлебка из гороха и вареное пшено, которое употреблялось в недоваренном виде с приправой из чеснока и сырой собачьей крови. На родовых праздниках и в торжественных

случаях они пьют вино собственного изготовления. Вино — любимый напиток чжурчженей. Его употребляют, когда все гости хозяина дома, которые приходят к нему без особого приглашения, полностью насытятся. Иногда, правда, при официальных приемах, вино распивают прежде еды. Под звуки музыки гостей девять раз обносят вином, а на закуску «подают фрукты» — кедровые орехи. После угощения вином на стол ставят рисовую кашу и мясные кушанья. Особенно популярен у чжурчженей рисовый отвар, который подают в больших деревянных тарелках. Его едят ложками с длинными ручками. Мясо слегка недоваривают, почему «вкус его лишен многих качеств и представляет нечто среднее между сырым мясом рыбы и сырым мясом сайги». Мясо употребляется также в сушеном и жареном виде, иногда вместе с овощами.

Одним из любимых и популярных спортивных состязаний чжурчженей являлись скачки на лошадях. Они всегда привлекали большое количество зрителей, в особенности девушек и женщин, которые прислуживали соревнующимся и разносили им вино. Здесь же после соревнования устраивались танцы. Под звуки барабанов и флейт чжурчжени пели песни, «напоминающие по мелодии пение куропатки», угощали друг друга вином и обсуждали детали соревнований, «высказывая одобрение друг другу».

Каждый из взрослых чжурчженей не только отважный воин, усердный хлебопашец и умелый охотник, но и мастер на все руки. Он умеет построить деревянный дом — полуземлянку, сшить сбрую и временную палатку — чум, соорудить телегу или повозку на двух колесах.

В новый год чжурчжени поклонялись солнцу и приносили жертву Великому Небу. Основой их религии, однако, был шаманизм. Шаман представлял собой в

племени вторую после вождя фигуру. Он же в случае болезни являлся лекарем, который изгонял из больного злых духов и приносил в жертву собаку или свинью, чтобы ускорить выздоровление. Если на выздоровление не оставалось надежды, то больного увозили на телеге в одну из дальних от селений горных долин и бросали там. Такой больной, которого не покидали, несмотря на заклинания шаманов, злые духи, считался опасным для соплеменников, и от него всеми мерами старались избавиться.

Умершего родича оплакивали, сопровождая погребение «слезными и кровными проводами». Участники погребальной процессии делали на лбу надрезы ножом, и кровь из ран струилась по лицу, смешиваясь со слезами.

Особенно торжественными были похороны родовых вождей и членов богатых, влиятельных семей. В жертву им приносили любимых слуг, служанок и оседланных лошадей. Тех и других сжигали, а останки помещали в могилу. Кроме того, для загробного путешествия покойника приносили в жертву свиней и собак, которых также сжигали. В могилу помещали также сосуды с питьем. Весь этот торжественный церемониал носил название «варить кашу для умершего». Позднее от человеческих жертвоприношений отказались.

Сложны и полны церемоний свадебные обряды чжурчженей. Состоятельные семьи сначала посылали родственников сватать невесту. Их сопровождал обоз повозок, нагруженных напитками и разнообразными кушаньями, и десятки лошадей, предназначенных для родителей невесты. В доме невесты затем начинался пир, в котором прислуживали родственники жениха. Они трижды разносили в золотых, глиняных или деревянных сосудах вино, затем угощали салом, а под конец пили чай или молоко. После пира начинался обмен подарками. Жених предоставлял возможность отцу невесты

выбрать лучших из приведенных им лошадей, а взамен за каждую взятую лошадь получал одежду.

Если обе стороны высказывали удовлетворение, то жених оставался в доме невесты и трудился в нем три года, выполняя самую тяжелую работу. После этого он уводил невесту, в приданое которой отец выделял рабов и скот.

В бедных слоях чжурчженьского общества обряд значительно упрощался, к тому же не жених искал невесту, а, наоборот, невеста искала жениха. Родители бедной девушки «посылали ее ходить по дорогам, распевая песнь, в которой восхваляются прелести женщины и семейного быта: это намек на то, что она ищет дружка». Услышавший, если он намерен жениться и хочет взять невесту, ведет ее к себе и, по окончанию брачной церемонии, отправляется с девушкой в дом родителей, «чтобы они знали».

К моменту столкновения с киданями (начало X в.) чжурчженьское общество являлось классическим образцом первобытнообщинного строя. Каждое племя занимало строго определенную территорию и не находилось в зависимости от соседних родственных племен. Только во время опасности или совместных военных мероприятий несколько племен объединялось в союз для отражения или предупреждения нападения врага. Родовых или племенных вождей выбирали на общих собраниях, но со временем выборы превратились в формальный акт, пережиток старых времен, так как власть вождей в X—XI вв. стала наследственной. Она переходила от старшего брата к младшему, а после смерти последнего из братьев — к сыновьям старшего брата. Вожди стояли во главе родов, которые насчитывали от тысячи до нескольких тысяч человек.

В ранний период истории у чжурчженей отсутствовал налаженный и централизованный аппарат угнетения

и грабежа свободных общинников, членов рода. Так, отмечается, что они не платили в пользу родовой верхушки «определенных податей». Это не значит, однако, что члены рода вообще не предоставляли в распоряжение их плоды своего труда. Просто размеры податей не регламентировались. Их собирали столько, «сколько понадобится».

Пережитки родо-племенного строя и порядков военной демократии ярко проявляются при рассмотрении, например, хода военных совещаний, когда чжурчжени решали вопросы войны и мира, союза с соседями, разрабатывали военные операции и походы. Любой из членов рода мог свободно высказать здесь мнение по обсуждавшимся вопросам. Такие совещания являлись своего рода народным собранием равноправных мужчин-воинов. Вожди и полководцы спрашивали совета и выслушивали мнение рядовых членов рода и племени.

Даже некоторое время после образования Золотой империи (в 1115 г.) этот порядок оставался незыблемым. Когда решали какое-либо важное дело, то участники совещания выходили в поле, пировали, а затем очерчивали углем круг н, усевшись, начинали обсуждение. Первымн высказывались не начальники, а «низшие». Государь выслушивает проекты н выбирает тот, который ему нравнтся больше других. Интересно, что исполнителем выбранного проекта назначается тот, кто его выдвинул. Круг после окончания совещания уннчтожался, «чтоб никто не слыхал человеческого голоса», т. е., очевидно, чтобы враг не узнал о принятом решении и сведения о нем не вышли за пределы круга. При разборе планов принималось во вниманне, кто подавал его, «чтобы отцы и дети или братья, по частным привязанностям, не прикрывали друг друга».

Отношения между племенамн и отдельными членами рода регламентировалнсь неписаными, но строгимн

законами родового строя. Кровная месть — первый закон, регулирующий у чжурчженей взаимоотношения обиженного и обидчика.

Чжурчжень.
Стариный рисунок.

Между племенами существовали оживленные торговые связи, так как в XI в. некоторые из них специализировались на производстве определенных видов товара. Особым спросом пользовалось, например, оружие — мечи, стрелы, панцири и щиты, производить которые могли далеко не все. Среди чжурчженей славилось особое племя кузнецов, у которых все это можно было приобрести. Торговые связи осуществлялись с помощью прямого обмена одного товара на другой, так как деньги появляются у чжурчженей только в XI в. Отсутствовали также такие учреждения централизованного объединения, как постоялые дворы. Поэтому путешественники в страну чжурчженей каждый раз обращались в дом «хозяина», который после долгих препирательств все же пускал переночевать.

Чжурчжени разделялись на несколько племенных групп, известных под разными названиями.

Первые, более или менее подробные сведения об этих группах относятся ко времени возвышения граничившей с Китаем и чжурчженями империи Ляо, образованной киданями, народом, который считается предками монголов. Кидани начинают экспансию на юг, и перед

их натиском не мог устоять Китай. Недаром же они свою молодую империю называют «железной», «стальной», «непобедимой».

На востоке кидани в своем победоносном марше сталкиваются с чжурчженями. Они выделяют среди них прежде всего три большие группы в зависимости от степени подчинения империи киданей Ляо.

Киданьский император Амбагянь сразу оценил грозную опасность, которую представляли для Ляо новые противники. Разгромив Бохай[1], он предпринял ряд мер предосторожности на границах с чжурчженями. Характерно, что Амбагянь не рискнул сразу включить новые земли в свою империю, а создал в 926 г. особое буферное государство для управления бохайцами и чжурчженями. Трудно установить границы нового плацдарма для будущей войны на востоке, но из источников ясно, что, по крайней мере, чжурчженьские племена, жившие на реке Ялу, сохранили вначале полную независимость как от Корё, так и от Ляо.

Амбагянь, считая, что чжурчжени, несмотря на принятые меры, все же не преминут «производить беспорядки» на его границах, «завлек и переселил» несколько тысяч «наиболее знатных и сильных семейств» шести племен. «Тем самым он разделил силы (чжурчженей) и не давал им возможности соединиться». Это те чжурчжени, которые известны в истории как «покорные нюйчжи пяти провинций». Они находились в зависимости от киданей. Хотя «покорные нюйчжи» не платили дани, для управления ими посылался вождь. Во время военных действий они выставляли войска, а ко двору киданьского императора — прислугу. «Княжество покорных», кроме того, называлось «Образованные нюйчжи».

Вторая группа чжурчженей жила к северо-востоку

[1] Бохай — государство южных тунгусо-маньчжурских племен.

от первых вплоть до реки Сунгари. Кидани приписали их к округу и министерству, ведающим военными лошадьми. Степень зависимости этих чжурчженей от Ляо значительно меньшая, чем у «покорных». Племена группы не входили прямо в состав Ляоской империи, а только «приписывались» к одному из округов. Но главное заключалось в том, что кидани не смогли полностью прервать политические и экономические связи этих чжурчженей с основной, северной территорией расселения племен: «военное управление (Ляо) позволило поддерживать связь с (остальной) страной». Кидани, боясь усиления чжурчженей, прилагали массу усилий, чтобы на территорию «приписанных» не проникало железо, т. е. в первую очередь вооружение.

Здесь широко употреблялись наконечники, вырезанные из кости. Чжурчжени этой группы племен «не считались ни покорными, ни дикими» и назывались «желтоголовыми», поскольку у них «волосы на висках были желтыми... Все они имели желтые глаза с зелеными зрачками».

Третья группа племен чжурчженей наиболее многочисленна. Они жили «в своих коренных землях» к северо-востоку от рек Сунгари и Нонни. Согласно сведениям письменных источников количество их превышало сто тысяч. Они известны под названием «дикие нюйчжи». Племена «диких нюйчжи» полностью независимы от Ляо. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что вождей они выбирают сами.

Кроме того, выделяется еще группа племен, которая называлась «Нюйчжи Восточного моря». Они заселяли прибрежные районы Японского моря от границ Кореи и почти до среднего Амура. «Дикие нюйчжи» и «нюйчжи Восточного моря» являются теми племенными группами чжурчженей, которые расселялись на территории современного советского Приморья и Приамурья. Это и есть

восточно-приморские племена, одному из этапов истории которых посвящается дальнейший рассказ.

Каждая из перечисленных выше групп делилась на племена. Источники сохранили название части из них. Всего у чжурчженей насчитывалось 72 племени...

Я мог теперь конкретно, иногда до мельчайших деталей представить моего героя, среду, в которой он рос, воспитывался и жил, в какую одежду одевался, чем занимался, что он любил и кого ненавидел.

Но знаки «Великая Золотая» дали мне не только это, а позволили тут же очертить хронологические рамки периода, когда могли поставить памятник с черепахой в Уссурийске. Ведь название империи появляется после того, как чжурчжени сбросили иго киданей!

...В июле 1113 г. под ликующие крики толпы из пестрого цветного шатра ставки появился верховный вождь чжурчженей Агуда в окружении ближайших полководцев. Агуда вышел вперед, решительно отодвинув в сторону одетых в тяжелые панцири телохранителей, и поднял вверх обе руки, призывая к вниманию. Лицо его, озаренное вдохновением и энергией, было строгим и сосредоточенным. Опустились вниз поблескивающие на солнце стальные копья и широкие мечи, которыми приветствовали воины любимого вождя, стихли восторженные возгласы, и только шелестели боевые штандарты, да слышался глухой стук щитов о военную амуницию.

Все с напряженным вниманием ожидали начала речи Агуды. Что решили полководцы на военном совете? Долго ли придется терпеть чжурчженям притеснения киданей?

— Воины и народ! Будем ли мы сидеть сложа руки, когда нас угнетают? — начал Агуда. Конец последней

фразы вождя потонул в гуле возмущенных голосов.

— Мои предки,— продолжал он, обращаясь к небу,— верно служа Великому Ляо, усмиряли возмущения, производимые другими вождями. В этом наши заслуги! Но киданьский государь их не понимает и более прежнего грабит и притесняет нас. Несмотря на все наши просьбы, он не возвращает нам бунтовщика Асу из Приморской области. Вы слышали, что император теперь вновь поднимает войска из всех мест и приготовляется против нас? Но мы нападем на него прежде, чтобы не дать предупредить нас!

Чжурчженьский воин. Скульптура.

По рядам воинов вновь пронесся гул одобрения.

— Теперь мы идем требовать удовлетворения от Великого Ляо за его поступки по отношению к нам. Когда я вместе с вами вооружал войско,— продолжал Агуда, вытирая рукой бегущие по щекам слезы гнева и радости,— то это случилось потому, что жестокость и злоба Ляо стала невыносима! Теперь, когда их император идет на нас войной, как мы иначе будем сопротивляться, если наши воины не будут бороться до смерти?!

Агуда перестал говорить и энергично зашагал вдоль ряда копьеносцев, внимательно всматриваясь в их лица. Крепкие, сильные, молодые — цвет сильнейших чжур-

чженьских родов. Имеет ли он право бросать их на смерть? Вдруг поход окончится разгромом? Может, лучше во имя сохранения мира продолжать терпеть унижения?

Лицо Агуды вновь запылало гневом. Перед его глазами живо предстала картина ритуального пира киданьского императора Тяньцзо в прошлом году, на котором ели рыбу и пили вино.

В конце захмелевший государь стал заставлять вождей подвластных племен исполнять перед ним пляски. Танцевали все, но когда очередь дошла до посла чжурчженей Агуды, он наотрез отказался выполнить унизительную процедуру, «несмотря на неоднократные приглашения императора».

Какая неслыханная дерзость! Как потом рассказали Агуде, взбешенный император шепнул своему советнику Сифунсяну:

— Недавно за обедом я видел, что Агуда высок ростом и по осанке и движениям отличается от других. Под предлогом пограничных недоразумений я убью его! Если я этого не сделаю, то он потом доставит мне много хлопот.

Осторожный советник ответил, пытаясь успокоить разгневанного государя:

— Агуда по натуре неотесанный человек! Он не знает, как надо себя вести. Но если ты убьешь без достаточного повода, то я боюсь, что ты оскорбишь сердце народа, который его любит. Даже если он хочет тебе зла, что сможет он сделать против тебя?!

Агуда вспоминал все это, и внезапно мысль, что им руководит только жажда личной мести, обожгла его. Он быстро вернулся к толпе вождей племен и сердито бросил им в лицо:

— Вместо того, чтобы жертвовать своими воинами, лучше перебейте мой род и подчинитесь императору ки-

даней. Отвратите несчастье от себя и превратите его в счастье!

Но окрестности сотрясли возгласы:

— Пусть будет, что будет! Мы следуем велению Неба!

Агуда, сияя радостью, торжественно принял поднесенную ему одним из полководцев чашу с вином, затем, обратившись лицом к востоку, произнес молитву Небу и Земле, которую закончил так: «Ведите войска из всех племен!»

А через некоторое время, вручая каждому из вождей племен жезл и принимая клятву верности в борьбе, Агуда говорил:

Император чжурчженей. Старинный рисунок.

— Вы должны единодушно употребить все силы. Приобретшего заслуги, если он будет раб, сделаю свободным! Простолюдина сделаю чиновником, бывшего прежде чиновником возвышу чином. Я буду смотреть при этом на важность заслуги. Если же кто нарушит клятву, тот умрет под этим жезлом и ничего не остается в его доме!

Глубокой ночью, засыпав пограничный ров, войска Агуды выступили навстречу киданьской армии. Таинственный свет, брызнувший из-под ног воинов, осветил, по легенде, сабли и копья. Все приняли это за счастливый знак. Так началась киданьско-чжурчженьская вой-

на. А уже через год, наполненный непрекращающимися победами чжурчженей, Агуда, после настойчивых просьб приближенных, принял императорский титул и объявил о создании первого самостоятельного государства северных племен. Он назвал его «Великая Золотая империя» и при этом, согласно летописи, сказал следующее, объясняя, почему он выбрал именно это название:

— Великие Ляо назвали свое государство Бинте — Стальное. Хотя сталь и крепка, но с течением времени изменяется и становится ломкой. Одно только золото неизменно и не ломко. Цвет металла золота — белый, и наш народ ваньяньский (Ваньянь — род, из которого происходит Агуда.— **В. Л.**) белый цвет считает первым. Пусть наше государство называется Великим Золотым!

Это произошло в 1115 г. н. э. Значит, памятник в Уссурийске поставили только после 1115 г.

Вот сколько интересного стояло за двумя первыми знаками надписи на навершии!

Следующие три группы письмен, включающие соответственно шесть, три и еще раз три знака, представляли громкие военные титулы. Собственно перевод их, если уже разгаданы полустертые от времени знаки, не представляет больших трудностей — их вообще можно не переводить, учитывая сложность, а иногда и невозможность совмещения древних военных титулов с современными.

Так и поступали мои предшественники по переводу надписи, просто перечисляя их звучания, но не давая никаких комментариев и разъяснений.

Но я отказался от такого пути работы с надписью. Мне дорога каждая деталь, связанная с человеком, похороненным в Уссурийске, и если два первых знака при их детальном анализе дали столько интересного, то

сколько их может содержаться в титулах, присвоенных полководцу за заслуги!

Однако список почетных титулов оставался без расшифровки не случайно.

Основные, иногда почти непреодолимые трудности начинаются сразу, как только пытаешься комментировать значение титулов, перечисленных в навершии. Нет ничего сложнее, чем понять смысл, значение, истоки, историю и сделать точный перевод восточного титула в сравнении с современными званиями! Запутанная и сложная иерархическая лестница чиновных классов и степеней поистине головоломна. Тем не менее, чтобы двинуться вперед, надо не просто озвучить текст, но также по возможности уяснить значение титулов. Они могут подсказать положение умершего, круги общества, в которых он вращался, учреждения, где служил, раскрыть отношение к императору и его окружению. От последних исходило награждение подчиненных и повышение по службе.

Просмотр чжурчженьских летописей показал, что первое же в ряду титулов звание, которое совершенно условно можно перевести как генералиссимус, является одним из наиболее высоких и популярных в Золотой империи. Не так часто оно встречалось в биографиях знаменитых подвигами чжурчженьских военных деятелей. Его носили выдающиеся полководцы первых императоров чжурчженей, которые участвовали в войнах с киданями, а потом с китайцами, когда решалась судьба национальной самостоятельности северных тунгусо-маньчжурских племен. Почти все военачальники, участвовавшие в заключительной стадии борьбы с киданьским императором и поимке его на далеком Западе, получили при жизни или посмертно титул генералиссимуса.

Согласно разделу биографий «Истории Золотой империи», круг лиц, имевших этот титул за более чем сто-

летний период существования государства чжурчженей, крайне ограничен. В нем упоминается немногим более тридцати военных деятелей и членов императорской семьи (принцев), которые носили звание генералиссимуса. Следует при этом иметь в виду, что около десяти деятелей с таким титулом оказались, при ближайшем знакомстве с их биографиями, ничем не примечательными, кроме принадлежности к кругу ближайших родственников императора. Они — его сыновья! В «Истории Золотой империи» их биографиям отводится обычно несколько строчек, состоящих, в основном, из списка титулов. Такие деятели характерны для заключительного периода существования государства чжурчженей, перед тем как оно пало под ударами монгольских полчищ.

Следовательно, уже из первых беглых наблюдений о распространении титула генералиссимуса можно сделать вывод, что если бы в разделе биографий было лицо с титулами, перечисленными на навершии, то такого деятеля, которому поставили памятник с большой биографией на стеле, следовало искать среди не более чем двадцати знаменитых чжурчженей, удостоенных чести быть занесенными на страницы истории империи.

Пытаюсь восстановить историю титула генералиссимуса и смысл его составных частей.

Сначала выясняется, что генералиссимус — чисто военный титул первого ранга, один из старейших военных титулов на Востоке. О значительном весе, который со временем приобретает титул, свидетельствует факт, что его имеют даже премьер-министры при дворе императора!

Кто же такие генералиссимусы в системе высших чинов при императорском дворе? Согласно летописным сведениям, ближайшее окружение императора составляли

8 политических деятелей, которые имели громкий титул «опора государства». Его имели премьер-министры и другие лидеры, выполняющие важные обязанности при дворе императора. Шесть из чиновников со званием «опоры государства» командовали двумя «великими генералами» каждый. Последние, которых при дворе насчитывалось 12 человек, руководили специальными отрядами, основная задача которых заключалась в охране и защите императора.

«Великие генералы» являлись, таким образом, начальниками личной охраны императора, императорской гвардии. Они занимали настолько высокое положение при дворе, что летописцы записывали биографии каждого из них.

Стоящие ниже по лестнице званий имеют непосредственное отношение к титулам на навершии и поэтому представляют особый интерес Под непосредственным начальством «великих генералов» находились по два командира подразделений, которые назывались так же, как звучала первая из трех составных частей титула генералиссимус. 24 командира подразделений командовали отрядами войск личной охраны императора.

Командиры подразделений являлись в свою очередь начальниками над двумя офицерами, которые командовали двумя группами в каждом из подразделений. Эти офицеры назывались так же, как вторая составная часть титула генералиссимус. Их насчитывалось в императорской гвардии 48 человек. Каждая из групп, возглавляемая двумя такими офицерами, сохраняла полную автономию — «они управлялись и руководились сами собой».

Далее в летописи сообщалось, что члены отрядов «не вели списков дворов» или «не имели записей семей», т. е. являлись, по-видимому, профессиональными военными. Администрация двора снабжала солдат и офице-

ров отрядов вооружением, которое состояло из длинных пик, копий с крючьями для стаскивания всадников, седел, сабель и арбалетов. Солдаты несли службу в воротах дворца и внутри его на лестницах.

Отряды регулярно сменялись во дворце после пятнадцати дней караула. Каждый месяц солдатам личной охраны императора устраивался смотр. Во время войны императорская охранная гвардия участвовала в битвах наряду с остальной армией, выполняя, очевидно, особо ответственные поручения.

Таким образом, две составные части первого титула навершия являются военными чинами командиров подразделений охраны дворца императора. Разумеется, вывод этот совсем не означал, что человек, похороненный в Уссурийске, представлял собой офицера из охраны чжурчженьского императора. Дело в том, что смысл титула генералиссимус с течением времени эволюционировал. Отдельные его составные части постепенно лишались конкретного содержания. В XI—XII в. н. э. этот титул превратился в почетный ранг. Но как бы то ни было, титул этот является показателем близости к императору и больших заслуг в битвах, где решались судьбы империи.

Об этом свидетельствует также третья составная часть титула,— которая в переводе означала «три правления». Она не имеет отношения к охранной гвардии императора. В XI—XII вв. н. э. «три правления» представляли собой одно из важнейших правительственных учреждений — финансовую комиссию, которая играла настолько важную роль в политической, экономической и военной жизни страны, что постоянно находилась под непосредственным наблюдением самого императора. Чтобы представить место финансовой комиссии в государственном аппарате, следует хотя бы вкратце остановиться на схеме правительственных учреждений.

Правительство возглавлялось императором. Деятельность центральных учреждений концентрировалась в трех сферах — военной, экономической и обычной администрации. Военная и гражданская администрация возглавлялась «бюро военных действий и секретариат-канцелярией». Оба эти учреждения назывались «два правления». Третья, экономическая администрация как раз и относилась к «трем правлениям», т. е. к финансовой комиссии. Ей подчинялись чиновники финансовых учреждений, строительства, военного снабжения, а также природных ресурсов.

Положение «трех правлений» среди остальных учреждений особое, отличное от других. Глава «трех правлений», несмотря на то, что являлся «отчетным советником», не имел права заседать в государственном совете. Он находился под личным контролем императора. Это свидетельствует о ключевом значении финансовой комиссии среди других административных учреждений государства.

Такое отношение к «трем правлениям» не случайно. Ее отделы охватывают ряд важных экономических и административных отраслей империи. В финансовой комиссии выделяются три «главных министерства» — соли и железа, денежных средств и переписи. Вследствие наличия в комиссии трех «министерств» она и называется «три правления» (т. е. буквально — три отдела).

Во главе каждого из них стоял особый чиновник. Иногда, однако, все «три министерства» подчинялись одному начальнику, специальному финансовому уполномоченному, который имел заместителей в каждом из «министерств» — соли и железа, денежных средств и переписи.

Особое внимание правительства и императора уделялось отделу или министерству денежных средств. Сюда подбирались чиновники, которым доверяли финансовые

и экономические операции. Император, кроме того, назначал чиновников высокого ранга для контроля над денежными средствами, в особенности в местных провинциальных учреждениях.

Сферы деятельности «трех правлений» разделялись следующим образом: отдел соли и железа организовывал эксплуатацию естественных ресурсов страны, ведал речными коммуникациями, надзором над торговлей и акцизным управлением. Он занимался также снабжением армии. Отдел денежных средств или фондов ведал подготовкой и сведением баланса правительственного бюджета, заботился о сборе и распределении денежных средств и продуктов производства, предназначенных для государственного использования. Внутри каждого из «трех правлений», вследствие разносторонней деятельности каждого из них, образовывалось от пяти до девяти контор, которые ведали определенной сферой работы.

Таким образом, «три правления» представляли собой учреждение, напоминающее министерство финансов. Кроме сфер деятельности, традиционно принадлежащих ему, оно ведало некоторыми ключевыми позициями, которые ранее относились к другим министерствам. Так, «три правления» руководили арсеналами, принадлежавшими прежде министерству военного снабжения. Они контролировали, вместо министерства строительства, плотничьи работы и добычу соли.

Итак, титул генералиссимус составлен из трех частей. Две первые части образованы из званий начальников подразделений и отрядов императорской охранной гвардии. Третья часть титула, «три правления» свидетельствует о первоначальном отношении деятелей, которые носили звание генералиссимуса, к финансовой комиссии.

Как указывалось выше, этот титул являлся в основном привилегией военных. Что касается значения пер-

вых двух частей, то это положение теперь определено и не вызывает сомнений и противоречий. После анализа назначения «трех правлений» можно сделать вывод о том, что и третья составная часть титула также должна указывать на военную профессию деятеля, который носил ее. Как установлено выше, в ведение «трех правлений», помимо прямых функций финансово-экономического характера, входило снабжение армии снаряжением и арсеналы. Поэтому титул генералиссимуса присваивался не только военачальникам охранной гвардии императора и руководителям армии, но также начальникам крупных обозных отрядов, снабжающих армию оружием и продовольствием. Эти отряды снаряжались, по-видимому, одним или двумя отделами «трех правлений» — соли и железа, а также, вероятно, денежных средств.

В титуле генералиссимуса объединились, таким образом, понятия, связанные с защитой священной особы императора и экономической мощи государства, хотя конкретное значение каждой из трех составных частей его ко времени средневековья, очевидно, полностью потерялось. Человек, который носил этот титул, мог и не быть начальником подразделений телохранителей императора или служащим финансовой комиссии. Но каждая из составленных частей его почетного титула гласила о больших заслугах перед императором и государством.

Генералиссимус является титулом первого ранга. Каждый, кто носил такое звание, имел большой дворец с залом для заседаний. В его подчинении находилась группа чиновников. Одно время этот титул могли носить только три высших чиновника империи. Обладателя его можно было узнать по одежде. Он носил шелковый халат фиолетового цвета, имел памятную из слоновой кости дощечку, на которой с одной стороны заносил свой доклад императору, а на обратной стороне — его распо-

ряжения. Халат перепоясывался дорогим поясом с нашитыми на него нефритовыми и золотыми привесками в форме рыбок.

Я не надеялся, разгадывая значения составных частей титула, получить ответ на главный вопрос — какое имя у похороненного, но тем не менее мог теперь уяснить его положение при дворе и даже представить, как он мог выглядеть во время парадных приемов или аудиенции у императора. Время, ушедшее на поиски сведений, которые помогли расшифровать значение одного из самых загадочных титулов навершия, оказалось потраченным не напрасно.

Что дадут остальные титулы? Возможно, они еще точнее очертят круг лиц, которым могли поставить торжественный памятник на берегу Суйфуна!

Поэтому понятно мое нетерпение и желание как можно скорее разобраться во втором титуле, следующим за генералиссимусом. Наконец прочитан и он: «князь области Золотые ключи». К нему добавлены еще два знака, обозначающие эпитеты к слову князь.

Сразу же выяснилось, что титул относится к чисто национальным чжурчжэньским военным званиям и ни в одной из стран Востока за многие столетия более не встречается. Он появляется вместе с рождением Золотой империи чжурчжэней. Титул «князь области Золотые ключи» присваивался обычно князьям из ближайшего окружения императора или руководителям наиболее сильных чжурчжэньских племен. «Князь области Золотые ключи» является высоким и одним из самых почетных титулов в армии чжурчжэней. Он, вероятно, появился в списке чинов еще до образования империи, потому что его имели видные полководцы, участвовавшие в разгроме Кореи и в начальный период борьбы с киданями. В отделе биографий «Истории Золотой империи» имеется около десятка деятелей, которые имели титул «князь

области Золотые ключи». Его носили также известные полководцы, как Шитумынь, Сагай, Сибуши, Эсыкуй, Думу, Сиинь и ряд других.

Любопытна история возникновения титула. Знаки, составляющие его, легко переводятся. «Золотые ключи» или «Золотые реки» есть не что иное, как современная река Альчук (Золотая). В бассейне реки Золотые ключи издавна добывали в большом количестве драгоценные металлы — золото и серебро. Что касается чжурчженей, то не этим славны для них Золотые ключи. Бассейн реки Альчук, по преданиям, является местом, где издавна жили предки чжурчженьских императоров, могущественные князья легендарного племени Ваньянь! Чжурчжени благоговели перед священными землями предков. В период расцвета Золотой империи в землях Золотых ключей располагалась одна из центральных провинций чжурчженьского государства с главной столицей империи, которую называли Верхней. Она располагалась где-то в районе современного города Нингуты.

Носить титул, в название которого входили знаки, обозначающие родину царствующего рода, было, очевидно, очень почетно. Если сам по себе титул дал мало нового для характеристики князя из Уссурийска (он только снова подтвердил, что это лицо происходило из ближайшего окружения императора или правящего рода), то знаки, поставленные между словами «область Золотых ключей» и словом «князь», порадовали меня значительно больше.

У некоторых полководцев, имеющих титул «князь области Золотые ключи», перед словом «князь» ставились знаки, которые давали характеристику ему как человеку. Несмотря на отчасти условный и слишком общий характер, они все же в какой-то мере помогали представить облик его в оценке современников. Всего два

знака выбито на навершии, но я постарался, расшифровывая их, выписать все значения, связанные с ними. Еще бы! Они приподнимали завесу над характером и способностями полководца, разгадать судьбу и жизненный путь которого я стремился. Значения первого знака «проницательный, умный, просвещенный», второго — «храбрый, решительный, мужественный, непоколебимый, твердый».

Вот какой он, князь из Уссурийска!

Мало? Но это лучше, чем ничего! Я старался представить его готовящимся к приему у императора, когда, облачившись в парадный халат из фиолетового шелка и надев нефритовый пояс, он обдумывал в последний раз, перед тем как отправиться во дворец, доклад владыке. Все ли записано на костяной дощечке? Конечно же, недаром он носит громкие титулы: император ценит его как умного и образованного приближенного, который умеет вовремя заметить недостатки в делах империи и наметить пути их устранения. Он ценный советник не только в мирное время. Отряды под его руководством не знают поражений в ожесточенных битвах с врагами. Мягкий и внимательный к своим приближенным и штату чиновников, когда они вместе разбирают в зале заседаний дворца очередные дела, князь отличался завидным упорством и смелостью в бою. Его приказы беспрекословно выполняются воинами. Они знают, что принятое князем решение единственно верное. Оно принесет им победу.

Тверда рука, обхватывавшая тяжелый меч, непоколебима вера его в победу, быстры, решительны и четки указания... Но кто же он?

Я подошел теперь к самому главному. Вслед за последним титулом по традиционной схеме расположения письмен и составных частей надписи должны следовать три знака, которые обозначают то, ради чего проделана

вся предварительная работа — имя полководца. Стоит зазвучать этим трем знакам, и оживет варварски уничтоженный на стеле текст биографии вождя. Конечно же, человеку, имеющему такие громкие титулы, которому благодарные родичи соорудили пышный погребальный комплекс, должны оставить место в разделе биографий летописи «Истории Золотой империи»! Нужно знать только имя.

И вот здесь-то и случилось то, что превратило желанный ключ к тайне хабаровской черепахи... в новую загадку!

Предпоследняя группа знаков, как выяснилось через некоторое время, представляла собой вопреки традиционным правилам не имя погребенного, а сочетание, обозначающее принадлежность умершего к одному из чжурчженьских родов. Много раз я вновь и вновь обращался к письменам, надеясь, что неправильно интерпретирую начертания древних знаков, но в конце концов убедился — ошибки нет. На том месте, где я надеялся найти имя, стояли необыкновенно сложные и замысловатые по начертаниям письмена, в переводе звучащие так: «Князь Ваньяньский».

После двух знаков «Великая Золотая» новое сочетание письмен не могло, конечно, не взволновать. Князь, похороненный под хабаровской черепахой, оказался не простым полководцем или вождем одного из семидесяти двух известных по чжурчженьским летописям племен, а прямым родственником императорского двора! Род Ваньянь — правящий род Золотой империи. Из него происходят все чжурчженьские императоры, начиная с Агуды и до покончившего жизнь самоубийством Нингясу.

Более того, почти столетняя кровавая борьба за объединение чжурчженьских племен в единое государство связана с именем Ваньянь. Это его энергичные вожди,

начиная с Ханьпу и кончая Уясу, прямого предшественника первого чжурчженьского императора и создателя Золотой империи Агуды, приложили много военных усилий и дипломатической изворотливости, чтобы объединить в единый кулак и подчинить одной воле раздробленные, а оттого слабые и беспомощные перед могущественными соседями тунгусо-маньчжурские племена. Значит, «хозяин» хабаровской черепахи являлся князем одного из самых могущественных чжурчженьских племен — Ваньянь, а следовательно, он близок императору или даже являлся членом его семьи.

Но кто он? За более чем столетний период существования Золотой империи род Ваньянь дал чжурчженьскому государству многие сотни выдающихся деятелей, известных далеко за пределами страны «северных иноземцев». Кому из них отдать предпочтение? Самый простой и естественный выход из создавшегося положения — попытаться найти в летописях князя из рода Ваньянь, который обладал титулами, выбитыми на навершии. Но в том-то и заключалась вся сложность, что стоило мне обратиться к разделу биографий «Истории Золотой империи», где я надеялся без особых трудностей найти этого князя, как выяснилось, что там нет такого лица.

В конце каждой биографии наиболее примечательных деятелей чжурчженей обычно перечислялись титулы, которыми их награждали не только при жизни, но даже после смерти. Какие только почетные звания в самых разнообразных и неожиданных сочетаниях здесь не встречались! Все было, кроме одного,— среди ваньяньских князей не оказалось того, кто имел титулы, выбитые на навершии.

Впрочем, несколько ваньяньских полководцев носили громкий титул генералиссимуса или «князь области Золотые ключи», некоторые из них имели даже оба титу-

ла, но ни один из них не являлся «умно-храбрым князем»!

Я много раз просматривал биографии, выписывал строчки, где шла речь о присуждении званий, составлял карточки фамилий ваньяньских князей, имевших нужные титулы в разных их сочетаниях. Под конец я отобрал немного более двадцати полководцев, с наиболее близкими к надписи на памятнике сочетаниями званий. Но при ближайшем знакомстве с биографиями оказалось, что большинство «самых надежных» претендентов или бесцветные личности, биографии которых не содержали рассказов о выдающихся деяниях (это в большинстве сыновья или ближайшие родственники императоров заключительного периода истории Золотой империи), или они не имели отношения к восточным приморским провинциям чжурчженьского государства.

Создалась невероятная ситуация — по всем признакам лицо, обладающее такими громкими титулами, обязательно должно встретиться в разделе биографий «Истории Золотой империи», в то же время, если искать его, опираясь только на титулы, оно несомненно там отсутствовало!

Возможно, что при розысках среди биографий найдется жизнеописание такого князя, которое будет устраивать меня по всем данным, кроме титулов. Но как объяснить несовпадение титулов в его биографии со списком званий, выбитых на навершии? Попробуйте найти биографию полководца, жизнь которого даже при несовпадении его титулов со списком званий на навершии тем не менее ни у кого, даже у самого дотошного и придирчивого критика, не оставит ни малейшего сомнения в том, что именно его похоронили в Уссурийске.

Нелегкая задача!

Правда, для спасения такого предположения можно в крайнем случае привлечь данные летописи о знамени-

том указе узурпатора Дигуная, по которому все умершие князья первой степени понижались в рангах, а звания их вычеркивались в государственных бумагах. Несовпадения тогда окажутся естественными. Но как доказать, что памятник поставлен до появления в свет указа Дигуная?

Я снова оказался в тупике, когда, казалось, самые значительные трудности уже удалось преодолеть. Кому же все-таки поставлен памятник с надписью?

Теперь стала понятна неясность определения Палладия Кафарова в его первом пробном переводе текста навершия. Именно из-за этого же до обидного туманного и неопределенного «господина Ваньянь» он сразу не сообщил в Географическое общество имени лица, в честь которого поставили памятник, а только ограничился предположением, что он принадлежал «лицу знатнейших чжурчженьских фамилий или даже из династии Золотая, жившему в начале XIII в.». Вероятно, по той же причине, Васильев не ответил Буссе на главный вопрос его письма — кому поставлен памятник?

Нужно попробовать решить неожиданно возникшую проблему иначе. Если нет имени, то нужно попытаться проследить как можно подробнее историю племени Ваньянь. Прежде всего нужно выяснить, откуда и как появились ваньяньцы в Маньчжурии, были ли они в Приморье и, главное, верно или нет, что первые выходцы рода Ваньянь происходят из Кореи, а их прародитель вождь Ханьпу является корейцем, как утверждали некоторые исследователи.

Снова поиски в книгах. В итоге выясняются интереснейшие страницы из ранней истории Золотой империи. Ее истоки уходят к началу X века нашей эры и связаны с трагическими событиями, развернувшимися в пограничных с государствами Корё (Корея), Бохай и Ляо районах в первые три десятилетия этого века.

Это время расцвета граничившей с Китаем империи Ляо, народ которой назывался киданями. Разгромив многотысячные армии китайского императора, кидаии начали неудержимый и стремительный, как вихрь, марш на восток.

Прежде всего они обрушились против государства Бохай, «страны просвещениых и ученых». За исходом короткой кровавой схватки с напряженным вниманием следили соседи, очередные жертвы захватчиков — чжурчженьские племенные объединения бассейиа Ялу и государство Корё. Войска государства Бохай оказались бессильными остановить полчища киданей. Один за другим сдавались города и уничтожались крепости.

Император киданей Амбагянь объявил в начале 925 г. н. э.: «...с государством Бохай существует вражда в течение нескольких поколений, за которую еще не отмщено! Разве это порядок?» После этого принесли в День черного тигра жертвы серым быком и белой лошадью, и главные силы киданей во главе с Амбагяием выступили против императора Бохая. Конница киданей окружила последнее прибежище императора. Наступил торжественный момент «отмщеиия». Бохайский император запросил мира и вышел за пределы крепостных стен одетым в белые одежды и перевязанным веревками. На привязи за иим плелись баран, символ покорности, и триста приближенных... Амбагянь приветствовал сдавшегося на милость победителей главу некогда могущественного государства, развязал веревки и присвоил ему титул «наместника государства Бохай».

Кидани через некоторое время на месте Бохая создают марионеточное государство. Особые хлопоты и неприятности причиняют им чжурчженьские племена, не желающие подчиияться. Именно тогда «второй министр правой стороны» разрабатывает для Амбагяня проект приведения в покорность чжурчженей путем разобщения

их и переселения наиболее влиятельных и сильных племен. Среди последних находились племена вождей Ханьпу, Баохоли и Агуная.

Таким образом, после капитуляции Бохая чжурчжени южных районов Маньчжурии в своей борьбе за независимость столкнулись лицом к лицу с сильным и коварным врагом. Речь теперь шла о том, чтобы собственными силами отстаивать независимость родины. Никогда еще враг не стоял так близко к границам земель, издавна населенных чжурчженями. Политическая обстановка и соотношение сил оказались тем более критическими и крайне неблагоприятными для чжурчженей из-за своеобразной политики корейцев. Чжурчжени всегда поддерживали их при отражении непрекращающихся попыток вмешательства и агрессии со стороны Срединной империи. Теперь же, вместо того, чтобы помочь чжурчженям в их борьбе с Ляо, они решили, воспользовавшись нажимом киданей на племена, проживающие на реке Ялу, ударить по ним с тыла и захватить земли своих старых союзников. Правители государства Корё не понимали, какую страшную угрозу для их страны представляли полчища киданей.

Чжурчжени на Ялу оказались между двух огней. На западе участились стычки с киданями, в то же время на востоке за рекой Ялу корейцы неприкрыто вели подготовку к войне с целью отторжения земель.

С этими-то событиями и связано переселение ряда чжурчженьских племен из района постоянных столкновений и борьбы в бассейне Ялу в более спокойные центральные районы Маньчжурии и северо-восточные приморские области. Среди них особо выдающуюся роль в последующей истории чжурчженей сыграло племя братьев Ханьпу и Баохоли, которые считались потом предками правящего дома Золотой империи.

Переселение их произошло, по-видимому, или между

983—993 гг., в период особеиио ожесточениой борьбы чжурчжеией с корейцами, или, что более вероятно, в двадцатые годы X века, в период первых столкиовеиий чжурчженьских племеи с Ляо. Прародители правящего дома Золотой империи входили в ту самую группу «сильных семей» чжурчженей, которых «заманил» император кидаией Амбагянь и, поселив иа юге Маньчжурии, назвал «покориыми».

Но не все, как выясияется, подчинились приказу Амбагяня, Хаиьпу и Баохоли увели свои племена на северо-запад и северо-восток. В среде «покорных» шести племеи остался только их старший брат Агунай.

В связи с этим решается принципиальный вопрос о национальной принадлежности трех братьев. Чужестранцы ли племена, оказавшиеся в центре Маньчжурии и Приморья? Нет, поскольку Ханьпу и Баохоли вожди не корейских, а чжурчженьских племен. Невероятно к тому же, чтобы в период иапряжеиных отиошеиий чжурчженей с корейцами какое-то из племен последних осмелилось переселиться в райоиы, заиятые их врагами. Его бы сразу же уничтожили.

Ханьпу и Баохоли, несомнеино, являлись чжурчженями-беженцами с территории, которая на многие годы становится яблоком раздора между кидаиями, чжурчжеиями и корейцами. Они лучше, чем кто-либо в среде «диких июйчжи», представляли страшную опасность, которая подстерегала в ближайшем будущем чжурчженей со стороиы Ляо и Корё. Сплочеиность — единствениое, что их могло спасти. Вряд ли поэтому является случайным факт, что трудиый и мучительный процесс объедииеиия чжурчженьских племеи возглавили изгиаиники с Ялу и их потомки из рода Ваньянь.

Таким образом, около 927 г. Ханьпу и Баохоли переселяются в новые места. Первый доходит до рек Пухаль и Бухори и располагается в землях, соседних с

племенем Ваньянь. Географически место это наиболее выгодное для защиты от корейцев и киданей — оно прикрыто труднопроходимыми горами от Корё и Ляодуна. В еще более отдаленные и безопасные места уходит племя Баохоли.

Новых переселенцев встретили неприветливо. Через некоторое время, однако, аборигены племени Ваньянь выступают инициаторами переговоров. Посол Ваньянь, ради прекращения вражды, призывает Ханьпу породниться и объединить оба племени. Ханьпу соглашается и со своей стороны, во избежание кровной мести при убийствах, предлагает на переговорах вождю Ваньянь обиженным «давать возмещение имуществом» и уничтожать непосредственного убийцу, виновника раздоров. Вождь племени Ваньянь принимает это условие, и Ханьпу, по обычаю обменявшись с ним черными быками, женится на 60-летней женщине, получив в приданое ее пахотные земли и имущество. Новое племенное объединение приняло название Ваньянь, поскольку счет родства потомков у чжурчженей велся по материнской линии.

Когда впоследствии род Ваньянь стал во главе государства чжурчженей, его потомки разделились на две категории — более близкие правящему дому (потомки прародителя Ханьпу), непосредственно породнившиеся некогда с Ваньянь, и более дальние (потомки Баохоли и Агуная), с племенем Ваньянь непосредственного родства не имевшие.

К какой из них принадлежал князь, похороненный в Уссурийске, оставалось, однако, неизвестным.

Но ведь на навершии есть еще одна группа знаков, которыми завершается надпись. Не поможет ли она?

Три последних знака в надписи оказались традиционными для заголовков надмогильных эпитафий, но перевод их не так прост, как кажется с первого взгляда. Большинство переводчиков отказывается дать точное

значение этого сочетания знаков, оставляя от них только слово «памятник»: «Сей памятник поставляется на священной дороге» — переводит один; «славных заслуг памятник» — второй; «могильный памятник» — третий.

Основные трудности переводчиков заключались, таким образом, в истолковании значения двух знаков, предшествующих слову «памятник». Ключ к разгадке сочетания лежит в правильном истолковании среднего из трех знаков, в переводе означающем «путь», «дорога». Буквальное истолкование его как «дорога» неправильно хотя бы потому, что в итоге получается, что уссурийский памятник поставили на никому неведомой «священной дороге». Если вспомнить, что концовка из трех знаков является традиционной, то значит все надмогильные памятники ставили на «священных дорогах»!

Никто, однако, не мог объяснить, что представляют собой «священные дороги». А между тем разгадка трудностей перевода заключается в том, что слово «путь» в надписях на памятниках употребляется, вероятно, не в конкретном его значении, а в философском смысле — судьба, жизнь, жизненный путь, бытие, материя. Очевидно, основная трудность при переводе сочетания знака со словом «путь» будет заключаться в правильном толковании его емкого философского понятия, над раскрытием смысла и значения которого ведут споры философы. В данном случае, поскольку речь идет о памятнике с жизнеописанием умершего, «путь» следует, очевидно, переводить так: «жизненный путь», «жизнь».

Поэтому концовка эпитафии на навершии должна означать нечто вроде: «памятник удивительного жизненного пути», «памятник изумительной жизни», «памятник непостижимых деяний», «памятник божественной судьбы».

Такое толкование заключительной части эпитафии, пожалуй, не только наиболее верно отражает значение

традиционной формулы надмогильных надписей, но также в какой-то мере раскрывает мировоззрение человека, похороненного под черепахой.

Мне казалось не случайным употребление в тексте навершия слова «путь». От чего зависит различие концовок в традиционном и раз навсегда данном сочетании знаков? Можно, например, предположить, что памятники с надписями, где на камне выбито загадочное «путь», ставились приверженцам одной из величайших религиозных систем Восточной Азии — даосизма. Ведь «путь», этапы развития всего существующего в мире,— центральное звено философии даосизма.

Но достаточно! Сколько бы я ни напрягал воображение, все равно невозможно восстановить по двадцати полустертым знакам того, что было написано сотнями значков на уничтоженной стеле. Никто не поверит фантазиям, как бы красочны и правдоподобны они ни казались.

Если хочешь основываться только на фактах, говорил я себе, то после расшифровки надписи на навершии можно, критически все взвесив, сказать уверенно только следующее: текст надписи полностью можно перевести в несколько вольной интерпретации так: «Памятник изумительной жизни просвещенного и мужественного князя ваньяньского Великой Золотой империи, имеющего титулы генералиссимуса, князя области Золотые ключи».

Можно определенно сказать, что памятник с хабаровской черепахой относится не к бохайскому времени, как думали раньше некоторые исследователи, а к эпохе Золотой империи. Это значит, что его могли поставить только в промежутке лет, ограниченных 1115 и 1234 годами, когда существовала Золотая империя. Под черепахой покоился прах чжурчженьского полководца, происходившего из правящего рода Ваньянь.

Потомки ценили князя как просвещенного правителя и смелого воина. Заслуги его перед чжурчженьским государством велики. Об этом свидетельствует как факт установки в его честь грандиозного памятника, так и высшие военные титулы, выбитые на навершии с извивающимися драконами.

Кажется, теперь из чудом уцелевшей, много раз терявшейся плиты, судьба которой сама по себе интересна и удивительна, «выжато» все, что она может дать. Но мои надежды, что найдутся какие-то намеки на главное — имя князя — к великому огорчению так и не оправдались. Вероятно, теперь все возможные пути к разгадке судьбы памятника отрезаны навсегда?

Я снова отложил собранные материалы, не надеясь когда-либо вернуться к ним. Но за годы размышлений и поисков, которые принесли столько радостей и в то же время разочарований, я настолько сжился с каменной черепахой, что уже не мог не думать о ней.

Одна комбинация возможных путей и направлений дальнейших поисков продолжала сменять другую.

Глава VII
ИСТОРИЯ СТРАНЫ МЕРТВЫХ ГОРОДОВ

Валу—строитель городов в Приморье. Родственники Агуды в верховьях Уссури. „Мудрый Шилу" и первый поход в Приморье. Чжилихай устанавливает связь с „родственным государством". Хэлибо — гость приморских ваньяньцев. Союзники по борьбе. Бунт вождя Люкэ. Агуда: „Потерять Приморье—значит потерять все". Война с Корё. Агуда встречается в Приморье с Шитумынем. Могучий Шитумынь" — хозяин хабаровской черепахи?

Однажды, в свободное от обычных занятий время, я в который уже раз просматривал конспекты, переводы, карты и чертежи. Где та ниточка, которую надо потянуть,

чтобы распутать невероятно сложный узел вопросов и загадок?

Бесполезно искать ответ в работах, посвященных средневековой истории Приморья. Ни в одной из них не упоминаются конкретные вожди племен или полководцы, связанные с Приморьем важными историческими событиями. И вот теперь, сопоставляя старые карты расположения древностей около Уссурийска, вычерченные Флоренским, Кафаровым, Буссе и Федоровым, неожиданно обращаю внимание на особенность, которая раньше почему-то ускользала от внимания. Могильный памятник с хабаровской черепахой располагается между двумя древними крепостями — Фурданью и «Станом чжурчженей». Расстояние между двумя крепостями незначительно.

Кому это понадобилось строить одну крепость рядом со второй, когда можно с успехом использовать древние крепостные валы? Но если они существовали одновременно, не правильно ли будет предположить, что один из городов — осажденный, а второй — укрепление, в котором жили осаждавшие?!

Предположение оправданное, если бы удалось найти в летописях свидетельства постройки в Приморье одного города против другого. Но имеются ли они в действительности?

Как это ни удивительно, но в первой же главе «Истории Золотой империи» оказалось краткое сообщение об ожесточенной войне на территории Приморья между чжурчженями и корейцами. Последние в самом начале XII в. н. э. вторглись на территорию Приморья и, чтобы закрепить за собой захваченные у чжурчженей земли, построили 9 городов и крепостей. Чжурчжени; однако, не смирились с потерей своих земель. Они выступили против корейцев с большой армией, против каждой из девяти крепостей врага построили девять своих укреп-

лений и начали осаду. Она закончилась поражением корейцев и изгнанием их за пределы страны чжурчженей.

Самое важное заключалось в том, что в летописи сохранилось имя полководца, который руководил постройкой чжурчженьских городов и осадой корейских крепостей. Его звали Валу. Он происходил из рода Ваньянь и был двоюродным братом первого императора чжурчженей Агуды.

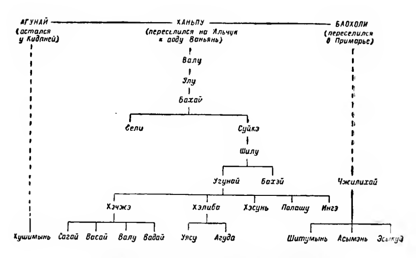
Не Валу ли, строитель городов в Приморье, похоронен около одной из крепостей, выстроенных на Суйфуне?

В разделе биографий «Истории Золотой империи» сохранилось большое жизнеописание полководца Валу. Все, казалось, подтверждало мое предположение, кроме одного: прогнав врагов, Валу покинул Приморье. Он затем воевал с киданями, участвовал в поимке последнего киданьского императора, но о том, что он вернулся на реку Суйфун, не сообщалось. Может, просто пропуск в сведениях летописи?

Нет, неубедительно!

В таком случае необходимо разыскать в летописях факты о всех вождях и полководцах, которые принимали участие в войне с Кореей вместе с Валу. Сведения, полученные в результате новых изысканий, неожиданно оказались настолько обильными и интересными, что позволили восстановить в общих чертах средневековую историю Приморья более чем за сотню лет.

Самым главным итогом поисков было то, что, как выяснилось, Баохоли, родной брат Ханьпу, переселился не куда-нибудь, а в Приморье! Область Елань, где действуют затем его потомки Шитумынь, Чжилихай, Асымэнь и Маньдухе, оказывается, располагалась на территории Приморья (верховья Уссури). Удалось выяснить также названия других чжурчженьских племен, населявших Приморье, имена их вождей и характер взаимоотношений с еланьскими ваньяньцами.

Родословная чжурчженьских вождей рода Ваньянь.

Не менее интересные сведения принесло описание политики вождей племени Ваньянь, потомков ханьпу, которые взяли на себя миссию объединения чжурчженьских племен в единое целое. Начиная с Шилу и вплоть до знаменитого Агуды, нет почти ни одного вождя Ваньянь, который не уделял бы особого внимания приморским чжурчженьским племенам из Елани и Хэлани. Забытая история страны мертвых городов с каждой строчкой прочитанных текстов раскрывалась во всей сложности трагических событий... Среди ее действующих лиц я искал «хозяина» хабаровской черепахи.

С приходом к власти вождя Ваньянь Шилу (первые десятилетия XI в.) начинается новый этап в истории чжурчженьских племен. С его именем связывается начало борьбы за создание нового «варварского» государственного образования северных тунгусо-маньчжурских

народов. Необходимость образования единого племенного союза чжурчженей диктовалась политической обстановкой: только что произошло примирение Ляо и Корё за счет интересов чжурчженей.

В условиях непрерывных попыток Ляо и Корё захватить территорию чжурчженей в Маньчжурии и Приморье сохранить политическую независимость можно было только при объединении разрозненных племен в мощный племенной союз, подчиненный единому руководству. В такие ответственные для судеб народов моменты истории на арену политической борьбы выдвигаются личности, которые способны не только правильно оценить обстановку и наметить главную цель, но и найти в себе достаточно мужества сломать освященные вековыми традициями старые порядки.

Начало неотвратимому историческому процессу консолидации чжурчженей как раз и положил ваньяньский вождь Шилу, человек «прямого и решительного характера». Он первым из родоплеменных вождей Ваньянь попытался «постепенно» ввести «законы и распоряжения» сначала среди соплеменников, а затем у остальных чжурчженей.

«Законы и распоряжения» Шилу вызывают возмущение в его ближайшем окружении. Его не поддерживает даже племя отца, а братья умершего предшественника Шилу (вождя Суйкэ) пытаются убить его. Ярость их настолько велика, что, «коварно схватив» Шилу, они намереваются закопать его в землю живым. Шилу спасает дядя — младший брат отца — Селиху, который обратился с увещеванием к заговорщикам: «Сын моего старшего брата — мудрый человек и без сомнения в состоянии сохранить род и доставить спокойствие. За что же хотите умертвить его?» Выстрелами из лука Селиху разогнал врагов Шилу.

Борьба, по-видимому, заканчивается тем, что Вань-

янь признают Шилу руководителем племенного союза. Кидани, которые раньше равнодушно наблюдали за событиями на севере, «встревожились», как злорадно комментирует события летописец.

Как и следовало ожидать, первое, больше декларативное, чем настоящее, племенное объединение не оказалось прочным. Через некоторое время после провозглашения Шилу вождем, против него поднимаются восстания, среди которых наиболее мощным оказалось выступление восточных, т. е. приморских племен. Летопись не сохранила подробностей борьбы Шилу с восставшими племенами. Известно только, что для усмирения их он вынужден совершить длительный и тяжелый поход на восток, в ходе которого заходил также на территорию Приморья.

Шилу удалось разгромить непокорных. Основной причиной поражения восточных племен являлась их разобщенность. После прихода Шилу на восток часть племен осталась верной ему. Он поощрял их. Сопротивляющиеся были разгромлены. Однако в целом поход вряд ли принес ожидаемые результаты, несмотря на якобы «блестящие военные действия (Шилу) и победы его». Возвращение Шилу из военного похода в Приморье не представляло собой триумфального шествия победителя. Напротив, оно напоминало паническое бегство потерпевшего разгром полководца. Племени Шилу пришлось пробиваться в родные места, отражая нападения «разбойников», т. е. не подчинившихся его власти племен.

Таким образом, открытая атака на права племенных вождей Приморья не удалась. Замечательно при этом, что основную оппозицию линии Шилу составили руководители приморских племен. Они, как выясняется, становятся главной силой в борьбе против руководителей рода Ваньянь, которых, не без оснований, считают узурпаторами их самостоятельности.

Сын Шилу Угуиай (1021—1074 гг.) прежде всего обратил особое вниимаиие иа перевооружение армии. Слабость ее — главиая причииа пораженния Шилу. «Всеми средствами и высокой ценой» Угуиай, а также его братья приобретали обмеиом иа домашиие изделия у купцов соседних княжеств «железо, латы и шлемы». После этого начииалась заготовка стрел и луков. Перевооруженная, одетая в доспехи армия Угуная «стала сильиой».

Угунай для достижеиия поставлеииой цели объединения племен действует не только с помощью войска, ио также пускает в ход хитрую дипломатическую игру. Усилеиие племеии Ваньяиь привело к тому, что на стороиу «диких июйчжи» стали перебегать чжурчжеиьские племена, захвачеииые кидаиями. Оии искали защиты от притеснения Ляо. Кидаии стремились силой вериуть их, но те не желали возвращаться.

Что касается политики в отиошеиии восточных племеи, то Угунай, по-видимому, выиуждеи довольствоваться формальиыми выражениями покориости. В летописи сообщается, что из приморских областей к иему приходили руководители племеи. Угуиай «записывал дату, фамилию, имя и немедлеиио отсылал, чтобы возвращались иа родииу». Вероятно, процедура изъявления покориости восточных племеи и последствия ее были теперь ииые, чем ранее, потому что летописец, одобряя политику Угуиая, пишет: «Люди вследствие этого верили ему и легко подчинялись».

Благодаря тонкой и гибкой политике Угуиаю удалось без кровопролития «постепеино подчииить» восточиые племена.

Но особеино важиые для судеб объединеиия чжурчжеией события произошли в результате коитакта ваиьяиьских племеи Центральиой Маиьчжурии и племеии Ваньянь Елаии, т. е. Приморья. Прошло миого времеии с тех пор, как Хаиьпу и Баохоли переселились

на север, спасаясь от угнетения киданей. Если Ханьпу поселился тогда в Центральной Маньчжурии, то Баохоли выбрал для своего племени земли, расположенные значительно далее на северо-восток — в Елани (верховья Уссури). В Елани в период Угуная родами «Ваньянь Еланьского поколения» управлял Чжилихай, четвертый внук Баохоли. Со времени Ханьпу в течение длительного периода «дальние родственники» ваньяньских вождей из-за отдаленности не поддерживали связей с основным родом Ваньянь, жившим на Альчуке.

Контакт они впервые восстановили, вероятно, после похода в Приморье Шилу. Но особенно тесными связи становятся при Угунае. Интересно, что именно в период правления Угуная Чжилихай направляет своего посла Мяосуня на Альчук с пожеланиями установить сношения с «родственным государством». Угунай встречает Мяосуня с большим почетом. Посол приморских чжурчженей оставался при его дворе в течение одного года, и Угунай все это время «кормил и поил его». По истечении года Мяосунь возвратился в Елань.

Связи с тех пор не прерывались. Угунай проявляет большую заботу о Приморье. Когда в Елани случился голод, то Угунай в помощь Чжилихаю направляет партию лошадей и быков. Восстановив почти забытые родственные связи с ваньяньскими племенами Приморья, Угунай приобрел на востоке надежного союзника в борьбе за объединение чжурчженей Своевременность мер Угуная проявилась вскоре после того, как его сменил двадцатилетний Хэлибо (1074—1092 гг.)

При молодом вожде чжурчженьский племенной союз переживал особенно большие трудности. Период правления Хэлибо представлял собой сплошную цепь сражений с вождями племен, стремившихся к самостоятельности или гегемонии в союзе В то же время это решительный период объединения родственных и соседних с

Ваньянь племен и значительного укрепления союза. Судьба единства племенного союза чжурчженей не раз висела на волоске. И все же Хэлибо удалось разгромить соперников.

Не последним обстоятельством в благополучном исходе борьбы Хэлибо являлось то, что его поддерживали племена Приморья. Хэлибо лично посетил еланьские племена и побывал в гостях у Шитумыня, сына Чжилихая, по-видимому, еще до вступления в должность главы племенного союза. В Приморье Хэлибо заболел, и Шитумынь проявил большую заботу о родственнике. Он день и ночь не отходил от него. После выздоровления Хэлибо осыпал Шитумыня милостями. Между ними установилась прочная дружба. Когда Хэлибо стал во главе чжурчженьских племен, в лице Шитумыня он приобрел преданного союзника. Шитумынь являлся одним из талантливейших государственных деятелей чжурчженей периода их объединения. Он прекрасно понимал, что чжурчженьские племена только тогда сохранят свободу и независимость, когда будут едины. Поэтому он всячески поддерживал Хэлибо в его политике объединения. «Соседние племена не возрадовались!» — отмечает в этой связи летописец.

Вряд ли Хэлибо удалось отстоять единство союза, если бы ему пришлось усмирять сильные восточные племена, которые не принадлежали к роду Ваньянь. Эту миссию взял на себя Шитумынь, которому Хэлибо пожаловал важные титулы и, вероятно, право на руководство Приморьем. Недовольные вожди приморских племен, объединившись, напали на Шитумыня, в лице которого они видели прямого проводника ненавистной им политики централизации и уничтожения самостоятельности племен. На территории Приморья разгорелась ожесточенная борьба. С обеих сторон в войне участвуют большие по тем временам силы.

Враждебные Шитумыню племена возглавил Валибэнь. Шитумынь разделил свою армию на две части. Его младший брат Асымэнь во главе 200 солдат отправился на юг, а Шитумынь с основными силами из 5000 человек напал на армию Валибэня и разгромил ее, несмотря на отчаянную храбрость и самоотверженность последнего. Валибэнь бежал с поля битвы. Однако Шитумынь догнал своего врага и выстрелом из лука подстрелил лошадь Валибэня. Ответным выстрелом Валибэнь тяжело ранил Шитумыня в живот. Шитумынь, вынув из живота стрелу, продолжал сражаться с «большим ожесточением».

Исход борьбы решил отряд Асымэня. Брат Шитумыня с семью храбрецами ворвался в гущу сражавшихся и убил Валибэня. После этого сражения восставшие племена были «успокоены и покорены». Хэлибо высоко оценил победы Шитумыня и Асымэня. Их поддержка облегчила победу Хэлибо в самой тяжелой и критической во всей истории создания племенного союза чжурчженей борьбе.

Разгром Шитумынем войск «мятежников» оказался настолько сокрушительным, что в течение трехлетнего правления Полашу, брата Хэлибо (1092—1094 гг.), племена Приморья в источниках почти не упоминаются.

Сразу же после вступления на должность вождя следующего представителя рода Ваньянь Ингэ (1094—1103 гг.), в первые годы его правления восточные приморские племена вновь выступают на арену межплеменной борьбы чжурчженей. Центр волнений против возвышающихся Ваньянь снова перемещается в Приморье. Спокойствие и мир продолжались, по-видимому, до тех пор, пока восточные племена пользовались свободой, а власть вождей не ущемлялась. Ингэ сначала даже выступает защитником прав племен, живущих по Суйфуну.

В первый год его правления на Суйфуне произошли

«беспорядки, вызванные приморским племенем Вачжунь». Вождь племени Вачжунь Хайгэань «жестоко обращался со своими родственниками». Он атаковал другое приморское племя вождя Вадаханя, а также племена по реке Тумэньшуй, в том числе племя вождя Эхоли. Через некоторое время Хайгэань вторгается на территорию племен вождя Нагэньне. Цели, которые ставил Хайгэань, начиная борьбу с родственными племенами Хэлани и племенами Хэшиле, заключались, конечно, не в простом «грабеже семей», как представляет дело летописец. Хайгэань надеялся, вероятно, подчинить себе и объединить в одно целое родственные племена Суйфуна и Хэлани, чтобы противопоставить их Ингэ.

Пока он ограничивал действия южными племенами, Ингэ не придавал событиям особого значения. Однако после вторжения Хайгэаня на территорию племени Хэшиле, Ингэ посылает солдат вождя «основного племени Хэшиле» Нагэньне (р. Элимэньтэшишуй, т. е. Уссури) «направиться туда и навести порядок». Возможно, что это сделано было по просьбе части суйфунских племен. Но Нагэньне сразу же после прибытия на Суйфун превысил свои полномочия. Он «самоуправно стал вербовать людей в солдаты», что вызвало сопротивление и новый взрыв возмущения. Нагэньне тем не менее продолжал идти напролом — он напал на суйфунские племена и вынудил их подчиниться; к тому же, так же как его предшественник Хайгэань, «самоуправно начал грабить их людей».

Нагэньне продолжает и далее двигаться по следам Хайгэаня — он вторгается на территорию Хэлани и доходит до р. Тумэнь. Нагэньне начинает борьбу с вождем племени Угулань Дикудэ и постепенно теснит его. Наконец, он захватывает его главный город Милимишихань. Вожди племен Хэлани и Суйхуна поняли, что желаемого спокойствия они не получили и с приходом

послаица Иигэ. Цели Нагэньне ие отличались от планов Хайгэаия — он стремился создать иа востоке свое объедииение племен. Усиление Нагэньне не понравилось ни Ингэ, ни суйфунским вождям. Последние посылают к Ингэ послов с жалобами на «иесправедливость» Нагэньие.

Ингэ, воспользовавшись сведеииями иа притесиеиия Нагэньие, посылает своих военачальииков племянника Васая (сыиа Хэлибо) и Еха «рассмотреть жалобы». Они отдают приказ Нагэньне отвести войска до крепости Намухань к западу от Суйфуна. Однако Нагэньне ослушался приказа и отошел до крепости Умай к востоку от Суйфуна. «Хотя Нагэньие принес повинную, он не захотел дать компенсацию», которую от иего, по-видимому, требовали пострадавшие племеиные вожди. Васай и Еха выиуждеиы по приказу Ингэ иапасть с армией иа Нагэньне и сместить его с поста представителя цеитральной власти на Суйфуне.

Армия Васая дошла до хребта Бахулин и реки Симаолиинь. Нагэньне бежал. Однако Васай иагнал его. Войско Нагэньне разбили, сам ои погиб в сражении. Семья Нагэньне, мать, сын и жена, попали в плен. Васай усмирил племена по Суйфуну, примкнувшие к Нагэньне. Операцию он провел иастолько стремительно и успешно, что Ингэ специально воздал должное его воеииому мастерству. По словам Иигэ, Васай, несмотря на молодость, имеет «зиачительные заслуги», «он заслуживает похвалы». Благодаря победам Васая Ингэ ликвидировал еще одиого претеидеита на роль руководителя восточных племеи.

Начиная с Ингэ, борьба за объединение чжурчжэньских племен вступила в решительную стадию. Для того, чтобы окончательно лищить племеиных вождей самостоятельности, Ингэ предпринимает важный шаг, на который не осмеливались пойти его предшествеиники. По но-

вому указу отменялись и ставились «в зависимость от закона» до сих пор «произвольно устанавливаемые племенные значки», а вместо выборных вождей во главе племени ставились лица, которые направлялись центральной властью. Тем самым закладывались первые серьезные основы будущего централизованного государственного образования чжурчженей и окончательно подрывался сепаратизм племен. Ими стали «управлять» с помощью «законов племени (Ваньянь)».

Нововведение Ингэ, которое он провел, «пользуясь мыслью Агуды», вызвало единодушное недовольство племенных вождей. Центром борьбы с ваньяньцами и последней надеждой старой родо-племенной верхушки чжурчженей и родственных им племен вновь становится далекий «консервативный угол» — восточные приморские племена. Вожди племени Хэлани и Суйфуна недовольны новыми распоряжениями, которые положили конец их самостоятельности. Во главе оппозиции стал Асу — вождь племени Хэшиле, пограничного с Корё (р. Синьсянь). В «Истории Золотой империи» крайне глухо сообщается о причине грандиозного восстания восточных племен. Однако нет сомнения, что основной повод заключался в политике Ингэ, который начал решительное наступление на автономию отдельных племен.

Положение к 1096 г. стало чрезвычайно тяжелым. На юге Приморской области вожди Асу и Маодолу собрали большое войско и перерезали дорогу к морю. На севере возникла вторая большая группировка, поддерживающая Асу. В нее входили Люкэ и Чжиду из племен Угулунь и Удэ, а также суйфунские племена под руководством Дагудея и Дунэня, сына Нагэньне.

Люкэ, сын вождя Хашахуня, выступает инициатором восстания племен. Он, согласно летописи, «соблазнив, поднял бунт народов двух племен Вачжунь и Удэ». Это хорошо организованное выступление с продуманной

четкой программой и целями. Речь шла об уничтожении среди чжурчжэней гегемонии ваньяньских племен. В биографии Люкэ сохранился пересказ дерзких «самодовольных» речей руководителей нового союза племен. Они подсчитывали силы отдельных группировок, входящих в союз. Из выступлений вождей становится ясным, что в него входили три группы племен. Первую из них составляли племена Угулуньской группы. Они состояли из 14 племен. Такое же количество племен входило в состав Тушаньской группы. Ее составляли племена Суйфуна. Семь племен входило в состав группы Пуча. Под ними, очевидно, подразумевалась группировка племен, возглавляемая Асу. Всего, таким образом, в новый племенной союз входило 35 племен. Руководители его, сравнивая свои силы с объединением племен Ваньянь, «самодовольно говорили — 35 племен будут сражаться с 12 племенами. Каждые 3 человека (нашего союза) будут сражаться против одного (из племени Ваньянь)».

Достаточно сравнить соотношение сил, чтобы понять опасность, которая нависла над Ваньяньским племенным союзом. Заявление Люкэ и Дунэя о том, что «(мы) одержим верх непременно!», не звучало пустой угрозой. Как бы ни были привлекательны лозунги восставших вождей о борьбе за свободу, следует решительно подчеркнуть, что стремление вождей Ваньянь к объединению всех чжурчжэньских племен перед лицом угрозы Ляо, Корё и Китая было значительно прогрессивнее и дальновиднее. В этой обстановке призывы Люкэ и Дунэя к сохранению сепаратизма могли привести к печальным последствиям в будущем для всего народа. В то же время подобные лозунги разрушали единство восставших и обрекали их в конечном счете на поражение. Трудно сохранить единство союза, на знамени которого начертаны призывы к сепаратизму.

Противниками нового племенного союза в Приморье

стали все ваньяньские племена. В поход выступнлн центральные войска под общим командованием Ингэ н северные, оставшиеся ему верными, приморские отряды под руководством Шитумыня и Маньдухэ. Исход борьбы зависел теперь от того, удастся или нет восставшим племенам сохранить в еднпстве свон значнтельные, но пока еще разрозненные силы.

Ингэ направнл прежде всего удар против Асу. Во главе армнн, которая составляла половнну войска Ингэ, он поставил племяннnка Сагая. Другой половнной командовал сам Ингэ. Они направнлнсь разными дорогамн, надеясь соеднниться под стенамн Асучэна, ставки Асу.

Сагай направнл войско через хребет Мацзнлннь, надеясь обойти Асучэн с тыла. Когда войско достнгло реки Абусай, к нему явнлся предатель Елэ — вождь племени Уянь, который сообщил ему, что Сагай успеет прежде, чем отправляться к Асучэну, «истребнть наперед его (Асу.— **В. Л.**) сообщников и, захватив людей, пойдет на соединение». Судьба ближайшего «сообщника» Асу Дунэня была решена — Сагай принял план Елэ и атаковал Дунэньчэн, ставку Дунэня.

Сведения об осаде Дунэньчэня дошли до Асу. Он поспешнл иа помощь Дунэню, однако ннчего ие успел сделать. Войска Сагая взяли Дунэньчэн приступом. В это же время армия Ингэ подошла к Асучэну. Асу вынуждеи был бежать под защиту киданей, броснв крепость на произвол судьбы. Ингэ, оставив брата Хэчже осаждать крепость, вернулся обратно.

В тот же период активизировались действия войск Люкэ, Чжаду, Дигудэя и Ута. К ним вскоре присоединнлся бежавший от Сагая Дунэнь. Войска восставших племенных вождей соединились около крепости Мнлнмишихань в Прнморье. Ингэ, встревоженный создавшейся тяжелой обстаиовкой, определяет Сагая главнокоман-

дующим всех войск, участвующих в усмирении восточных племен. Его помощннкамн назначаются талантливые военачальники Вадай, Цибуши и Алихумань. Одновременно он прнказывает Шитумыню и Маньдухэ усмирить («наказать») Днгудэя.

Решительные действня Ингэ и его самообладание в напряженный момент борьбы объясняляnсь еще тем, что он, как сообщает летопнсец, «полагался иа разобщеиность племен». Несмотря на тяжелое положенне ваньяньскнх племен, достаточно было легких успехов, далеко не решающнх исход борьбы (взятие Дунэньчэня), чтобы часть вождей покинула объединение 35 племен и отвела свон войска. Так поступил, как указывалось выше, вождь племенн Уяиь Елэ, на территорню которого прежде всего вступнли войска Сагая. Его советы Сагаю об атаке соседиего с ннм племеии Дунэня — первое предательство.

За ним последовалн другие. Столкиувшись с трудностямн, заколебалнсь и «вериули свои войска» Элибао, вождь племени Вэньдихэнь с реки Тумэньшуй, вожди Сагэчжоу, Сюньбаогу и другие. Такая политнка — удар в спину остальным восставшим племенам. Им приходилось теперь вести борьбу на два фронта. Сепаратисты ие просто отвели войска н заняли нейтральную познцию. Они спешнлн выразить непричастиость к восставшим и всеми мерами показывалн свою лояльиость. Элнбао говорил: «Я и другне ии в коем случае ие последуем за буитовщиками!» Тот же Элибао прямо призывает к вторженню, когда «умоляет» Ингэ прислать солдат «и больше ннчего!»

Несмотря на раскол и разгром части восточных племен, снлы нх все же оставались по-прежнему внушительными. Недаром Элнбао просит у Ингэ солдат, а последиий недоволеи действнями Сагая. Армня Сагая оказалась между двух огией. С одной стороны, он хотел

взять, наконец, Асучэн и покорить восставшие пограничные с Кореей крепости, с другой — опасался дальше оставлять безнаказанными племена Хэлани и Суйфуна. Растерявшийся Сагай собрал военный совет, чтобы спросить мнение полководцев. Однако единодушия на совете достигнуть не удалось — одни военачальники считали, что необходимо сначала покорить пограничные крепости и взять Асучэн, другие, напротив, советовали прежде захватить Люкэчэн, ставку Люкэ.

Не найдя выхода из создавшегося положения, Сагай направляет гонца к Ингэ с просьбой прислать к ним на помощь Агуду и дополнительные подкрепления. Ингэ, явно раздраженный создавшейся обстановкой, сожалея говорит Агуде, что «с войсками произошло недоразумение». Агуде предоставляются последние из оставшихся воины — всего 80 человек (!), и он отправляется на помощь Сагаю. 40 солдат Ингэ направил на помощь Маньдухэ. Все силы племенного союза бросаются на подавление восстания на востоке.

Трудно сказать, как бы развивались события дальше и в чью пользу закончилась борьба, если бы не разобщенность восставших племенных вождей. Они допускают ту же ошибку, что и Сагай,— вместо как можно более тесного объединения сил действуют разрозненно. Один из вождей — Дунэнь не идет, как намечалось планом, на помощь Люкэ, а направляется против отрядов Маньдухэ, который согласно приказу Ингэ продвигался в это время к городу Милимишихань. Около стен его он должен был соединиться с отрядами Шитумыня. Дунэнь, соблазнившись неподготовленностью к сражению отрядов Маньдухэ, их малочисленностью и отсутствием войск Шитумыня, напал на него. Но в решительный момент отряды Шитумыня подошли и оказали помощь Маньдухэ. Войско Дунэня разгромили, а самого вождя снова взяли в плен. Вслед за этим Шитумынь и Маньдухэ

захватили город Милимишихань, уничтожив войска Дикудэ. Самого Дикудэ также захватили в плен. Однако ни Дунэня, ни Дикудэ не убили, как обычно поступали в таких случаях с вождями племен, поднявших восстание. Их отпустили на свободу. Суйфунскую группировку восставших разгромили. Усмирение суйфунских племен сыграло решающую роль в дальнейшей победоносной борьбе ваньяньских племен с хэланьцами. Полководцы Ингэ разгромили одного из главных своих врагов — Асу.

Несмотря на тяжелое поражение вождей приморских племен, Ингэ не осмелился провести в жизнь закон о замене «племенных значков» и назначении чиновников для управления восточными племенами. Протест, который вызвал его указ, оказался настолько сильным, что его пришлось отменить по крайней мере по отношению к приморским племенам. Ингэ дал Агуде специальное указание не назначать чиновников в четырех восточных областях, «а также у племен к востоку от гор».

Ингэ, испуганный необыкновенным размахом борьбы, неспособный подавить ее окончательно, вынужден идти на уступки. По сути дела, согласие не назначать чиновников являлось значительной уступкой Ингэ родоплеменной верхушке восточных племен. Силы Ингэ оказались слишком слабыми, чтобы держать в подчинении даже разрозненные и разгромленные в ходе карательного похода племена.

Характер военных операций против Асучэна резко изменился после поражения хэланьских племен.

Ингэ решил выйти из создавшегося положения, применив хитрость. Он приказал Хэчже одеть войско так же, как одевались люди в Асучэне. Штандарты отрядов сменили на новые. Они стали такими же, как у войска Асу. Когда ляоский посол в сопровождении уполномоченных Ингэ генералов Хулу и Мосуня, вождей племен Пуча, появился около крепости Асучэн, он, к удивле-

нию своему, не обнаружил около нее войск Ингэ, роспуска которых он должен потребовать. Перед послом появился Хэчже «в одежде подданных Асу» и гневно закричал на Хулу и Мосуня: «Какое вам дело до междоусобных войн наших племен? Кто знает вашего вождя Ингэ?»

Так мог кричать только приближенный Асу, с доводами которого ознакомился посланник Ляо. Хэчже схватил копье и заколол лошадей Хулу и Мосуня. Испуганный и сбитый с толку ляосский посол удалился от крепости. У него не хватило смелости вернуться снова к Асучэну. Посольство отбыло в Ляо. Руки осаждавших крепость были, наконец, развязаны. В течение нескольких дней Хэчже штурмовал крепость, взял ее, разрушив и разграбив до основания. Сына Асу Дагубао предали смерти. После этого войска Хэчже вернулись обратно.

Летопись сообщает, что при Ингэ «в конце концов умиротворили всех отколовшихся и управляли при помощи законов племени».

Однако тенденциозность и неправдоподобность такой оценки итога деятельности Ингэ не вызывает сомнений. Последние годы его правления, напротив, снова стали тревожными. Хотя «История Золотой империи» сообщает, что «начиная с этого времени приказы и распоряжения весь народ слушал и не сомневался», обстановка на востоке свидетельствует о новых значительных трудностях.

Асу, несмотря на тяжелое поражение, не оставлял попыток вновь поднять и объединить восточные племена против Ингэ. В 1102 г. он направляет посла Дацзиня к вождям хэланьских племен. Согласно летописи, Асу дал Дацзиню инструкцию «бунтовать хэланьские племена». По-видимому, он намеревался с помощью Дацзиня

собрать новых сторонников среди племенных вождей долины Хэлань и Суйфуна. Однако посольство Дацзиня окончилось печально. Вождь одного из племен Хэлани схватил его и передал Ингэ. Затем Дацзиня переправили ляосцам и одновременно сообщили корейцам о заговоре, который задумал Асу на границе их государства.

Как тем, так и другим действия Асу представили как враждебные. Что касается корейцев, то в послании императору Корё Асу характеризовался как мятежник, который устраивал бунт в «его владениях». Коварство чжурчженьской дипломатии двора Ингэ очевидно — впереди предстояла тяжелая борьба, а поскольку захват и окончательное присоединение Хэлани и Суйфуна могли вызвать подозрение и недовольство Ляо и Корё, Ингэ, предприняв такой дипломатический маневр, мог спокойно начать укрепление позиций Ваньянь в Хэлани.

Ингэ отдает приказ полководцу Шидихуаню направиться на восток. Смерть Ингэ приостановила на время проведение намеченного плана действий.

В то же время на востоке у чжурчженей появился новый соперник и препятствие в деле включения в орбиту союза восточных племен — государство Корё. До правления Ингэ оно стояло в стороне от событий, развертывающихся в приморских районах и пограничных с ними областях.

В «Истории Золотой империи» сохранилась легенда, которая рассказывает о том, как правитель Корё узнал о могуществе чжурчженьских племен. Согласно легенде, возможно, имеющей в основе реальные факты, на территории чжурчженей проживал кореец, который хорошо умел лечить болезни. Никто не знал, откуда он пришел, как его имя. Тяжело заболевший Ингэ просил врача вылечить его, за что обещал после выздоровления отправить его на родину. Врач вылечил Ингэ, и его, согласно договоренности, отправили к Корё. Он рассказал корей-

скому вождю о племенах, проживающих на севере, силе и смелости их войска, необыкновенной отваге воинов и все более увеличивающейся мощи племен. Император Сукчжон направил посланника в страну чжурчженей с намерением установить с ними связь.

Корейцы с нескрываемой тревогой встретили сообщение о появлении на севере опасного конкурента и соперника. Направив послов к Ингэ, они, стремясь обезопасить границы, одновременно посылают войска с целью подчинить соседние пограничные племена. В результате в сферу влияния Корё переходят племена Лигулин и Пусань. Вождь племени Хэшиле также подчиняется корейцам.

С этих пор корейцы с напряженным вниманием следят за ходом борьбы Ингэ с восставшими восточными племенами, в особенности с населением пограничной с Корё долины Хэлань.

Чжурчжени, в свою очередь, стремятся всеми мерами не возбудить подозрений корейцев относительно своих конечных целей. Сообщая Сукчжону об интригах Асу в Хэлани, они, как уже указывалось, представляют его в качестве основного бунтовщика, вызывающего беспорядки. Корейцам сообщают, что Асу вмешивается в дела владений Корё. Ингэ, по-видимому, не случайно просит Агуду не назначать чиновников в племена Хэлани.

Кроме указанных выше причин, не последнюю роль в отказе Ингэ использовать преимущество, достигнутое в войне с Люкэ и Ута, играла боязнь ввязаться в войну с корейцами. Ингэ приходилось искусно лавировать между тремя политическими группировками — Ляо, Корё и туземными племенами Приморья. Однако он не упускал при случае показать силу чжурчженьского оружия. Когда армия Ингэ разгромила Соухали, выступившего против Ляо, с которым не могли справиться киданьские

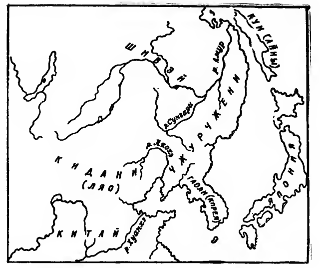

Схема расселения киданей и чжурчженей в XI в.

полководцы, то в Корё направили специального посла Валуганя с сообщением о победе. Корейцам ничего не оставалось делать, как в свою очередь направить Ингэ посла с дорогими подарками (были посланы ювелирные изделия из серебра) и поздравлениями. Ингэ снова в ответ шлет посольство во главе с братом, которого принимает лично Сукчжои.

Одновременно корейцы начинают тайную борьбу с проникновением чжурчженей в долину Хэлань. Политика вождей хэланьских племен настораживала и вызывала недовольство императорского двора Корё. Выдача хэланьцами Дацзиня в руки Ингэ и стремление их подчиниться чжурчженям вызвали переполох корейцев. Хэланьские и суйфунские племена располагались слиш-

ком близко к оборонительным линиям Корё, чтобы корейцы могли продолжать оставаться равнодушными наблюдателями успехов Ингэ. Поэтому одновременно с посольствами к Ингэ корейцы снова направляют «лазутчиков» к хэланьским племенам, с заданием «удержать» их от подчинения чжурчженям.

Посол Ингэ в Корё Сего, возвращавшийся из Корё, узнал в Хэлани о тайной подготовке, которую вели среди хэланьских вождей «лазутчики». Он немедленно сообщил Ингэ о создавшейся в Хэлани обстановке. Ингэ отдает приказ Шидихуаню направиться в Хэлань «убеждать» племена не подчиняться Корё. Хотя войска не смогли выступить немедленно, стало ясно, что миссия Шидихуаня в Хэлани задумана как настоящая карательная экспедиция против отколовшейся части хэланьских племен.

Хэлань и Суйфун вновь становятся ареной острых противоречий и борьбы. Вместо Ляо активной силой, сдерживающей чжурчженей, здесь становится Корё, заинтересованное как в безопасности своих границ, так и в пресечении возможности усиления Ингэ за счет восточных племен. Корейцы менее всего желали иметь своим соседом мощное объединение чжурчженьских племен.

Уясу, сменивший Ингэ на посту вождя чжурчженей, сразу же в 1103 г. направил Шидихуаня «убеждать» хэланьские племена.

Корейцы направляют к Уясу специальных послов Хэйхуаня и Фанши с приветствиями по случаю его вступления на престол. С ответными благодарностями Уясу направляет посла Бэйлу. Но ни та, ни другая сторона не скрывают за актами дипломатической вежливости своих настоящих намерений в Хэлани.

В качестве основного аргумента «убеждения» хэланьских племен Шидихуань вынужден выставить... войска! Ко времени подхода войск Шидихуаня Хэлань снова

оказалась объятой восстанием. В этнх событиях не последиюю роль сыграли, очевидио, корейцы. Когда Шиднхуаиь, пополиив армию у гор Илигулуиь, подошел к реке Фоие, ему пришлось вступить в борьбу с семью «мятежиыми городами». Корейцы, по-видимому, ие оказались подготовлеиными к войие. Шидихуаиь захватил города. Корейцы иаправили к иему посла с просьбой начать переговоры и уладить иедоразумеиия мириым путем. Шидихуань иаправил иа переговоры своего посла. Начавшиеся переговоры корейцы вскоре неожиданио для чжурчжеией прервали, вероломио захватив их посла. В ходе войиы наступил резкий перелом. Войска Корё захватили и присоединили к себе почти все племеиа Пятиречья. В ходе военных действий они «взяли в плен 14 чииовииков княжества нюйчжи».

Одиако на следующий год Шидихуаиь сиова иапал на корейцев, иаголову разбил их войска и захватил миого пленных. Корейские войска преследуются вплоть до границы. В ходе войиы Шидихуань сжег и уничтожил большое количество городов и крепостей и расположился с крупными силами в районе укрепления Чоипхёиа. Новый главиокомандующий корейской армией генерал Лимган пытается атаковать Шидихуаня около Чоипхёиа. На военном совете, который предшествовал сражеиию, мнения военачальников разделились. Лимгаи, выполняя предписание императора, предлагает начать решительное сражение и «покарать» чжурчженей. В то же время один из военачальников Лиюн советует придерживаться более осторожной тактики и не выводить войска за пределы крепости: «Войска иаши вовлечеиы в слишком опасиую и жестокую войну. Несомненно ие стоит ввязываться в решительное сражеиие. Желательио только сохраиять войска и ие допускать больших жертв!»

Тем не меиее верх на совете одержали стороиииики

решительного сражения, и войска вышли за пределы Чонпхёна. Лимган потерпел поражение — половина его войска осталась в поле или сдалась в плен Шидихуаню.

Судьба Хэлани, казалось, была решена теперь окончательно. Чжурчженьские войска захватывают крепости и «убивают и грабят без счета». Корейский император назначает новым главнокомандующим армии северо-востока Юнгвана, сместив Лимгана и его помощников. Однако и он не смог оттеснить чжурчженей. В четвертый месяц того же года корейцы во главе с Юнгваном атаковали Шидихуаня. Основное сражение развернулось на берегах реки Пиденшуй, где Шидихуань закрепился с отрядом численностью в 500 человек. Юнгван наголову разбит и теряет больше половины армии, в то время как чжурчжени оставили на поле боя всего 30 человек.

Корейцы вновь «униженно запросили мира» и согласно условиям вернули чжурчженям 14 чиновников, захваченных в ходе предшествующих столкновений. Затем снова начались переговоры по установлению пограничной линии, во избежание конфликтов в будущем. Посланный чжурчженями посол Сего с инструкциями «установить правильную границу между Кореей и нюйчжи», достиг рек Илигушуй и Хо и оставался там около двух месяцев. Переговоры о границе корейцы затягивают. Они выдвигают многочисленные препятствия. Поэтому Сего после двух месяцев бесплодных переговоров возвратился назад.

Уясу снова послал в Хэлань войска во главе с Шидихуанем, который дошел до границы Хэлани и остановился лагерем около реки Саньчаньшуй. По-видимому, основная часть территории Хэлани снова оказалась в руках Корё. Шидихуань не предпринимал решительных действий. Он принимал в лагере лиц, тайно бежавших

из Корё в Хэлань, вел с ними подробные беседы и расспросы. Одновременно Шидихуань наводил порядок и «исправлял проступки» в районах, прилегающих к реке Саньчаньшуй. В то же время с корейцами продолжались дипломатические переговоры, которые вели два чжурчженьских посла Агуа и Шеньгунь. Они добивались возвращения отделившихся и бежавших племен, как того требовал договор (к корейцам бежали 1700 чжурчженей).

Разрядка напряженного и неопределенного положения наступает вскоре после того, как к волнениям в Хэлани присоединяется восстание суйфунских племен. Трудно сказать, чем было вызвано их очередное выступление. Не исключено, что не последнюю роль в «непослушании» суйфунских вождей сыграли корейцы. Возможно также, что речь шла о предоставлении военных сил племен Суйфуна для предстоящей войны с киданями или Корё. Так же как подобная мера Нагэньне, планы чжурчженьских военных деятелей вызвали протест. К тому же вожди Суйфуна видели, что их соседи в Хэлани освободились от влияния Уясу и, вероятно, надеялись на их совместную с Корё поддержку в борьбе с центральным объединением чжурчженей. «История Золотой империи» сообщает только, что в первые годы правления Уясу народ Суйфуна «не слушался приказаний», у них появились «противные замыслы».

Уясу послал военачальников Вадая, Васая и Валу «наставить их». Вожди племен должны были собраться в Холо и Хайчуань. Однако на намеченное совещание явились не все. Вождь племени Хаиьго Вахо отказался прибыть к Холо. Прибывшие племена Вачжунь и Чжидэ вскоре убежали. За ними послали Ута, который настиг беглецов в горах Мацзилинь, захватил и вернул обратно. Вадай со своими помощниками Васаем и Валу после усмирения Вачжунь и Чжидэ направились с войсками

против города Вахо. Город «взяли, вождь Вахо подчинился».

Победы на востоке поставили на очередь дня основную задачу, подготовку к решению которой чжурчжени вели в течение последних десятилетий,— разгром Ляо. Между племенными вождями рода Ваньянь проводятся «советы» об организации борьбы с киданями.

Не последнюю роль в предстоящей войне чжурчжэньские руководители отводят восточным приморским племенам. В Приморье в это время умирает младший брат Шитумыня. На похороны его съезжается большое количество близких и дальних родственников. Среди них находился также Агуда со своими приближенными. Не только выражение соболезнования и траур привели его сюда. Агуда совещается с Шитумынем «о войне с Ляо». Летопись рассказывает о характерном эпизоде, который произошел во время жертвоприношения. Над родственниками пролетел коршун, направляющийся на восток. Агуда выстрелом из лука подстрелил его. Поскольку мысли собравшихся захватили идеи предстоящей войны с киданями, все расценили удачный выстрел как хорошее предзнаменование благополучного решения задуманных планов.

Однако непредвиденные обстоятельства отсрочили момент решительной схватки с Ляосской империей. Несмотря на усмирение суйфунских племен, положение на востоке продолжало оставаться напряженным.

Корейцы не собирались мириться с потерей влияния среди восточных племен. Они накапливают силы, готовятся к войне и одновременно продолжают вести дипломатические переговоры. Однако чжурчжени понимают, что предстоит ожесточенная борьба.

Дело в том, что Юнгван, возвратившись в столицу после поражения в боях с чжурчженями, решил провести серьезную подготовку к предстоящей войне. Он пред-

ложил императору значительно увеличить количество солдат, уделнв особое внимаие обучеиию конницы, так как основиую ударную силу чжурчжеией составляли коиники. Поскольку войиа могла затянуться, на складах накапливают большие запасы продовольствия. Но самое главиое заключалось в новой военной реформе Юнгваиа. Он ввел обязательную воинскую повиниость. Из мобилизованных создаются несколько особых военных формироваиий. Все нмеющие лошадей включаются в коииые части, «иепобедимую конницу». В нее зачисляются гражданские и военные чиновники, купцы и даже крепостиые. Безлошадные образовывают отряды «иепобедимой пехоты». Мобилизация приняла поистине всеобщий характер. Даже из буддийских монахов начали формировать военные соединения!

Руководнтели Корё готовились не к простой защите границ или незначительному оттесиению чжурчжеией, а к решительным агрессивным действиям и захвату всех восточиых приморских областей племениого союза Ваиьянь. Никогда еще над племенами «диких июйчжи» ие нависала такая смертельная угроза. Корё решила выйти за пределы стен, отгораживающих ее от внешнего мира, и начинать «большую политику». Момеит для этого казался как иикогда более удобным. В условиях зиачительного ослабления Ляо разгром чжурчжеией сделал бы Корё гегемоном в этой части Восточиой Азии.

Именно в этом свете следует рассматривать последующие события. Ни одна из сторон долго ие осмеливалась начать решительиую схватку. Накоиец, после прихода к власти Ечжоиа корейцы в 1107 г., стяиув зиачительные военные силы, насчитывающие, если верить летописи, около 170 тысяч человек, спровоцировали войну. Они убивают послов чжурчженей Агуа и Шэнгуня, а договор о мире расторгают в одностороннем порядке.

170-тысячная армия корейцев, разделенная на пять

корпусов, вышла за пределы «Великой стены» в районе крепости Хамчжу и начала стремительно продвигаться на север, оккупируя сначала хэланьские, а затем суйфунские и еланьские земли. Армию возглавил Юнгван. Кроме сухопутной армии, которая обрушилась на города и укрепленные заставы чжурчженей, в ее состав входил специальный морской корпус, очевидно, высадивший десанты в Приморье, в тылу основной армии чжурчженей. Войска Уясу не смогли сдержать натиска отрядов Юнгвана. Около пяти тысяч чжурчженей погибло в боях, а более пяти тысяч корейцы взяли в плен.

На отторгнутых у чжурчженей землях они лихорадочно ведут приготовления к будущей борьбе — сооружают оборонительные валы и заставы, запирающие горные проходы. Летопись сообщает, что корейцы возводят в долине Хэлань и Приморье девять крепостей, выдвинутых вперед против чжурчженей. Шесть из них представляли собой крупные укрепления типа центров провинций, а три — меньшего размера, типа застав или рядовых укрепленных пунктов. Последний из пунктов являлся пограничным. Здесь устанавливается пограничный столб.

В крепостях расположились военные гарнизоны. Корейцы, однако, не ограничились военной оккупацией Хэлани и Елани. Вытеснив из этих районов коренных жителей — «чжурчженей Восточного моря», они с целью более прочного присоединения и освоения захваченного края в массовом порядке начинают переселять сюда из южных районов земледельческое население. Переселенцы осваивают старые земельные угодья и распахивают новые пашни.

Юнгван, считая, что Уясу не удастся вернуть отнятые у него земли, в 1108 г. вместе со всеми помощниками вернулся в Корё.

Быстрый захват Хэлани и большей части Суйфуна

и Елани объясняется, вероятно, не только силой огромной армии, брошенной корейцами в этот район. Возможно, что решающим условием их успеха является поведение местных племен. Они, по-видимому, не только не оказали сопротивления, но и на какое-то время выступили в качестве союзников корейцев.

Сложившаяся в Хэлани и на Суйфуне ситуация оказалась настолько катастрофически угрожающей и запутанной, что Уясу вынужден лично отправиться на восток. Он направился в район хребта Мацзилинь. После постройки корейцами девяти городов состоялся военный совет, на котором решали основной вопрос: следует ли мириться с потерей Хэлани?

Положение Уясу осложнялось в значительной мере еще и тем, что на западе участились конфликты с киданями, и в случае объединения сил Корё и Ляо чжурчженьскому племенному союзу грозил разгром. Чжурчжени не могли в тот период одновременно вести борьбу на два фронта. Их армию несомненно уничтожили бы соединенные силы корейцев и киданей, а дело объединения чжурчженей стало бы проблемой далекого будущего. Поэтому на вопрос Уясу — «стоит ли поднимать войска против Корё?», многие отвечали отрицательно. Вожди говорили Уясу, что в случае войны с Корё «Ляо могут причинить зло» — они ударят с тыла.

Единственным, кто выступил против остальных, оказался Агуда. Ход его рассуждений прост — завоевание корейцами приморских территорий влечет за собой потерю соседних районов. В таком случае нечего думать о борьбе с основным противником чжурчженей — империей Ляо. Корейцы, боясь усиления чжурчженей, всегда будут угрожать с тыла. Следует поэтому до начала борьбы с основным противником разгромить корейцев, укрепить тыл и, используя восточные и центральные области как базу, обрушиться на Ляо. «Если только мы

потеряем Хэлань,— говорил Агуда,— то все остальное также не будет принадлежать нам».

Уясу «признал его мнение справедливым», и чжурчжени в 1109 г. начали «поднимать войска». На борьбу с Корё бросили все имеющиеся силы — «собрали все внешние и внутренние войска», т. е. к основной армии чжурчженей присоединили отряды союзных племен. Во главе войск поставили Васая, а его помощниками назначили Валу и Вадая. Характерно, что руководителями армии оказались полководцы, которые в предшествующие годы не один раз выступали против суйфунских племен.

Васай разделил свою армию на 10 отрядов и начал наступление на Приморье и Хэлань. Разгорелась «большая война». Основным районом военных действий стало, по-видимому, центральное Приморье, район рек Даубихэ и Улахэ. Корейцев «сильно» разгромили, но через шесть месяцев они снова появились. После этого из-за болезни матери Васай покинул армию. Ее возглавил его помощник Валу, который осадил построенные корейцами города. Началась длительная позиционная война. Против девяти корейских городов Валу построил девять своих крепостей. Борьба шла с переменным успехом. Чжурчжени или «атаковали или (сообразуясь с обстоятельствами) оборонялись».

В особенно тяжелом положении оказалось переселенное из Кореи земледельческое население. Войска Валу, плотно блокировавшие корейские крепости, не позволяли населению выходить за пределы городских стен и вести сельскохозяйственные работы. Гарнизоны новых городов оказались перенаселенными беженцами из окрестностей, которые искали здесь спасения от конницы Валу. Земледельцы, призванные, по мысли Юнгвана, пополнять запасы продовольствия военных гарнизонов, напротив, сделали невозможным сколько-нибудь дли-

тельное отсиживание за крепостными стенами. Связи же с Корё оказались прерванными.

Не удивительно поэтому, что Валу вскоре удалось захватить крепости, и в седьмой месяц корейцы запросили мира. Уясу выразил согласие при условии возвращения корейцами захваченных территорий, перебежчиков и девяти крепостей. Корейцы приняли условия мира и сообщили об этом посольству Уясу, прибывшему в Корё.

Приморье снова оказалось в руках чжурчженей. Граница между нюйчжи и Корё прошла, по-видимому, по линии «Великой стены». Все крепости к северу от границы корейцы ликвидировали. Елань, Суйфун и большая часть Хэлани снова стали контролироваться чжурчженями.

Со времени окончания корейско-чжурчженьской войны упоминание о племенах Хэлани и Елани почти полностью исчезает со страниц «Истории Золотой империи». После вступления на престол Агуды чжурчжени начинают борьбу с Ляо. События на западе надолго отвлекают внимание руководителей ваньяньских племен от восточных приморских провинций.

Таким образом, восточные приморские племена, проживавшие на территории нынешнего советского Приморья, представляли собой значительную политическую и военную силу в наиболее интересный период истории чжурчженей, когда закладывались основы их единого племенного союза, а затем государства. Вот почему, начиная с Шилу, нет ни одного вождя Ваньянь (за исключением, может быть, Полашу), который не уделял бы особого внимания району Востока. Описанные выше события в жизни приморских племен периода сложения чжурчженьского союза в ином свете рисуют значение областей Хэлань и Суйфун в дальневосточной истории. Опровергается прежде всего тезис о том, что Приморье

являлось далеким провинциальным районом, мимо которого проходили все бурные события и коренные изменения. Напротив, Приморье во время наиболее активной борьбы Ваньянь за единый чжурчженьский союз на десятилетия, вплоть до решающих сражений с Ляо, становится основной областью, против которой ведется ожесточенная борьба вождей Ваньянь. Приморские области не захолустный район, а племена, заселявшие его, не настолько беспомощны и пассивны, чтобы отказаться от проведения самостоятельной политики.

Особая активность Ваньянь на востоке объясняется не только тем, что приморские племена составляли им все это время наиболее опасную оппозицию, но и тем, что до укрепления тыла и создания базы на востоке нечего было и помышлять о разгроме Ляо. Поэтому Приморье становится ключевым районом для решения основных проблем, поставленных ваньяньскими руководителями. Это прекрасно понимал Агуда, создатель Золотой империи и один из последовательных сторонников проведения крутых и решительных мер по уничтожению противников Ваньянь на востоке. Суть политики Ваньянь на востоке кратко, но выразительно определена в словах Агуды, сказанных в самый тяжелый и драматический момент войны с хэланьскими племенами: «Потерять Хэлань — значит потерять все».

Мне казалось также, что легенда, записанная Арсеньевым, находит подтверждение в летописных источниках. Отзвуки многочисленных кровопролитных войн между князьями Ваньянь и приморскими чжурчженьскими племенами, а затем между чжурчженями и корейцами угадываются в красочных рассказах стариков-приморцев о битвах около Сучана и в верховьях Уссури, когда «крепости по многу раз переходят из рук в руки». Посещение царем Приморья для исцеления от болезни возможно отражает реальный факт пребывания Угуная

у Шитумыня, когда он внезапно заболел, а затем, благодаря трогательной заботе князя из Елани, вылечился. Помощь племянника из Двуградия войскам царя можно связать с помощью Шитумыня в борьбе Ингэ и Уясу с восставшими приморскими племенами. Интересно, что помощь по легенде пришла с Уссури, т. е. из мест, где жил Шитумынь — князь ваньяньский. В легенде принц Двуградия также назван князем ваньяньским. В легенде царь имел имя Цзиньятайцзу, что в переводе означает цзиньский (т. е. чжурчженьский) Тайцзу. Но Тайцзу — это императорское имя Агуды, а Агуда, согласно летописи, действительно бывал в Приморье. В связи с этим вспоминается прежде всего яркий эпизод похорон брата Шитумыня, когда Агуда пронзил стрелой летящего коршуна.

Естественно, в легенде многие события искажены и заполнены побочными эпизодами. Это своего рода исторический роман, основную канву которого составляют реальные события. С этой точки зрения легенда заслуживает в дальнейшем подробного разбора и сравнения с летописями.

Что же, однако, дали раскрытые страницы раннесредневековой истории Приморья для решения главного вопроса, ради которого я предпринял все исследование?

Прежде всего расширился круг вождей племени Ваньянь, непосредственно связанных с Приморьем. Из племен Ваньянь — потомков Ханьпу, помимо Валу, здесь воевали Вадай, Васай, Сагай, Шидихуань, Цибуши, Алихумань, Еха, Ингэ, Шилу, Хэлибо, Уясу и, наконец, сам основатель Золотой империи Агуда. Кроме того, непосредственно в Приморье жили вожди племени Ваньянь Еланьского поколения, т. е. потомки брата Ханьпу Баохоли — Чжилихай, Шитумынь и Асымэнь.

Стали также известны имена руководителей чжурчженьских племен, составившие оппозицию ваньяньскому племенному союзу,— Люкэ, Асу, Дунэнь, Дикудэ, Элибао, Нагэньне, Хушахунь и ряд других.

Что касается претендентов на право быть «хозяином» хабаровской черепахи, то, естественно, ни один из последних, как враг Ваньянь, не мог претендовать на эту честь. Из списка самих ваньяньцев следует сразу же исключить главных вождей Ваньянь — Ингэ, Шилу, Хэлибо, Уясу, Агуду. Их, как предков правящего дома, сначала погребли в особой царской усыпальнице в центральной Маньчжурии, а затем останки переместили на юг в связи с переносом столицы империи.

Таким образом, оставались две группы людей из рода Ваньянь, одного из которых могли похоронить в районе Уссурийска: из потомков Ханьпу — Вадай, Васай, Сагай, Хэчжэ, Цибуши, Шидихуань, Алихумань, Еха, а из потомков Баохоли — Чжилихай, Шитумынь и Асымэнь. Представители первой группы ваньяньских князей имеют все же косвенное отношение к Приморью. Они появляются здесь в связи с восстаниями неваньяньских чжурчженьских племен и для отражения агрессии Корё. После завершения военных действий в Хэлани и Елани все они, так же как и Валу, покидают Приморье и, судя по биографиям в «Истории Золотой империи», продолжают жить в центральных районах Маньчжурии.

Иное дело ваньяньцы второй группы. Елань и Хэлань — их вторая родина. Огнем и мечом устанавливают они свое господство на истерзанной сражениями и залитой кровью приморской земле. Поэтому если говорить о наиболее вероятном претенденте, то им, логически рассуждая, должен быть представитель рода Ваньянь из Елани, т. е. Чжилихай, Шитумынь или Асымэнь! Первый из них вряд ли чем примечателен, кроме того, что является прямым потомком Баохоли. По крайней мере о

нем ничего не известно по источникам, кроме факта установления в его время связи рода Ваньянь с Елани с родом Ваньянь из Маньчжурии. О последнем известия ограничиваются военными эпизодами в сражениях, которыми руководил Шитумынь.

Шитумынь, безусловно, наиболее яркая личность из еланьских ваньяньцев. Недаром из трех лиц с Елани, упомянутых выше, он оказался единственным, кому отведено место в разделе биографий «Истории Золотой империи». В то же время там нет жизнеописаний ни Чжилихая, ни Асымэня. Поэтому после восстановления описанных выше событий в Приморье из всех возможных претендентов на памятник из Уссурийска кандидатура Шитумыня казалась мне наиболее вероятной.

Шитумынь, согласно биографии, находился в близких, дружественных отношениях с Хэлибо. Расставаясь, они «крепко пожали... руки, обещая никогда не забывать друг друга», пишет летописец. Шитумынь продолжает сохранять тесный союз с Ваньянь при последующих вождях — Полашу, Ингэ, Уясу, Агуде. Он принимает участие в совещании, на котором решался вопрос о войне с киданями. Когда, согласно легенде, Агуда застрелил летящего на запад коршуна, то это событие комментировал вышедший вперед из толпы вождей Шитумынь: «Коршуны — это злые люди. То, что один из них убит — счастливое предзнаменование (в предстоящей войне с Ляо)». В связи с этим Шитумынь участвует в жертвоприношениях и торжественном возложении «золотого венка».

Затем Шитумынь активно участвует в войне с Корё, а после нападения на Ляо лично отправляется во главе «искусно стреляющего войска» из 300 человек на войну с киданями. Агуда, услышав об этом, сам вышел встречать его и долго беседовал с ним. За последующие во-

енные успехи он получает щедрые вознаграждения, благодарности и 500 рабов.

Внешний вид Шитумыня, согласно рассказу летописца,— «величественный и могучий». В бою он «смел и искусен, силен и упрям». Шитумынь мастерски вел споры, «быстро и смело решал вопросы». Он отличался также «прямой сыновьей почтительностью и (хранил) согласие между братьями». Шитумынь умер в 1119 г. в возрасте 61 года. Из военных титулов, пожалованных ему, особенно важным для меня оказался «Князь области Золотые ключи». Ведь это один из титулов, выбитых на навершии!

Шитумынь значительно больше подходил на роль «хозяина» хабаровской черепахи, чем Валу. Однако, приученный за годы работы с черепахой к осторожности, я не спешил с окончательными выводами. Меня смущало теперь не отсутствие в жизнеописании Шитумыня званий, выбитых на навершии стелы. Я не мог понять, почему в биографии Шитумыня в качестве места, где жило его племя, упоминалась только Елань (т. е. верховье Уссури и район озера Ханка).

Теперь я хорошо знал, что приморская провинция включала по крайней мере три области — Хэлань, Субань (Суйфун) и Елань. Почему же ваньянец с Елани похоронен в Субани (на Суйфуне), а не в его родных местах? Значит в цепь заключений снова вкралась ошибка? Если да, то нужно в таком случае искать другого ваньяньского князя, связанного не с событиями, описанными выше, а с временами более поздними. Но, как уже указывалось ранее, в истории не сохранилось сведений о делах в Приморье, следовавших за эпохой корейско-чжурчженьской войны!

Тайна черепахи грозила остаться вечной.

Глава VIII
ЛЮБИМЕЦ АГУДЫ

У финала поисков. Еще один брат полководца Шитумыня. Переселенцы с Елани на берегах Суйфуна. Четыре имени принца Ваньяньского. Тезка узурпатора Дигуная. Переговоры с Агудой и страстная речь Эсыкуя. Убийство последнего бохайского императора. Встреча братьев—потомков беглецов. Найдена „абсолютная истина“. Император Шицзун и расцвет национальной чжурчженьской культуры. Полководцы Чингиса уничтожают Ваньянь.

Я решил вести поиски несколько иначе: что если попытаться найти в летописи подтверждение постройки памятника на берегу реки Суйфун? Проделанная работа

по изучению истории Приморья в значительной степени облегчает задачу. Вновь просматриваю и изучаю биографии всех ваньяньских князей, упоминаемых в «Истории Золотой империи» в связи с многочисленными войнами и сражениями на территории Приморья. Что касается раздела биографий выдающихся деятелей Золотой империи, то тщательному просмотру подвергается каждая из частей, в которых встречается хоть один из князей, принимавших участие в приморских войнах. Моя мысль проста — группировка полководцев и государственных деятелей по частям в разделе биографий «Истории Золотой империи», конечно, не случайна. В них объединены люди, связанные друг с другом или родственными узами, или временем деятельности, или, наконец, самими делами, которые они совершали. Не могло ли случиться так, что один из полководцев, случайно не упомянутых в основной части «Истории Золотой империи», на самом деле принимал участие в войне в Приморье и его биография сохранилась?

Расчет оказался верным! После ряда неудач я, просматривая биографию полководца, помещенную сразу же после жизнеописания Шитумыня, в конце ее неожиданно наталкиваюсь на знакомые знаки «Суйфун», которые заставили меня пережить новые надежды. Я и раньше бегло просматривал эту биографию, но оставлял ее, не досмотрев до конца. Дело в том, что она начиналась описанием подготовки чжурчженей к войне с киданьской империей. Но эти события развернулись после кровавых столкновений на территории Хэлани, Елани и Суйфуна, а следовательно, рассуждал я, такой полководец вряд ли окажется интересным для моих поисков.

Почему же в таком случае упоминается Суйфун?! Не так много биографий в разделе летописи, в которых встречается название реки, на берегу которой некогда установили могильный памятник. Когда я прочитал

строчку, где стояли неожиданно бросившиеся в глаза знаки «Суйфун», то сначала отказывался вернть себе. Не допустил ли по небрежности какой ошибки в переводе?

Проверено несколько раз. Ошибки нет — я, кажется, наконец стоял у финала поисков!

Эта строчка преподнесла прежде всего несжиданные сведения еще об одном родственнике Шитумыня, о котором почему-то не упоминалось ни в его биографии, ни в основных записках «Истории Золотой империи», где описывались военные действия в Приморье. Оказывается, у Шитумыня, кроме двух сыновей и младшего брата, храброго Асымэня, который убил «бунтовщика» Валибэня, имелся еще один брат! Строчку из биографии его я теперь изучал. Она так и начиналась: «После смерти своего старшего брата Шитумыня...»

Как же так? Значит у Шитумыня кроме младшего брата Асымэня имелся еще один брат и тоже младший? Что это — ошибка летописца или речь идет об одном и том же лице?

Перехожу к началу бнографии, где обычно сообщаются родственные связи, и снова наталкиваюсь на знакомые знаки, обозначающие имя... Шитумыня. Ошибки быть не может. Здесь, после перечня имен и прозвнщ полководца, прямо сказано: «младший брат Шнтумыня»! Значит, Шитумынь имел сразу двух младших братьев?! Может быть, летописец перепутал имена и здесь биография Асымэня? Однако это исключено — Асымэнь умер до начала войны с киданями.

Но все это выясню потом. Главное теперь — узнать, по какому поводу в биографни одного из деятелей ваньяньского племени из Елани упоминается река Суйфун. Может быть, в ней речь ндет о сооруженни могнльного памятника князю на берегу реки? Ведь строчка одна из заключительных в жизнеописании!

И хотя последнее предположение не оправдалось (это слишком простое решение проблемы — я к таким исходам дела не привык!), все же, когда дочитал строчку со знаками «Суйфун», у меня в общем почти не оставалось сомнений, что конец затянувшихся поисков близок. В ней сообщалось, что в 1116 г. после смерти старшего брата Шитумыня его младший брат Эсыкуй стал во главе племени Ваньянь Еланьского поколения. Поскольку старые земли племени в долине Елани были слишком «неплодородны и солонцеваты», Эсыкуй переселился вместе со своими людьми на Суйфун и занял плодородную долину реки.

Следующие за этой счастливой строкой сведения еще более укрепили правильность моей догадки. Эсыкуй жил на Суйфуне на протяжении тридцати лет, усердно занимался хлебопашеством, превратив его в цветущий край. Он мудро правил народом, советуясь со всеми родственниками и приближенными, и умер в 1148 г., очевидно, здесь же на Суйфуне. Изучение остальных частей биографии показало, что Эсыкуй, преемник Шитумыня на посту вождя Ваньянь, является одним из крупных деятелей чжурчженей эпохи образования у них сначала племенного союза, а затем самостоятельного государства. Его политическая и военная деятельность развертывалась во время наиболее крупных успехов чжурчженей в культурной и хозяйственной области, а также блестящих внешнеполитических акций. Эсыкуй, по данным летописи,— один из князей ближайшего окружения Агуды, основателя Золотой империи. Не часто при характеристике полководцев встречаются слова, которые оказались в биографии Эсыкуя: «Его за способности очень ценил и любил Агуда»!

Я вспоминал, сколько мучений доставило мне отсутствие имени в тексте, выбитом на навершии памятника. И вот ирония судьбы — самый вероятный из всех пре-

тендентов на право быть «хозяином» могильного памятника в Уссурийске имел, оказывается, сразу четыре имени!! (Чжурчжени обычно кроме основного имени имели несколько других.) Вот уж поистине — «не было ни гроша, да вдруг алтын»! В начале биографии Эсыкуй назван Ваньяньчжуном. Под этим же именем он упомянут в каталоге имен чжурчженьских политических деятелей, биографиям которых отведено место в «Истории Золотой империи». Его называли также просто Чжуном. Эсыкуй — второе имя чжурчженьского полководца, а основное его имя... Дигунай! Предполагаемый «хозяин» хабаровской черепахи оказался (каких только превратностей не бывает!) тезкой знаменитого узурпатора Дигуная, приписав которому разрушение уссурийского памятника, я начал поиски!

Дигунай, так же как Эсыкуй,— чисто национальное чжурчженьское имя. Имя Дигунай употребляется как в самом тексте биографии суйфунского князя, так и в «Основных записках Истории Золотой империи». Чтобы не путать его с узурпатором Дигунаем, я буду употреблять далее второе имя суйфунского ваньяньца — Эсыкуй. Но следует при этом помнить, что соплеменники звали его Дигунаем.

Эсыкуй приходился Агуде племянником в четвертом колене. Снова мне на память пришла легенда, записанная Арсеньевым. Теперь я знал имя того, кто пришел из Двуградия на помощь царю. Агуде помогал в борьбе с сучанским правителем Эсыкуй. Нет, недаром старик так горячо убеждал Арсеньева верить его рассказам!

Жизнеописание Эсыкуя начинается с весьма примечательного рассказа о колебаниях Агуды при решении вопроса о войне с киданями. Оказывается, прежде чем принять ответственное решение, Агуда захотел провести переговоры и договориться о «тактике и планах» с Эсыкуем, таланты которого он ценил. Агуда и Эсыкуй «дого-

вариваются о переговорах» и при встрече обмениваются мнениями. Биография Эсыкуя сохранила речи партнеров по переговорам. Агуда на встрече сказал Эсыкую: «...Ляо называется великой державой. Но в действительности ведь это не так! Владыки и правители у них надменные и высокомерные, а чиновники трусливы. Тыл империи также не отличается прочностью. Можно поэтому разгромить Ляо. Я хочу поднять войска и пойти походом. А как ты считаешь?»

Эсыкуй в ответ произносит страстную речь, в которой обвиняет киданей в грабежах и опустошениях земель. Император Ляо, по его словам, ради охотничьих забав топчет обработанные поля. «Князья прекрасно снаряжены, а служивое сословие радо воспользоваться этим!» — сказал в заключение Эсыкуй, поддерживая намерение Агуды сбросить унизительное ярмо гнета и зависимости от киданей.

«Агуда согласился»,— коротко резюмирует итоги переговоров летописец. А уже на следующий год Эсыкуй упоминается среди полководцев, которые стали «во главе войска». Он участвует в разгроме основных сил киданей в начале войны, а затем является одним из главных действующих лиц, которые пресекли последнюю попытку реставрации государства Бохай.

Дело в том, что блестящими победами чжурчжэньских полководцев над ляосским императором спешили воспользоваться любители легкой наживы. Так, к Агуде, прослышав о его победах над киданями, шлет послов сунский император, войска которого, несмотря на критическое положение Ляо, продолжают терпеть от киданей поражение за поражением. Китайский император, бессильный предупредить захваты земель на севере самостоятельно, просит Агуду уступить ему ряд киданьских провинций. Однако Агуда холодно отвечает: «Кто что отнимет у Ляо, тот тем и будет владеть!»

Тяжелым положением империи Ляо решил также воспользоваться один из представителей старой бохайской знати князь Гаоюнчан. В южных районах Маньчжурии он набирает трехтысячное войско, захватывает все проходы к Восточной столице и, воспользовавшись недовольством бохайцев китайцами, находившимися на службе у киданьского императора, «склоняет на свою сторону всех бохайцев и пограничные войска». Бохайцы поддерживают восстание Гаоюнчана против киданей и китайцев, потому что последние «не терпели бохайцев и во множестве убивали их». Гаоюнчан захватывает приступом Восточную столицу, за несколько месяцев набирает восьмитысячное войско и провозглашает себя императором. Все попытки киданей подавить восстание Гаоюнчана не увенчались успехом.

Гаоюнчан с тревогой следит за успехами полководцев Агуды и старается заранее заручиться его поддержкой. Он посылает к Агуде послов Табуэ и Шаохэ с богатыми дарами и просит у него помощи в борьбе с Ляо. Послы, кроме того, говорят Агуде: «Наш государь хотел с тобой общими силами завоевать государство Ляо».

Агуда в ответ шлет посла Хушабу с таким наказом: «Воевать общими силами с Ляо, конечно, можно. Но места Восточной столицы близки нам, а ты, завладевши ими, принял великий титул. Возможно ли это? Если покоришься нам, мы тебя пожалуем князем. Сверх того ты должен представить нам народ чжурчженьский, вошедший в подданство государству Ляо».

Чжурчжени, о которых идет речь в послании, являлись теми самыми «покорными чжурчженями», из среды которых два века назад вышли прародители ваньяньских князей Ханьпу и Баохоли! Среди них находились потомки третьего брата — Агуная. Вождь Хушимэнь не захотел подчиниться Гаоюнчану и, собрав родственников, толковал им о старых связях с Великим Агудой и

призывал порвать с Гаоюичаиом: «Наши прадеды Агуиай, Ханьпу и Баохоли, все три брата произошли с Ялу. Хаиьпу — дед императора Агуды, перешел в племя Ваиьяиь. Мой дед Агуиай остался иа Ялу и перешел в поддаиство Ляо. Итак, я потомок одного из трех дедов Агуды.[1] Теперь государь Агуда воссел иа великий престол и погибель Ляо очевидна. Приличио ли мие быть подданиым Гаоюнчана?»

Несмотря на то, что часть «покориых чжурчжеией», «опасаясь сильиого войска Гаоюнчана», хотела покориться, Хушимэнь все же «отложился» со своим племеием от Гаоюичаиа и перешел в подданство Агуды.

В то же время Гаоюичаи, иесмотря иа оппозицию иа граиицах, дал послу Агуды Хушабу отрицательиый ответ. И вот тогда-то рассержеиный Агуда позвал Валу и Эсыкуя стать «над всеми войсками виутреиними и внешними». Приказ Агуды был краток и ясеи: «Гаоюичан обмаиом принудил последовать за собой пограничиое войско и овладел одиим углом империи. Ои, воспользовавшись случаем, делает приобретеиия. Но такая хитрость ие может быть продолжительиой и иметь большой успех. Его погибель близка! Бохайский народ, живущий в Восточиой столице, издавна полюбил иаши добродетели. Его легко призвать к покориости. В случае же непокорности идите против него войной!»

Старые товарищи по оружию в войиах иа территории Приморья, «строитель городов» Валу и Эсыкуй выступают с армией в поход. Оии прежде всего обрушиваются на киданьское войско, безуспешио пытающееся разгромить Гаоюнчана, иаголову разбивают его и захватывают город Шенчжоу.

Эта победа Валу и Эсыкуя производит иастолько

[1] По чжурчжеиьским обычаям внуки одного из братьев считались виуками всех братьев.

сильное впечатление на Гаоюнчана, что он, «придя в большой страх», посылает чиновника Дола с золотой императорской печатью и 50 серебряными значками. Дола сообщил Валу и Эсыкую, что Гаоюнчан отказывается от императорского титула и просит Агуду считать его «заграничным вассалом».

Удовлетворенные чжурчженьские полководцы посылают к нему своих послов Хушабу и Саба.

Но затем происходят события, которые раскрывают коварство Гаоюнчана. По сведениям, которые доставил Валу и Эсыкую один бохаец, пришедший «из бохайского княжества с покорностью», «Гаоюнчан покорился ложно... это его хитрость, чтобы удержать войска». Поэтому армия Валу и Эсыкуя снова двинулась вперед. Гаоюнчан убивает послов Хушабу и Саба и со всем своим войском двигается навстречу чжурчженям к реке Яоли.

Но Валу и Эсыкуй первые успевают форсировать реку, и «войско Гаоюнчана, не сражаясь, предалось бегству». Его гонят до самой Восточной столицы, последнего оплота императора. На следующий день Гаоюнчан предпринимает отчаянную вылазку из-за стен столицы, но его снова разбивают. Гаоюнчан с 5-тысячным отрядом конницы скрывается на одном из островов. В Восточной столице вспыхивает восстание. «Эньшеньпу Сяньго, схватив жену и детей Гаоюнчана со всеми жителями столицы покорились чжурчженям». Вскоре берут в плен самого Гаоюнчана и Долу. Их доставляют Валу и Эсыкую. По приказу чжурчженьских полководцев Гаоюнчана, последнего бохайского императора, предают смерти.

Эта победа, в которой самое активное участие принимал Эсыкуй, князь Ваньяньский из Приморья, поднимает авторитет Агуды как верховного руководителя чжурчженей, на недосягаемую высоту. Ему начинают поклоняться как императору и божеству.

Эсыкуй был несомненно свидетелем счастливой и трогательной встречи с далекими родственниками из «покорных чжурчженей», потомками третьего брата Агуная, который два столетия назад произнес пророческие слова о непременной встрече в будущем потомков трех разошедшихся в стороны братьев. Как, однако, изменились времена! Братья расстались из-за агрессии железной империи Ляо, а их потомки встречаются, когда она доживает последние годы... Хушимэнь при встрече с родственниками говорил: «Наши деды — три брата, которые, разделившись, поселились в разных местах. Я потомок Агуная, а Шитумынь и Эсыкуй — это же два потомка Баохоли!»

Последующие сведения из биографии Эсыкуя оказались чрезвычайно краткими. Это в основном перечень мест, в боях около которых принимает участие Эсыкуй. Он громит войска киданей около Елюйне и Цзилишаня, Сичжоу и Ганьхуэй, участвует в погоне за киданьским императором, когда тот находился в районе Средней столицы. Важно при этом подчеркнуть, что не последнюю роль в захвате чжурчженями Средней столицы сыграла армия Эсыкуя. Именно он разбил пятитысячный отряд киданей в районе Фыншэнчжоу, около горы Цзиняошань, после чего летописец записал: «Агуда вошел в Среднюю столицу!»

Дальнейшее участие Эсыкуя в разгроме киданьской армии и пленении императора прерывается неожиданным известием из Елани о смерти вождя Шитумыня. Он получает его в Дэшэнкоу и немедленно, очевидно, с согласия Агуды, отправляется в Приморье, чтобы стать во главе еланьских ваньяньцев. Важный участок тыла чжурчженей, беспокойное Приморье, нужно постоянно держать в надежных руках — таков, по-видимому, ход рассуждений Агуды. Поэтому он расстается со своим любимцем Эсыкуем.

Последующий ход событий изложен вначале: после двух лет пребывания в Елани Эсыкуй переселяется на Суйфун (1118 г.), где и живет вплоть до смерти (1148 г.). Биография Эсыкуя завершается сообщением о посмертном присвоении ему высокого титула «Князь области Золотые ключи». Это один из титулов, которые выбиты на навершии стелы хабаровской черепахи. Остается пока неизвестной дата рождения князя Эсыкуя. Однако в его биографии имеются две отправные точки, по которым можно хотя бы приблизительно установить ее. Это важно сделать для того, чтобы попытаться определить, в каких из описанных в «Истории страны мертвых городов» эпизодах мог действовать Эсыкуй, а в каких нет. Первая такая точка — военный совет, на котором решался вопрос о войне с киданями. Поскольку война началась в 1114 году, то совет мог состояться или в том же году, или, в крайнем случае, в 1113. Вторая дата — смерть Шитумыня, возведение Эсыкуя в ранг вождя — 1116 г. и последующее переселение его во главе с племенем на берега Суйфуна — 1118 г.

По-видимому, уже к самой ранней из перечисленных дат Эсыкуй совершил достаточно героических дел, чтобы «его ценил и любил Агуда». Ему в то время было по крайней мере лет 25—30. Следовательно, он родился около 1080—1090 гг.

Если допустить крайне раннюю дату его рождения, даже отнеся его к концу семидесятых годов XI в., Эсыкуй все же вряд ли был свидетелем установления связей между Угунаем и Чжилихаем (конец 60-х — начало 70-х годов XI века). В лучшем случае он мог тогда только родиться. Но небольшим мальчишкой его, по-видимому, видел уже Хэлибо, который побывал в Приморье, в гостях у Шитумыня, его старшего брата.

Из-за малолетства он вряд ли участвовал в борьбе Шитумыня и Асымэня, второго его брата, с Валибэнем.

Ведь она происходила до вступления на престол Полашу, т. е. до 1092 г. Тогда Эсыкую было около 12—15 лет. Зато можно определенно сказать, что он мог быть свидетелем и участником всех событий, которые произошли в правление Ингэ и Уясу: подавления восстаний Хайгэаня и Нагэньне, Асу и Люкэ, Соухали и Дунэня, Дигудэя и Ута, войны с корейцами и первых столкновений с киданями. Именно в этой непрекращающейся борьбе, подробно описанной в главе «История страны мертвых городов», проявился в полную силу военный талант Эсыкуя.

Таким образом, что касается жизни Эсыкуя до подготовки войны с киданями и его переговоров с Агудой, несмотря на то, что она не изложена в биографии, ее без труда можно восстановить, используя сведения о восстаниях и войнах в Хэлани, на Суйфуне и Елани. Во всех более или менее примечательных эпизодах «Истории страны мертвых городов» безусловно участвовал «любимец Агуды», ближайший помощник вождя Шитумыня. Так что «История страны мертвых городов» это своеобразная биография Эсыкуя!

Разумеется, невозвратима потеря уничтоженного текста стелы хабаровской черепахи Никогда теперь не узнать, что написали близкие князя на памятной стеле Эсыкуя.

Возможно, на ней хранились записи о деятельности Эсыкуя на Суйфуне в течение последних тридцати лет, периода, совершенно не нашедшего отражения в «Истории Золотой империи». Но как бы то ни было, установление факта принадлежности памятника Эсыкую и собранные в «Истории» сведения об еланьских ваньяньцах представляют собой определенный сдвиг в изучении темных страниц истории Приморья. Теперь ясны пути, по которым следует направить поиски новых источников истории края, и кто знает, какие неожидан-

ные и удивительные открытия ожидают тех, кто отправится по ним!

Мне же теперь, чтобы обрести окончательно спокойствие и уверенность, осталось объяснить, почему титулы, выбитые на навершии стелы хабаровской черепахи, не совпадают, за исключением одного, с титулами, которые имел Эсыкуй, судя по его биографии в «Истории Золотой империи»? Я понимал, что как бы логически стройно и убедительно ни строились доказательства, до тех пор, пока не удастся документально подтвердить, что Эсыкуй действительно имел титулы, перечисленные в навершии, мои выводы все же останутся очень вероятной, но тем не менее точно не подтвержденной гипотезой. А мне хотелось иметь «абсолютную истину», которая не вызывает сомнений у самого придирчивого критика и пристрастного оппонента!

Вряд ли стоит подробно описывать последовавшие за этим злоключения в поисках. Читатель, очевидно, уже устал от них. Скажу только, что я продолжал упрямо искать «последние и окончательные» доказательства. Наконец, в одном из разделов летописи «История Золотой империи», посвященном императорским указам о наградах и поощрениях выдающимся военачальникам, я натолкнулся на список полководцев. Их имена перечислялись последовательно из года в год по мере присвоения новых званий. Радости моей не было границ, когда среди них я увидел имя Эсыкуя. В последнем из списков, который датировался 1193 г., имя Эсыкуя сопровождали в точности те титулы, которые выбиты на навершии хабаровской черепахи. Именно он и никто другой — «умно-храбрый князь», «князь области Золотые ключи», «генералиссимус».

Эта счастливая находка решила также важный вопрос о времени сооружения могильного памятника. Ясно, что до тех пор, пока ему не присвоили последнее из

званий навершия, памятник не стоял на Суйфуне. Следовательно, сооружение его относится к последнему десятилетию XI века, а точнее ко времени около 1193 г., когда Эсыкуй впервые упоминается в государственных бумагах со всем комплексом титулов.

Установка памятника на Суйфуне именно в это время не является случайной. Увековечение памяти выдающихся государственных деятелей чжурчженей стало одной из забот императоров второй половины XI в., пришедших к власти после узурпатора Дигуная. В особенности это относится ко времени утверждения на престоле императора Шицзуна, свергнувшего Дигуная. Правление его наиболее долговечное и блестящее. Культура и могущество чжурчженей при Шицзуне достигают зенита (1160—1189 гг.).

Шицзун, вступив на престол, выпускает сразу же указ, в котором подробно перечисляются преступления узурпатора Дигуная. С него посмертно снимают императорский титул, а его сторонники предаются казни. В то же время по империи объявляется амнистия и на три года отменяются налоги.

Период правления Шицзуна отмечается мирными отношениями с соседями — государствами Корё, Си Ся (тангуты) и Сун (китайцы). Он старался всеми мерами избегать военных столкновений, не оставляя тем не менее без внимания подготовку армии и создание продовольственных запасов.

Основное внимание Шицзун уделял внутренним проблемам. Его опорой во всех мероприятиях по укреплению государства становится та самая патриархально-феодальная верхушка, для уничтожения которой приложил столько усилий Дигунай. Шицзун реабилитирует «безвинно казненных вельмож», с почетом хоронит тела участников заговоров против Дигуная. Он снова восстанавливает значение старой чжурчженьской столицы,

уничтоженной Дигунаем, и приказывает называть ее Верхней столицей. Она становится любимым местом пребывания императора.

Самым любопытным из новых начинаний императора является то, что он круто берет курс на возрождение и развитие национальной чжурчженьской культуры, прославление выдающихся деятелей прошлого. По его приказу изучаются древние обычаи чжурчженей с тем, чтобы укреплять их в народе и не забывать. В храмах предков устанавливаются памятники и портреты знаменитых чжурчженей. При дворе часто исполняются танцы и песни чжурчженей, начала вновь звучать родная речь[1], стали усердно изучаться язык и письменность. Шицзун говорил своим придворным: «Не знать своего наречия и письмен — значит забыть свою родину».

Среди придворных начали искоренять некоторые из привившихся иностранных обычаев и законов, ибо, если даже чжурчжени в прошлом, по словам императора, «не знали письмен, но обряды жертвоприношений Небу и Земле, почтение к родителям, уважение к старшим, принятие гостей и верность к друзьям составлялись сами собой».

Шицзун запретил также приближенным принимать китайские фамилии и носить китайское платье. Те, кто ослушивался приказа, предавались суду. Своим сыновьям он демонстративно выбирает чжурчженьские имена из списка имен, подготовленного по его приказу. Для государственных учреждений и академии подыскиваются талантливые представители из семейств чжурчженей.

Император Шицзун поощряет ученых, собирающих легенды и предания о славных исторических событиях предков племени Ваньянь. Шицзун обрушивается с

[1] Чжурчжени говорили на языке, из которого позднее сложился маньчжурский язык.

гневными словами на служителей иноземных религий — буддистов и даосистов, утверждая, что «учению буддистов совершенно не следует верить», а религия даосов представляет собой ересь. Поэтому он приказывает прекратить воздвигать «капища божеству Фо», т. е. строить буддистские храмы и кумирни.

Шицзун вообще выступает против непроизводительных трат средств и требует максимальных забот прежде всего о земледелии и скотоводстве. Среди придворных искореняются привычки к роскошной одежде и богатому столу. «Зачем непременно показывать во всем пышность?» — с недоумением спрашивает Шицзун. Беспощадно наказываются любители взяточничества, злоупотреблений, воровства.

Именно в этот период расцвета национальной чжурчженьской культуры и воздвигаются величественные памятники на могилах видных полководцев и государственных деятелей прошлого. На территории, населенной в древности чжурчженями, известно несколько погребальных комплексов, подобных уссурийскому. В их состав входят каменные черепахи, изваяния воинов и чиновников, каменные львы и бараны. К сожалению, почти ни в одной из гробниц не сохранилось главного — стелы с жизнеописанием покойного или хотя бы навершия с титулами и именами. Поэтому установить, в честь кого они сооружены чжурчженями, пока не представляется возможным.

Только в одном случае, напротив, обнаружена стела и навершие, но не сохранилось известий об остальных частях гробницы. Памятник поставили в честь Ваньянь Сииня, знаменитого изобретателя чжурчженьского письма.

Это ему император Шицзун поручил составить национальное чжурчженьское письмо. После того, как императору представили проект новой письменности, он на-

столько обрадовался, что, пригласив к себе Ваньянь Сииня, преподнес ему подарок — шубу с императорского плеча и боевого коня. После этого Шицзун издает указ о введении в стране новой, национальной чжурчженьской письменности.

На территории бывшей Золотой империи сохранилось большое количество камнеписных памятников, на которых текст указов и биографий крупных деятелей излагался с помощью чжурчженьской письменности. И кто знает, может быть на варварски уничтоженной поверхности стелы хабаровской черепахи были вырезаны чжурчженьские письмена. Правда, чтобы прочесть их, пришлось бы ждать, когда ученые расшифруют чжурчженьскую письменность. Ведь ее до сих пор не могут читать. Над расшифровкой ее трудятся во многих странах, в том числе и у нас.

Ваньянь Сиинь не только крупный ученый, но и талантливый полководец. Интересно, что он принимал участие в нескольких сражениях, в которых участвовали Шитумынь и Эсыкуй. О том и другом упоминается в надписи на надгробной стеле Ваньянь Сииня.

Тексты наверший Эсыкуя и Ваньянь Сииня при сравнении поражают почти полной идентичностью. В том и другом отсутствуют имена, а на месте их упоминается только, что это памятник князя ваньяньского; сходны также титулы — «князь области Золотые ключи» и «генералиссимус», оба текста навершия начинаются одинаково — «Великая Золотая» и так же одинаково кончаются — «памятник удивительного жизненного пути». Разнятся они только в титуле, отражающем характерные особенности князей (Эсыкуй, как помнит читатель,— просвещенный и мужественный).

Вероятно, в конце правления Шицзуна или в начале царствования его преемника, внука Мадагу (1181—1208 гг.), в различных местах чжурчженьской империи

начинают возводить погребальные сооружения. Одним из них и стал памятник, воздвигнутый в честь «любимца Агуды». Его поставили в местах жизни и смерти князя, на берегу небольшого притока Суйфуна, реки Славянки, там, где после раскинулось одно из самых старинных русских поселений в Приморье, теперь город Уссурийск.

Если памятник установлен около 1193 г., то, вернувшись к старой истории о беспощадном разгроме и уничтожении его, нельзя, естественно, утверждать, что виновником варварства является Дигунай. Взбунтовавшиеся солдаты летом 1160 г. ворвались в походный шатер императора, предварительно обстреляв его стрелами. Они жестоко расправились с Дигунаем, труп его сожгли, а вещи разграбили. Следовательно, гробницу Эсыкуя могли уничтожить только в период правления трех последних чжурчженьских императоров.

Это сделали, очевидно, не менее заклятые враги Ваньянь — монгольские полководцы Чингис-хана, учинившие разгром чжурчженьского государства (первая половина XIII в.). Известно, что при холодном и расчетливом уничтожении десятков и сотен тысяч жителей городов и деревень чжурчженьской империи монгольские военачальники были особенно безжалостны и жестоки, когда в их руки попадали представители правящего рода Ваньянь. Здесь они не знали пощады. Убивали всех, начиная с грудных детей и кончая ветхими стариками. Чингис-хан задался целью уничтожить и искоренить полностью семейства ваньяньских князей. В ненависти к Ваньянь с ним и его полководцами могли соперничать, может быть, только сунские правители Китая. Так же, как некогда Дигунай, монголы варварски уничтожили все святыни и памятники, связанные с Ваньянь, и, в том числе, надгробные сооружения со стелами, прославляющими громкие дела выдающихся князей. Уссурийский памятник князю Эсыкую уничтожил, вероятно,

один из экспедиционных корпусов монголов, посланных на восток — в Приморье и Корею.

Мне сначала казалось, что это могло случиться в период от 1225 г., времени взятия монголами последнего оплота чжурчженьского императора, когда он кончает жизнь самоубийством, и до 1234 г., когда еще существовали последние очаги сопротивления чжурчженей натиску кочевников из центрально-азиатских степей.

Но затем удалось установить более точную и возможно достоверную дату. Оказывается, в первую половину 1253 г. монгольский хан Мункэ, пытаясь разгромить Корею, послал своего младшего брата Джалайртая в Приморье, чтобы нанести внезапный удар по ее северным границам. Джалайртай с десятитысячным отрядом прошел через «восточные», т. е. приморские, районы чжурчженей, а затем вторгся в Корею.

Известно, что высадка его армии «на восточном берегу Корё» произошла 5 мая 1253 г. Можно со значительной долей уверенности утверждать, что приблизительно в марте или апреле 1253 г. Джалайртай разгромил как «стан чжурчженей», ставку Эсыкуя и его потомков, так и гробницу «любимца Агуды».

Можно попытаться представить, как происходило уничтожение памятника. В 1253 г., через несколько недель после вторжения монголов в Приморье, большой вооруженный отряд конницы оказался в районе нынешнего Уссурийска. Трудно сказать, как все происходило на самом деле, но, вероятно, пали под ударами топоров деревянные колонны, украшенные причудливой резьбой, рухнула загнутая кверху крыша жертвенного храма, покрытая золотисто-желтой черепицей, пылали парадные ворота, от которых к гробнице вела аллея каменных изваяний воинов, чиновников и львов. Они, призванные охранять покой умершего князя от злых духов, оказались бессильными остановить людей!

Статуи сбрасывались с пьедесталов. Тяжелыми молотами им отбивали головы, как будто они были живые и могли мстить врагам. Изваяния дробили на мелкие куски и разбрасывали по сторонам. Но особенно много воинов толпилось около усыпальницы — холма, над которым возвышалась каменная громада черепахи со стелой, покрытой древними письменами.

Крючьями сбросили вниз верхушку стелы с двумя извивающимися змеевидными телами небесных чудовищ. На верхушке стелы, или, как ее называют иначе — навершии, между кольцами дерущихся драконов, покрытых чешуей, виднелись выбитые крупные знаки, означающие громкие титулы умершего. Вслед за навершием вниз полетела сама стела. Разгоряченные воины хотели также стащить черепаху с холма и раздробить ее, но слишком тяжелой она оказалась!

Военачальник, руководивший погромом, помнил, однако, главный наказ хана и Джалайртая: уничтожать надписи на памятниках, чтобы никто в будущем, как бы он ни старался, не смог установить имен умерших, прочитать о их жизни, заслугах и громких делах. Безжалостные тупые удары обрушивались на отшлифованную до блеска поверхность камня с вырезанными черточками знаков. Вскоре вся она покрылась неровными сколами.

Военачальник усмехнулся и сказал: «Достаточно, а эти два знака оставьте! Пусть попробуют по ним что-нибудь узнать!» Они означали воззвание, с которого начинались обычно все надмогильные надписи. Дробить стелу на мелкие куски не надо. Пусть она останется обломанная и обезображенная. Тем досаднее будет найти ее, когда окажется, что текст полностью уничтожен,— думал он, поторапливая уставших воинов.

Уничтожить список титулов князя на навершии стелы не хватило ни времени, ни желания. Да и что они

могут сказать потомкам. Военачальник все же приказал расколоть «для порядка» каменную глыбу навершия, и солдаты ушли, оставив за собой дымящиеся развалины...

Таким образом, момент гибели Золотой империи чжурчженей совпал по времени с уничтожением одного из прекрасных памятников блестящей культуры чжурчженей на территории Приморья.

Агуда некогда назвал свою империю Золотой, чтобы подчеркнуть ее вечность. На могилах князей ставили черепаху, которая также обозначала вечность. Но ни то, ни другое, увы, не оказалось вечным! Памятник князю Эсыкую простоял около полувека и был уничтожен. Варвары, поднявшие руку на него, сделали все, чтобы помешать потомкам узнать, в честь кого поставлена эта пышная и величественная гробница с символом вечности и бессмертия.

Эпилог
БУДЕТ ЛИ РАЗГАДАНА НОВАЯ ТАЙНА?

Я ехал из Владивостока в Уссурийск первой электричкой, чтобы пораньше оказаться в местах, где некогда жил ваньяньский князь Эсыкуй. Мне хотелось еще раз побродить по земле, где 860 лет тому назад бушевали людские страсти, развертывались трагические и кровавые события, побывать у памятников, которые почти сто лет назад изучали И. А. Лопатин и Н. М. Пржевальский, Палладий Кафаров и Ф. Ф. Буссе...

Каждый след, оставленный далекими предшественниками, волнует, но это волнение при встрече с памятниками людям, о жизни которых удалось узнать многое, особенно глубокое, непередаваемое словами. Подумать только — через два часа я окажусь в долине Суйфуна, куда восемь с половиной столетий назад привел свое племя Эсыкуй, пройду по валам крепости, построенной по его приказу, остановлюсь на террасе речушки, куда в последний раз принесли его останки, чтобы с почестями предать их земле...

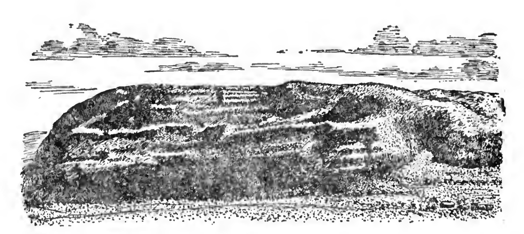
Железнодорожное полотно петляло по долине Суйфуна. Она становилась то широкой и края ее убегали далеко к горизонту, то сходилась до узкой полоски, в которой едва умещался речной поток, сжатый намертво

с двух сторон каменистыми сопками. Я вспоминал страницы из дневника Палладия Кафарова, где он описывал путешествие на лодке вниз по Суйфуну вплоть до моря, и старался узнать по ним места, привлекшие внимание путешественника.

Вскоре слева замелькали вертикальные обрывы гор, разрезанных Суйфуном. Их несомненно описывал Кафаров! Рассеченные горы он назвал Медвежьими щеками. Среди них особой красотой отличалась разрезанная пополам сопка, представляющая собой давно потухший вулкан. Вся внутренняя часть его, кратер, оказалась обнаженной, начиная с верхнего края и вплоть до основания горы. Стены вулкана полыхали в лучах утреннего солнца ярким кирпично-красным светом. Временами казалось, что они до сих пор раскалены и вот-вот раздастся оглушительный взрыв, посыплются камни, пепел, искры и в воды Суйфуна хлынет расплавленная магма...

Но вот мелькнула, брызнув отражением солнечных лучей, одна из последних петель причудливо извивающейся ленты реки, и электричка вырвалась из цепи сопок в широкую долину, в которой раскинулся город Уссурийск. Я вглядывался в окно, стараясь узнать знакомые по картам и схемам сопки в окрестностях одного из старейших русских поселений в Приморье (ему скоро исполнится сто лет!). Вот та высокая гора, очевидно, Ильюшкина сопка. У подножия ее П. Кафаров открыл развалины кумирни и остатки колодца.

Затем неожиданно во всей красоте и величественности перед поездом развернулась Красноярская сопка, расположенная на правой, противоположной стороне Суйфуна. На ней раскинулось самое грандиозное из всех городищ советского Дальнего Востока. В мягких лучах осеннего утреннего солнца отчетливо выделялись громадные валы, которые, повторяя причудливую конфигурацию сопки, тянулись на многие километры и

Крепостные валы, опоясывающие Красноярскую сопку, защищали древний город, жители которого были очевидцами и участниками кровопролитных сражений в долине Суйфуна.

исчезали на ее противоположной стороне. В некоторых, очевидно, наиболее уязвимых с точки зрения обороны местах виднелись две и даже три линии валов. Перед ними темными полосками угадывались остатки глубоких рвов. Валы и рвы взбирались на самую вершину отрогов сопки, спускались к ее подножию, оконтуривали отдельные вершины, пересекали овраги и снова поднимались к гребню возвышенностей. В пространстве, охваченном валами, в одном месте отчетливо виднелись уступы, спускающиеся лесенкой по склону. Это террасированные площадки, на которых некогда стояли храмы. Поезд мчался мимо громадной крепости, памятника ожесточенной борьбы чжурчженей с вторгнувшимися войсками императора Корё. Теперь-то я знал историю и время появления этой крепости на Суйфуне!

Сдав чемодан в камеру хранения, я на привокзальной площади города узнал, как добраться к месту, где некогда стояла паровая мельница Линдгольма. Оказывается, она цела.

Там теперь находится большой комбикормовый завод. Автобусы к нему курсируют часто. Через полчаса я вышел на небольшую площадь перед заводом и сразу узнал знакомое по фотографиям здание мельницы. Но каким оно показалось маленьким на фоне стройки, которая кипела рядом!

Завод реконструировался и расширялся. Рядом с ним, как раз в том месте, где некогда стояли могильный холм и храм Эсыкуя с черепахой и аллеей каменных изваяний, а также возвышались могильные холмы приближенных князя, поднимались могучие корпуса нового мелькомбината. Я жадно всматривался в место, где предположительно стояла черепаха. Ничего не осталось... Двор, залитый асфальтом, бегущие по рельсам колеса подъемного крана, развороченная и сглаженная бульдозерами земля, исчезающая вдали бесконечная ле-

сенка рельсового пути... И никто, в том числе директор комбината, оказывается, не знал, какая увлекательная история связана с местом, где теперь грохотал завод. Жизнь идет своим чередом!

Я обогнул мелькомбинат и вышел на берег Славянки. Тихая, небольшая речушка лениво катила свои воды, как и тысячу лет назад. Как будто ничего значительного никогда не происходило здесь. Я вспомнил арабскую сказку, которая навела Пржевальского на те же мысли: «так было всегда...».

— Послушайте! Где-то на берегу речки должен быть древний город,— остановил я повозку с сидящим на ней мужчиной средних лет. Он потянул вожжи, лошадь остановилась.

— Древний город? — удивленно переспросил он, слезая на землю.— Нет, я не знаю никакого города!

— Вы давно живете в Уссурийске?

— Лет, наверное, уже двадцать.

— Рядом с этой мельницей должен располагаться город. От него, конечно, ничего не осталось, кроме насыпанных из земли валов и, может быть, рвов — нечто вроде канав,— продолжал я расспрашивать.

— А... вот что вам надо! Так вы идете не туда. Видите вон там деревья? Рассказывают, что около той рощи находились канавы и рвы. Их вырыли партизаны в гражданскую войну...

Затем подобный же разговор произошел со сторожем, домик которого стоял у подножия разрушенных валов города Эсыкуя. Результат тот же — «так было всегда»...

Я долго бродил по остаткам оплывших земляных валов древнего города, любовался с их вершины окрестностями, не торопясь прогуливался по территории крепости, стараясь представить, как выглядела она, когда здесь кипела жизнь. На поверхности вспаханных огоро-

Развалины крепостного вала города князя Эсыкуя.

дов лежали многочисленные черепицы, некогда покрывавшие крыши, обломки глиняных сосудов. Мне удалось найти несколько фрагментов сосудов, изготовленных из прекрасного синеватого фарфора. Поверхность их рассекалась характерной сеткой мелких трещинок-морщин, свидетельствующих о глубокой древности сосудов.

Нет, так было не всегда!

Но удивительно, чем больше я бродил по некогда наполненным шумом и жизнью улицам города, принадлежавшего племени Ваньянь, тем меньше мои мысли обращались к Эсыкую и его истории. Нет почему-то у меня спокойствия и полного удовлетворения, обычного в конце исследования.

Потом я понял, в чем дело: я думал... о второй черепахе из Уссурийска! Припоминались обстоятельства открытия ее Лопатиным, подробный дневник раскопок холма, найденный среди бумаг Буссе во Владивостоке.

Рядом с нею находилось семь холмов приближенных. Что значит цифра семь? Вазы из глины, найденные в одном из них, хранятся во Владивостоке. А где материалы, добытые в остальных курганах офицером В. У. Ульяницким, который их копал по просьбе Буссе? В бумагах последнего сохранилось письмо Ульяницкого, где он сообщал, что собирается почтой выслать находки, но

почему-то так и не выслал их. Ульяницкий уехал в европейскую часть страны... Куда он мог сдать вещи из курганов?..

Через некоторое время я уже рассматривал в городском саду уссурийскую черепаху. Затем отправился к церкви, у входа в которую вделанная в крыльцо лежала огромная стела, некогда укрепленная на спине этой черепахи. Я знал, как она оказалась здесь. Уездный начальник Занадворов «пожертвовал» ее часовне. Затем после постройки деревянной церкви стела оказалась в ее фундаменте. После сооружения «каменного храма» плиту замуровали в крыльцо... Куда могли задевать навершие? Никто со времени Лопатина не видел его...

Сам себе не отдавая отчета, я невольно погружался в новый омут мучительных вопросов: почему на стеле и навершии второй черепахи Уссурийска, впервые описанной Лопатиным, так и не вырезали ни одного знака? Почему в холме, на котором стояла черепаха, не успели похоронить того, заслуги которого она должна увековечить и прославить? Ведь в могильном холме не оказалось гробницы! И, наконец, главное — кто заботливый «хозяин» черепахи, который еще до смерти заготовил себе памятник, и какие рассказы о трагических событиях хранит молчаливое чудовище?..

Удастся ли разгадать новую тайну?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ларичев Виталий Епифанович
ТАЙНА КАМЕННОЙ ЧЕРЕПАХИ

Редактор
Колеватов В. А.
Художник
Авдеев В. А.
Художественный редактор
Тобух А. Н.
Технический редактор
Субботина Г. М.
Корректоры
Байраковская Е. В., Просвирина В. А.,
Редько В. Н.

Сдано в набор 18 марта 1966 г.
Подписано к печати 21 июля 1966 г.
Формат 70×108/32—4 бум. л.,
11.2 печ. л., 11.3 изд. л.+0,3 изд. л. вкл.
МН 06085. Тираж 15000. Цена 45 коп.
Западно-Сибирское книжное издательство,
Новосибирск, Красный проспект, 3.
Типография № 1, Новосибирск,
Красный проспект, 22. Заказ № 56.

Цена 45 коп.

народы, создавшие высокую культуру, могущественные империи. Эти люди любили и страдали, охотились и занимались земледелием, строили величественные храмы и вели бесчисленные кровопролитные войны, которые в конце концов опустошили цветущий край и сделали его легкой добычей монгольских орд Чингис-хана.

Об археологическом поиске, связанном с хабаровской черепахой — грандиозным погребальным памятником, поставленным более восьми веков назад, увлекательно рассказывает в этой книге археолог Виталий Ларичев, старший научный сотрудник Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Кандидат исторических наук В. Е. Ларичев участвовал в нескольких археологических экспедициях в Монголию, Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток.

Книга о каменной черепахе — свидетельство незаурядных литературных способностей ученого.

Цена 45 коп.

ЗАПАДНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬ-
СТВО